

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ

1887.

№ 1.

ЯНВАРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26

1887.

Πιστέω ὑποσώμεν.

Въ рою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Января 15 дня 1887 года.

Цензоръ, Протоіерей Т. Павловъ.

СЛОВО

Пресвященнаго Амвросія Архієпископа Харьковскаго

НА НОВЫЙ ГОДЪ *).

Прошедшая ночь представляла въ нашей общественной жизни явленіе заслуживающее особеннаго вниманія. Мы встрѣчали новый годъ, мы переходили эту знаменательную черту, отдѣляющую наше прошедшее отъ неизвѣстнаго будущаго. Какъ переходили? Единодушно-ли, единообразно-ли, какъ подобаеть цѣльному и единовѣрному православному народу, — съ однѣми-ли мыслями, чувствованіями и сердечными расположеніями? Нѣтъ. Одни православные христіане, по зову Церкви, шли съ вечера ко всенощному бдѣнію на молитву, другіе, — тоже православные христіане, — сиѣшили на увеселительныя собранія — частныя и общественныя. Одни въ глубокомъ раздумьѣ спрашивали себя: что-то *породитъ намъ находящій день* (Прит. 3, 28), или наступающій новый годъ; другіе шумно провозглашали свои успѣхи въ области знанія и общественной жизни и смѣло привѣтствовали другъ друга съ несомнѣннымъ наступленіемъ новаго благоденствія и счастья. Одни, обзрѣ-

*) Произнесено въ Харьковскомъ кафедральномъ соборѣ.

вая прошедшее, воздыхали къ Богу о грѣхахъ въ мимолетное мгновенье и просили на будущее время продленія къ нимъ Божія милосердія и долготерпѣнія; другіе, не думая ни о своихъ грѣхахъ, ни о правдѣ Божіей, съ самонадѣянностію смотрѣли впередъ безъ страха и опасенія за все будущее, какъ ни отъ кого не зависящія и никому неподсудныя. Больно видѣть это раздвоеніе въ нашемъ народѣ и на одной его сторонѣ утрату страха Божія и забвеніе религіозныхъ обязанностей, но еще больнѣе то, что это явленіе у насъ не рѣдкое, не одиночное. Вчера оно было замѣтнѣе по особенностямъ вчерашней ночи и настоящаго дня, но не всегда-ли такъ у насъ бываетъ? Не въ каждый-ли праздникъ мы видимъ однихъ во время вечернихъ богослуженій въ храмахъ, другихъ на зрѣлищахъ и на пирушкахъ; однихъ съ раннего утра поспѣшающими къ литургіи, другихъ спящими до полудня? И прекратится-ли когда-нибудь это унизительное пренебреженіе къ церковнымъ богослуженіямъ, по правдѣ сказать, преимущественно замѣчаемое въ тѣхъ сословіяхъ нашего народа, которыя почитаютъ себя образованными, и должны бы быть руководящими въ великомъ дѣлѣ общественной нравственности?

Предлагая этотъ вопросъ, мы какъ будто беремъ на себя задачу остановить это противохристіанское направленіе въ нѣкоторыхъ частяхъ нашего общества, исправить это зло зародившееся давно и на глазахъ нашихъ принимающее страшные размѣры? Нѣтъ, мы слишкомъ слабы для этого. Мы хотимъ только освѣтить это губительное направленіе, дать ему надлежащую оцѣнку и тѣмъ исполнить нашу обязанность, предоставляя силу и дѣйствіе въ исправленіи душъ человѣческихъ волѣ и благодати Божіей.

Мы ставимъ вопросъ такимъ образомъ: если въ хри-

стіанской религіи существенную часть составляютъ общественная молитва и богослуженіе, то очевидно въ нихъ должно заключаться какое-либо благо для вѣрующихъ во Христа. Кто исполняетъ въ этомъ отношеніи свой долгъ, тотъ безъ сомнѣнія пріобрѣтаетъ предлагаемое ему благо; следовательно, если кто пренебрегаетъ этимъ долгомъ, тотъ не достигаетъ и предназначеннаго ему блага, или его теряетъ. Что-же теряютъ тѣ изъ православныхъ христіанъ, которые пренебрегаютъ церковными богослуженіями?

Мы не обращаемся съ этимъ вопросомъ къ тѣмъ изъ нашихъ образованныхъ людей, которые, подъ вліяніемъ ложныхъ ученій нашего времени, почитаютъ для себя лишними не только церковныя богослуженія, но и всю Церковь съ ея учрежденіями, и самую вѣру въ бессмертіе души и въ Бога живаго. Правда, и они, какъ христіане, крещены въ младенчествѣ во имя Пресвятыя Троицы, и въ нихъ живъ еще и будетъ живъ до ихъ смерти новый возрожденный благодатію Христовою *внутренній человекъ*, но человекъ этотъ отъ небреженія и неразвитія въ нихъ замеръ, заглохъ, отупѣлъ къ духовнымъ впечатлѣніямъ. Съ ними нельзя говорить языкомъ вѣры, они все отрицаютъ безъ испытанія, обо всемъ спорятъ безъ изученія оспариваемыхъ предметовъ, надъ всѣмъ издѣваются. Если не обратитъ ихъ на путь вѣры Господь милосердый особыми средствами Своего промысленія, то они подпадаютъ приговору, который произнесъ Христосъ Спаситель на іудеевъ не признавшихъ въ Немъ своего Мессію: *се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ* (Мат. 23, 38). Это судъ надъ душами принадлежавшими къ Церкви, но одичавшими и за невѣріе оставляемыми Христомъ и Его благодатію. Помолимся о нихъ, да откроетъ имъ Господь на новое лѣто спасительный свѣтъ богопознанія и благочестія.

Мы обращаемся къ тѣмъ изъ православныхъ христіанъ, которые, вѣры не утратили, но или по предубѣжденіямъ признають для себя, уставы Церкви, а въ томъ числѣ и богослуженія ненужными и необязательными, довольствуясь одними познаніями въ вѣрѣ; или же ничего не отрицая, но увлекаясь обычаями и порядками свѣтской жизни, несогласными съ церковными распределеніями временъ, — осуетились, облѣнились, оплотвѣли, и только иногда, обличаемые совѣстію, выражаютъ бесплодное сожалѣніе о томъ, что дурно провели тотъ или другой праздникъ, или не успѣли побывать на томъ, или другомъ церковномъ торжествѣ!

Итакъ, что же они теряють, чуждаясь церковныхъ богослуженій?

Думаемъ, что во-первыхъ, они теряють Божіе благоволеніе и благословеніе сообщаемое послушнымъ членамъ Церкви Христовой. Иисусъ Христосъ для нашего спасенія не одно ученіе намъ преподалъ, и не одного только нашего волюнтарнаго ученія требуетъ, — въ чемъ мы твердо поставляемъ всю свою вѣру. — Онъ создалъ Церковь, какъ особое учрежденіе, въ которое положилъ всѣ сокровища своихъ заслугъ, всѣ благодатныя силы и дарованія, об тѣмъ, чтобы мы употребляли ихъ въ дѣло нашего нравственнаго исправленія и усовершенствованія. Поэтому нашъ долгъ относиться къ Церкви, какъ намъ повелѣно, а не какъ намъ вздумается. *Христосъ стяжалъ Церковь*, — или приобрѣлъ у Отца небеснаго право собирать вѣрующихъ въ ея священную ограду, — *кровію Своею* (Дѣян. 20, 28). Онъ возлюбилъ Церковь и Себя предалъ за нее (Еф. 5, 25). Онъ сочетался съ нею, какъ ея глава и промыслитель; Онъ обѣщаль ей пребываніе до конца міра и защиту отъ всѣхъ враговъ ея; посему можетъ-ли Онъ взирать безъ гнѣва на тѣхъ, которыхъ Онъ призвалъ въ Свою Церковь, и которые

чуждаются и даже порицаютъ ее? А богослуженія— это жизнь и дыханіе Церкви, это непрестанное движеніе въ нейъ благодатныхъ силъ Духа Божія, постоянное возношеніе очистительной жертвы за грѣхи наши и нашихъ молитвъ возбуждаемыхъ, очищаемыхъ и руководимыхъ; по слову Апостола, самимъ Духомъ Святымъ. *О насъ ходатайствующимъ воздыханіями неизглаголаннѣйми*. (Рим. 8, 26). Отказываться почему-либо отъ участія въ этой церковной жизни и въ этой дѣятельности нельзя безъ величайшаго духовнаго ущерба и лишенія. Мы имѣемъ доступъ къ Богу только чрезъ Христа, нашего ходатая, а Христа находимъ только въ Церкви: откуда же кромѣ Церкви мы можемъ ожидать и Божія благословенія? *Благословитъ мя Господь отъ Сиона*, (Пс. 127, 5) говорили пророки членамъ церкви ветхозавѣтной и мы для пріятія Божія благословенія и процвѣтання его благъ, по слову Апостола Павла, приступили къ горѣ Сиону, и ко граду Бога живаго, къ небесному Иерусалиму и тѣмамъ Ангеловъ, къ торжествующему собору и Церкви первенцевъ, написанныхъ на небесахъ, и къ Судии всѣхъ Богу, *и къ душамъ праведниковъ, достигшихъ совершенства, и къ ходатаю Новаго Завѣта Иисусу*. (Евр. 12, 22—24).

Далѣе, — уклоняющіеся отъ церковныхъ богослуженій не находятъ, или нашедши теряютъ прямой путь живой и спасающей вѣры, которая состоитъ въ общеніи со Христомъ. Вѣра и убѣжденія ума, даже при надлежащей полнотѣ и основательности, получаютъ силу только отъ сердца, а сердце становится ключемъ духовной жизни только тогда, когда Христосъ „вѣрою вселяется въ сердца наши“ (Еф. 3, 17). Очистить для Него храмину нашего сердца, обнять Его своею любовію, мыслить Его умомъ, страдать Его страданіями, ра-

доваться Его радостями, желать того, чего Онъ для насъ желаетъ, идти за Нимъ, куда Онъ насъ призываетъ, — вотъ, что значитъ истинно и спасительно вѣровать, или по слову Апостола, „облечься во Христа (Гал. 3. 27), Который сдѣлался для насъ премудростию отъ Бога, праведностию и освященіемъ и искупленіемъ“ (1 Кор. 1, 30). Къ Нему-то нашему Искупителю Церковь, какъ мать дитя, ведетъ насъ за руку въ своихъ богослуженіяхъ. О Немъ она намъ рассказываетъ, о Немъ поетъ, Его любовь и красоту намъ изображаетъ, Его благодѣяніями учитъ утѣшаться, Его чистотою и свѣтомъ проникаться, и чрезъ погруженіе въ таинства въ Его божественную жизнь, выносить изъ этой священной глубины живое чувство и сознаніе нашего истиннаго призванія и желаемаго для насъ Христомъ совершенства и блаженства. Это на языкѣ слова Божія называется опытнымъ познаніемъ, или вкушеніемъ духовной жизни: „вкусите и увидите, какъ благо Господь“ (Пс. 38, 9). Это сознание и ощущение въ себѣ движенія духовной жизни въ ученіи христіанскомъ называется *духовнымъ опытомъ*. Опытъ этотъ не только удовлетворяетъ насъ въ способности нашей къ жизни особенной, превыше земной, но и возбуждаетъ желаніе искать ее и стремленіе утвердиться въ ней. Онъ-то, этотъ главный двигатель въ дѣлѣ нашего спасенія начинается и поддерживается прежде всего и больше всего въ церковныхъ богослуженіяхъ. Чтобы выяснитъ это ученіе, надобно взять нѣсколько предваряющихъ его христіанскихъ мыслей. Въ нашемъ обществѣ въ послѣднее время затемнилось понятіе о различеніи въ нашей природѣ трехъ жизней, — плотской, душевной и духовной, которое такъ настоятельно внушаетъ намъ Апостоль Па- вель. Мы понимаемъ ясно, что значитъ жизнь плот-

ская, — это: боть, шить, сназь, наслаждаться плотскими удовольствіями, играть, веселиться и пр. Мы понимаемъ въ чемъ состоитъ и жизнь душевная, это: учиться, размышлять, читать, сочинять, заниматься изящными искусствами и т. под. Въ этихъ двухъ видахъ нашей жизни мы подаваемъ болѣею частію всѣ потребности и проявленія нашей двусторонней природы, — тѣлесной и душевной. Кто развиваетъ свою дѣятельность въ последнемъ направленіи, того мы признаемъ исполняющимъ самое высшее назначеніе человѣка. Но не то внушаетъ намъ слово Божіе. По его ученію ни той, ни другой жизни, ни тѣмъ ни другимъ людямъ, т. е. ни ведущимъ грубую, плотскую жизнь, ни утонченную душевную, — нѣтъ мѣста въ царствіи Божіемъ. Нетолько „плоть и кровь, но слову Апостола, не могутъ наследовать царствія Божія“ (1 Кор. 15: 50), но и указанные нами люди, душевные, душевный человѣкъ, говоритъ Апостолъ, не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетъ сіе безуміемъ и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надобно судить духовно“ (1 Кор. 2: 14). Итакъ, отвергая то, что отъ Духа Божія, душевные люди отрицаютъ всю духовную жизнь и потому (что нынѣ и видимъ) всѣ чисто духовные труды и подвиги признаютъ напраснымъ истязаніемъ природы человѣческой и почитаютъ юродствомъ или безуміемъ не только труды современниковъ въ жизни истинно христіанской, но даже и великіе подвиги древнихъ аскетовъ и святыхъ подвижниковъ. Въ чемъ же состоитъ истинно духовная жизнь ведущая къ царствію Божію? Въ развитіи той стороны нашего духа, которая обращена не къ землѣ, а къ небу, въ возбужденіи чувствительности въ этой части нашей природы къ чисто духовнымъ впечатлѣніямъ, и въ стремленіи ко всякому истинному познанію и добру — нестарѣющемуся, неумирающему, вѣч-

ному, что такъ ясно преподалъ намъ Господь въ Евангелии и что называется «собираніемъ сокровища на небесахъ» (Мат. 6, 20). И, очевидно, учиться этой жизни нужно не тамъ, гдѣ приобрѣтаются свѣдѣнія, имѣющія отношеніе только къ жизни земной, гдѣ сообщаются наслажденія хотя и утонченныя, и облагороженныя, но теряющія свое значеніе и цѣну въ виду старости, болѣзней и смерти; но тамъ, гдѣ думаютъ и говорятъ о духовномъ; и стремятся въ вѣчному и небесному, гдѣ упражняются въ богопознаніи, въ молитвѣ, и въ подвигахъ благочестія. Гдѣ это возможно? Вездѣ, гдѣ живетъ христіанинъ; но прежде всего и больше всего въ церковныхъ богослуженіяхъ. И вотъ, что мы находимъ въ нихъ для этого великаго дѣла. Отсюда всякое грѣшное мечтаніе изгоняется; всякіе помыслы, воспоминанія о нашей суетной мірской жизни здѣсь становятся неуспѣшными. Здѣсь всякое земное величіе, всякая гордость, житейская смирятся. Здѣсь стоитъ немощный человекъ предъ всемогущимъ Богомъ, грѣшникъ предъ Судею, погибавшій предъ Спасителемъ. Здѣсь учатъ сознавать свои немощи, плакать о своихъ грѣхахъ, возчувствовать мимолетность земной жизни, страхъ смерти, боязнь вѣчной гибели; но здѣсь же вливаютъ въ сердце и отраду—въ вѣрѣ, и надежду помилованія и успокоенія—въ прощеніи грѣховъ; здѣсь-же сообщается и предвкушеніе неотъемлемаго мира и неоскудѣвающей, не обманчивой небесной радости. Здѣсь учатъ трезвости ума, собранности духа, терпѣнію въ бдѣніи, одушевленію въ молитвѣ, постепенному восхожденію въ таинственную высоту міра духовнаго. Отсюда износится утѣшеніе сердца даже при утомленіи тѣла, и отвращеніе отъ грѣшной суеты, и бодрость въ борьбѣ съ скорбями и лишеніями, и любовь къ людямъ, и жалость къ несчастнымъ, и прощеніе врагамъ. И такъ здѣсь учатъ,

что истинная наша жизнь и истинное счастье состоятъ въ чистотѣ совѣсти, въ благоговѣніи предъ всевидящимъ Богомъ, въ славословіи Его. — нашего Отца, промыслителя и Спасителя и въ служеніи Ему дѣлами правды и любви. Все это знаютъ послушныя чада Церкви, нелѣнностно, досѣщающія богослуженія. но для кого это непонятно, тотъ долженъ убѣдиться, что въ его душѣ нѣтъ вачатковъ духовной жизни и залоговъ для царствія Божія. Напрасно онъ будетъ утѣшать себя благоприличіемъ своего поведенія, образованностію, научными познаніями и другими земными преимуществами; великій грѣшникъ, какъ евангельскій мытарь, приходившій поплакать въ Церковь, ближе къ царствію Божію, чѣмъ находящійся въ самообольщеніи *душевный* человекъ. Отъ того эти душевные люди, непознавшіе опытомъ духовной жизни и силы грядущаго вѣка (Евр. 6:5); такъ же сомнѣваются во всемъ, что къ ней относится, такъ много противъ всего возражаютъ и отъ всего уклоняются. Очевидное доказательство этому мы видимъ въ ихъ отговоркахъ, которыми они оправдываютъ себя въ уклоненіи отъ богослуженій. „Если бы, говорятъ они, у насъ были другіе часы для богослуженій, а не время нашего обѣда и утренняго сна; если бы въ церквахъ нашихъ пѣли хорошо; если бы богослуженія были не такъ продолжительны и въ церквахъ можно было бы сидѣть и т. под.“ — Нужно ли объяснять, что часы домашней жизни, разошедшіея съ церковными можно было бы и переставить, что художественное пѣніе въ церквахъ не есть необходимое условіе молитвы, а больше услажденіе чувства, что его могли и должны были бы улучшать лично, или чрезъ приношенія въ храмы сами образованные люди, а не ждать этого отъ бѣдныхъ крестьянъ, или неимущаго духовенства, что наконецъ сидѣть и покоиться здоровымъ и

особенно празднымъ людямъ много времени и дома, а предъ Богомъ справедливе постоять? Такъ ясно слышится во всемъ этомъ голосъ *плотскаго и душевнаго* человека.

Трудно изобразить весь нравственный ущербъ и вредъ, какой претерпѣваютъ христіане, чуждающіеся храмовъ и богослуженій въ своей семейной и домашней жизни. Апостоль Павель благочестивое семейство называетъ *домашнею церковію* (Римъ 16, 4). Какъ живое оправданіе этого взгляда Апостола на быть семейный мы видимъ во всей исторіи нашего православнаго народа. Каждый домъ въ немъ былъ, (и по милости Божіей доселѣ еще въ большинствѣ народа обтаеця) отображеніемъ храма и церковнаго порядка. Любимое украшеніе дома святыми иконами, счетъ дней и распредѣленіе занятій по церковнымъ праздникамъ, соотвѣтствие временамъ церковнымъ въ назначеніи рода пищи, удовольствій и самыхъ одеждъ, все въ такомъ домѣ напоминаетъ что онъ состоитъ въ постоянной связи съ храмомъ и двѣотвѣтельно составляетъ живую часть великаго тѣла Церкви. Въ немъ радуются, когда радуется Церковь, смиряются и сосредоточиваются въ духѣ, когда Церковь въ богослуженіяхъ выражаетъ *печаль* *якъ по-Бозь*, посятаются, когда Церковь требуетъ подвига покаянія, торжествуютъ и славятъ Господа, когда великія событія въ домостроительствѣ искупленія торжествуетъ Церковь. Понятно, что и вліяніе такого порядка жизни на семейство тоже, что и вліяніе храма на присутствующихъ въ немъ: страхъ Божій, памятованіе о Божіемъ вездѣприсутствіи, воздержаніе, трезвенность, цѣломудріе, послушаніе дѣтей родителямъ, трудолюбіе, миръ и порядокъ, — вотъ обыкновенныя нравственныя черты такихъ семействъ. Тутъ нѣтъ надобности ни родителямъ приневоливать себя къ посѣщенію храма, ни

дѣтей посылать насильно къ богослуженію; переходъ отъ дома къ храму въ праздники требуется самъ собою, и не составляетъ чего то лишняго и тягостнаго. Здѣсь не только дѣтямъ вмѣняется въ обязанность, но и служителямъ дается возможность и свобода посѣщать храмъ Божій. Что же мы видимъ въ семействахъ отчужденныхъ отъ Церкви? *Домъ вашъ пустъ*; вотъ впечатлѣніе, получаемое добрымъ христіаниномъ при посѣщеніи подобнаго семейства. Тутъ вѣчныя будни: все занято плотію, все работаетъ для нея, или для празднествъ, приготовляемыхъ *душевному*, а не *духовному* человѣку. Неудивительно, что съ утратою христіанскаго порядка жизни оскудѣваютъ въ подобныхъ семействахъ и христіанскія добродѣтели. Домъ нравственно пустѣетъ и разлагается: супруги ссорятся, дѣти бунтуютъ, служители пьянствуютъ и крадутъ, потому что, какъ говоритъ Писаніе, *нѣтъ страха Божія предъ очами ихъ* (Рим. 3, 18); а именно чтобы вселялся страхъ Божій въ душахъ, надобно, чтобы онъ былъ *предъ очами*, т. е. во всемъ порядкѣ жизни для всѣхъ видимомъ и обязательнымъ. Ясно, что никакія науки, никакія изящныя искусства, никакія и облагораживающія развлечения не воспитаютъ въ семействахъ христіанскихъ добродѣтелей.

Намъ кажется, что хотя бы жалость къ дѣтямъ могла побуждать беспечныхъ родителей посѣщать храмы и дѣтей водить съ собою, такъ какъ они видимо гибнутъ безъ вліянія церковныхъ богослуженій. Ихъ духъ замираетъ и вянетъ, чувственность прежде времени возбуждается, духовный вкусъ тупѣетъ, эгоизмъ растетъ, жажда наслажденій распалается, совѣсть теряетъ чистоту и бдительность, умъ изощряется въ искусствѣ обходить нравственный трудъ и уклоняться отъ духовныхъ упражненій. Но замѣчательно, что здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ нравственной жизни, на-

ше общество для оправданія своего имѣеть наготовѣ чужія религиозныя мысли. Говорятъ: „ваши дѣти еще малы;“ что они понимаютъ въ церкви? Надобно, чтобы они сначала выслушали уроки Закона Божія. Вотъ на что мы больше всего надѣемся: уроки, и уроки! Но уроками-ли совершается самое раннее развитіе дѣтей? Черезъ умъ-ли дѣтскій проходятъ всѣ образы и картины жизни, и въ видѣ-ли логическихъ понятій укладываются въ ихъ душахъ всѣ впечатлѣнія, получаемыя ими въ природѣ и обществѣ? Нѣтъ; жизнь тѣснится въ ихъ души помимо ихъ сознанія; она проникаетъ во всѣ поры ихъ нравственного существа прежде всякаго научнаго изслѣдованія. Переставьте указанное нами возраженіе изъ религіозной области въ область природы и вы увидите всю его несостоятельность. Всѣ мы знаемъ какъ возбуждительно дѣйствуютъ на дѣтскія души жизнь и картины природы, — и солнечный свѣтъ, и небесныя свѣтила, и звуки голоса, и воды, и цвѣты, и птицы и животныя. Все это вы счѣтаете доказательствомъ для ихъ созерцанія, наблюденій и удовольствій, а прежде всего признаете для нихъ необходимымъ чистый воздухъ и движенія. Теперь спросимъ: почему вы не держите ихъ въ классныхъ комнатахъ, вдали отъ природы, пока они не узнаютъ научнымъ образомъ — астрономію, чтобы наслаждаться видомъ звѣзднаго неба, — минералогію, — чтобы съ удовольствіемъ собирать камешки на берегу рѣки, — ботанику, — чтобы полюбить цвѣты, — орнитологію и зоологію, — чтобы любоваться птицами и животными и пр.? Вы знаете, что дѣти отупѣютъ прежде нежели путемъ науки доберутся до созерцанія природы, что они умрутъ безъ чистаго воздуха и движенія. Предоставьте-же ихъ и въ религіи, какъ и въ природѣ, прежде всего созерцанію и силѣ впечатлѣній, *показывайте* имъ храмы и богослуженія, по-

ставьте ихъ подъ вліяніе красоты церковной, въ благоговѣніи молящихся, дайте имъ почувствовать невидимое присутствіе Божіе и вѣяніе Святыя благодати; и потомъ уже увидите ихъ, и объясняйте имъ то, что они видѣли, испытали и уже полюбили! Но пока вы ожидаете ихъ, успѣховъ въ Законѣ Божіемъ, духовная впечатлительность въ нихъ ослабѣетъ, инныя ощущенія и склонности займутъ въ ихъ сердцахъ мѣсто принадлежащее Богу; они будутъ люди *душвныя*, а не *духовныя*.

Но еще гибельнѣе вліяніе передовыхъ сословіи чуждающихся богослуженій на народныя массы. Тяжкая отвѣтственность падетъ на нихъ предъ Богомъ и исторіею нашего отечества за тотъ соблазнъ, какой они производятъ въ народѣ. Видъ внѣшней образованности увлекаетъ и необразованныхъ къ подражанію имъ; ихъ ложныя сужденія и отговорки, распространяются и повторяются, ихъ примѣръ влечетъ простодушныхъ отъ богослуженій на зрѣлища и увеселенія. За этимъ является и въ простомъ народѣ отчужденіе отъ храма, небрежность и вольность въ поведеніи во время самыхъ богослуженій, дерзость по отношенію къ блюстителямъ церковнаго порядка, пренебреженіе къ голосу священнослужителей; а о поведеніи народа по праздникамъ на улицахъ и въ домахъ и говорить нечего; это видно всѣмъ и всегда. Говорятъ: „всѣ свободны поступать какъ имъ угодно; открывая предъ праздниками общественныя увеселенія, мы никого силою не принуждаемъ участвовать въ нихъ; всякій долженъ дѣйствовать по своему убѣжденію“. Но когда люди высшаго разряда не могутъ отказать себѣ въ неблаговременныхъ удовольствіяхъ, могутъ-ли массы, всегда падкія на эти удовольствія, безъ добраго примѣра и руководства устоять на строгомъ пути благочестія? Не значить-ли это закрывать собственные глаза и отводить глаза другихъ отъ истины?

Мы много въ настоящее время замѣчаемъ у себя въ общественной жизни нестроенія и безпорядковъ, испытываемъ и общественныя бѣдствія. Всѣмъ имъ одна главная и глубочайшая причина, — оскудѣнiе въ насъ вѣры и благочестія. Мы удаляемся отъ Бога, Онъ удаляется отъ насъ; а съ удаленiемъ Его, источника всякаго блага, уходятъ отъ насъ и довольство, и безопасность и счастье. Но ничто такъ не подвергаетъ народы гнѣву Божию, какъ открытое униженiе Его святаго имени, и пренебреженiе къ Его святому закону. Этихъ народнымъ грѣхомъ мы и повинны предъ Богомъ въ минувшiе годы. Но долготерпѣливъ Господь, Онъ даетъ намъ еще новое лѣто. Напишемъ, такъ сказать, на вратахъ этого новаго года слова св. Апостола Петра: „долготерпѣнiе Господне“ „почитайте спасенiемъ“ (2. Пет. 3, 15). Аминь.

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

ИДЕЯ ОВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

XXI.

Перемиріе въ Плесвицѣ означало собою великій поворотъ въ гигантской борьбѣ Россіи и ея императора за свободу Европы и человѣчества. До сихъ поръ Александръ не имѣлъ въ этой борьбѣ иного союзника, кромѣ короля прусскаго. Фридрихъ-Вильгельмъ былъ личный другъ императора, а за нимъ слѣдовалъ цѣлый народъ, рѣшившійся, подобно русскимъ въ 1812 году, скорѣе погибнуть, нежели подвергнуться игу всесвѣтнаго завоевателя. Оба союзные монарха, поднимая оружіе за великое и святое дѣло освобожденія человѣчества, далеки были отъ всякихъ заднихъ мыслей; ихъ союзъ покоился на незыбливой основѣ полного сердечнаго согласія, на единствѣ цѣли и стремленій. Для достиженія этихъ цѣлей, для осуществленія этихъ стремленій подвижнута были всѣ силы, бывшія въ распоряженіи союзныхъ государей, принесены народами жертвы, непримѣрныя въ исторіи, выказана на поляхъ битвъ доблесть, затмившая всѣхъ героевъ древности. И что-же? Все оказалось, повидимому,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 19.

тщетнымъ. Военный геній Наполеона, его организаторскій талантъ одержалъ побѣду надъ энтузіазмомъ народовъ, надъ героизмомъ вождей и воиновъ союзныхъ армій. Правда, эта побѣда далеко не походила на прежніе триумфы завоевателя; правда, союзныя арміи не были истреблены; онѣ нанесли врагу даже большій уронъ, нежели потерпѣли сами; но все же союзники вынуждены были два раза оставлять поле битвы, все-же они были оттѣснены новобранцами Наполеона до Одера, въ глубину Силезіи¹⁾; что самое важное, они не въ состояніи были пополнять убыли въ своихъ рядахъ съ такою быстротою, какъ ихъ геніальный противникъ, обладавшій къ тому-же такимъ совершеннымъ административнымъ механизмомъ.

Перемиріе, на которое такъ неожиданно согласился Наполеонъ, открыло союзникамъ возможность пополнить и уравнять свои силы съ силами противника; но вожди коалиціи пришли уже на основаніи опыта къ убѣжденію, что даже и при равенствѣ силъ дальнѣйшая борьба съ Наполеономъ представляетъ имъ мало вѣроятности успѣха, что для достиженія цѣли имъ необходимо удвоить свои силы, привлечь на свою сторону Австрію, которая одна могла склонить на ихъ сторону побѣду не столько массою своихъ вооруженныхъ силъ, сколько своимъ географическимъ положеніемъ, фланжировавшимъ позиціи Наполеона въ Саксоніи¹⁾.

Императоръ Александръ убѣдился въ невозможности одолѣть Наполеона одними русско-прусскими силами уже на полѣ битвы при Люценѣ, гдѣ онъ впервые ознакомился съ боевыми качествами новой французской арміи, созданной Наполеономъ въ какіе-нибудь два, три мѣсяца, какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла²⁾. Мнѣнія такихъ компетентныхъ лицъ, какъ геніальный Шарнгорстъ, дальнѣйшія роко-

¹⁾ Богемія, вдающаяся подобно колоссальному бастіону въ сѣверную Германію, придавала громадное значеніе Австріи. Отсюда можно было нанести Наполеону, по мнѣнію союзныхъ стратеговъ, самыя чувствительныя удары; здѣсь, въ этой гигантской природной крѣпости, легче всего можно было противостать его нападѣніямъ.

²⁾ Toll's Denkwürdigkeiten, T. III, стр. 5.

выя событія, и главнымъ образомъ, битвы при Бауценѣ могли только усилить и развить это убѣжденіе. Императоръ не былъ потрясенъ, или сломленъ цѣлымъ рядомъ неудачъ; тверже, нежели когда-либо, онъ былъ намѣренъ продолжать борьбу съ Наполеономъ; но онъ полагалъ теперь вмѣстѣ съ Шарнгорстомъ, что союзники должны во что-бы то ни стало привлечь на свою сторону Австрію.

Императоръ Александръ не могъ скрывать, однако-же, отъ себя, что союзъ съ Австріею заключалъ въ себѣ отступленіе отъ Калишской программы, что вступленіе въ коалицію Габсбургской монархіи должно было повліять самымъ существеннымъ образомъ на характеръ и цѣли борьбы. Лучшего-либо знакомъ былъ императоръ съ основными тенденціями и цѣлями австрійской политики, а руководители этой политики императоръ Францъ и первый министръ его, Меттернихъ, не могли внушать ему ни особенной симпатіи, ни довѣрія. Александръ имѣлъ случай ознакомиться съ характеромъ и принципами императора Франца еще въ печальные дни Аустерлицкой кампаніи; уже тогда заглянулъ онъ глубоко въ душу этого глубочайшаго эгоиста, и понялъ, что нѣтъ ничего общаго между нимъ и этимъ представителемъ Габсбургской династіи.

Императоръ Францъ не отличался особенно обширнымъ, или глубокимъ умомъ; онъ былъ человѣкъ обыкновенный, дюжинный во всѣхъ отношеніяхъ. Его образованіе было крайне поверхностное, далеко не соответствующее высотѣ его призванія. Наука и литература не существовали для него; онъ относился къ нимъ съ глубокимъ презрѣніемъ, какъ подобаетъ истому невѣждѣ ¹⁾. Учебныя заведенія существовали,

¹⁾ Основная причина пренебреженія Франца къ наукѣ и умственной жизни заключалась въ его плохомъ воспитаніи. Онъ даже не подозрѣвалъ, что наука можетъ имѣть самостоятельное значеніе, не исчерпывающееся распространеніемъ техническихъ и агрономическихъ свѣдѣній. Столь-же чужда была ему сущность поэтическихъ произведеній; произведенія старыхъ и новыхъ поэтовъ были ему совершенно неизвѣстны. Лишь подъ конецъ жизни началъ онъ догадываться, что въ связи съ театромъ находится дѣятельность не только комедіанта, но и поэта. Онъ ненавидѣлъ литературу какъ силу независимую, спо-

по его мнѣнію, лишь для того, чтобы готовить дѣльных и аккуратныхъ чиновниковъ ¹⁾. Онъ признавалъ чиновниковъ, дворянъ, монаховъ, солдатъ, ремесленниковъ, крестьянъ, но онъ не признавалъ людей. Идея челоѵка и его челоѵческаго достоинства была ему чужда. Онъ ненавидѣлъ свободу, равноправность, гуманность уже потому, что всѣ эти принципы были выдвинуты французскою революціею, причинившею ему столько хлопотъ, потерей и безспокойствъ. Національное чувство, національный энтузіазмъ казались ему, неограниченному монарху разноплеменной Австріи, вредными и дикими инстинктами. Одинъ разъ въ жизни, въ роковомъ 1809 году, онъ попробовалъ было играть съ этими опасными утопіями и былъ твердо намѣренъ не повторять впредь подобной ошибки. Челоѵкъ холоднаго разсудка онъ не могъ понимать увлеченія, все равно въ какой-бы области оно ни проявлялось. Все, напоминавшее хотя сколько-нибудь энтузіазмъ, было ему противно до глубины души. Покорный и вѣрный сынъ католической церкви, онъ отвращался съ ужасомъ отъ либеральной церковной политики своего предшественника Іосифа II, преклонялся передъ авторитетомъ патеровъ ²⁾, исполнялъ въ точности церковные обряды, но не понималъ и не хотѣлъ понимать внутренняго значенія христіанскаго ученія и нравственности. Религія была для

собную имѣть его самовластію. См. Springer, Geschichte Oesterreich's, T. I, стр. 126.

¹⁾ Прошенія ученыхъ, желавшихъ занять профессорскія должности, онъ отправлялъ на усмотрѣніе полиціи, говоря, что въ профессорѣ важнѣе всего образъ мысли. См. Julius Schneller's Nachgelassene Schriften, T. I, стр. 235.

²⁾ Преклоненіе императора передъ патерами имѣло, однакоже, свои опредѣленные границы. Патерамъ была предоставлена большая полицейская власть; они могли преслѣдовать неисполненіе постовъ, могли ограничивать страсть населенія къ танцамъ, запрещать вольнодумныя книги, преслѣдовать не католиковъ и вольнодумцевъ, но при всемъ томъ правительство требовало отъ нихъ такого-же безусловнаго повиновенія, какъ и отъ другихъ чиновниковъ; запрещало духовенству споситъ непосредственно съ Римомъ и взяло въ свои руки управленіе церковными имѣніями. Не смотря на всю свою набожность, Францъ ненавидѣлъ ультрамонтановъ уже потому, что они стремились, въ интересахъ папства, къ ограниченію монархической власти. См. Springer, Geschichte Oesterreich's, T. I, стр. 125.

него дѣломъ привычки, расчета, разсудка, а не сердца ¹⁾. Личное спокойствіе, удовольствія, наслажденія, стояли для него, какъ и для всякаго эгоиста, на первомъ планѣ. Онъ вовсе не былъ человѣкомъ развратнымъ, расточителемъ или любителемъ роскоши. Напротивъ, онъ считалъ грѣхомъ всякую любовную интригу и считалъ необходимымъ жить въ бракѣ: Похоронивъ одну жену, онъ спѣшилъ тотчасъ-же жениться на другой ²⁾. Онъ былъ врагъ всякой излишней пышности, блеска, церемоній, уже потому, что они обходились слишкомъ дорого и нарушали важнѣйшее благо его жизни, покой. Онъ держалъ себя очень просто, былъ доступенъ для всѣхъ и cadaго ³⁾, умѣлъ говорить и шутить съ вѣнскими бюргерами и пользовался большою популярностью среди столичнаго населенія. Методичность, аккуратность и осторожность казались ему первѣйшими достоинствами монарха и государственнаго человѣка. Кабинетныя занятія поглощали большую часть его времени; въ подписываніи бумагъ, въ точномъ соблюденіи канцелярскихъ ⁴⁾ формальностей усматривалъ онъ важнѣйшую сторону своей правительственной дѣятельности. Врагъ всякаго шума и суматохи, онъ не любилъ

¹⁾ „Императоръ стоитъ за чистый монархизмъ и католицизмъ, ибо они поддерживаютъ взаимно другъ друга. Іозефинская система одинаково подкапывала и религію и монархію. Она уничтожена теперь въ своихъ принципахъ, но продолжаетъ, къ сожалѣнію, существовать въ своихъ послѣдствіяхъ“. Scheller's. Т. 1, стр. 210.

²⁾ Францъ похоронилъ свою первую супругу Елисавету Виртембергскую 18-го февраля 1790 г.; 19-го сентября того-же 1790 г. онъ женился на Маріи Терезіи Неаполитанской. Марія-Терезія скончалась 17-го апрѣля 1807 года, а 16-го января 1808 г. Францъ праздновалъ свою третью свадьбу съ Марією-Людвикою Эсте. Марія-Людвика умерла 6-го апрѣля 1816 г., а 10 ноября того-же года Францъ вступилъ въ свой четвертый бракъ съ Марією-Каролиною Баварскою. См. Springer, Geschichte Oesterreich's Т. I, стр. 116.

³⁾ Францъ страстно любилъ давать аудіенціи. Во время своего итальянскаго путешествія онъ принималъ 20000 человѣкъ; всякій, кто-бы не пожелалъ, могъ явиться къ императору въ опредѣленные дни и часы недѣли. Терпѣніе въ такихъ случаяхъ было неистощимо, самыя длиннѣйшія рѣчи не паскучали ему, охотно выслушивалъ онъ мелочи и подробности, давалъ всѣмъ любезные отвѣты, обыкновенно на Вѣнскомъ діалектѣ и приобрѣлъ тѣмъ большую популярность. См. Springer, Geschichte Oesterreich's, Т. I, стр. 112.

⁴⁾ См. Springer, Geschichte Oesterreich's, Т. I, стр. 113.

военнаго лагеря, съ его маневрами, пальбою и тревогою. Война казалась ему величайшимъ бѣдствіемъ, во-первыхъ, потому, что причиняла вредъ и убытки, а во-вторыхъ потому, что нарушала его покой, заставляла переживать тревожныя душевныя состоянія. Онъ велъ очень часто войны, но лишь потому, что его вынуждали въ этому неотразимыя обстоятельства. Не имѣя ни малѣйшаго понятія о военномъ искусствѣ, онъ полагался во всемъ на отжившую свой вѣкъ кабинетную стратегію придворнаго военнаго совѣта и не умѣлъ пользоваться выдающимися военными талантами, даже тогда, когда они обнаруживались въ средѣ его собственной семьи¹⁾. Человѣкъ слабый и трусливый, онъ терялъ голову при первыхъ неудачахъ и готовъ былъ купить миръ самыми тяжелыми и позорными уступками. Недовѣрчивый къ самому себѣ, онъ относился съ подозрительностью и недоверіемъ ко всѣмъ и каждому. Онъ не доверялъ своимъ слугамъ, совѣтникамъ, министрамъ; онъ сторонился отъ всякаго выдающагося человека и считалъ его въ душѣ своимъ врагомъ. Страстный любитель мелочныхъ, канцелярскихъ занятій, онъ крайне неохотно бралъ въ руки бумаги, затрогивавшія какіе-нибудь принципиальныя вопросы или общія отношенія²⁾. Всякое усиленное умственное напряженіе было для него также про-

¹⁾ Изъ всѣхъ своихъ братьевъ Францъ доверялъ только эрцгерцогамъ Райнеру и Людвигу, людямъ во всѣхъ отношеніяхъ ничтожнымъ. Эрцгерцога Карла онъ ненавидѣлъ за его побѣды надъ французами; эрцгерцогамъ Иоанну и Иосифу онъ не могъ простить той популярности, которою пользовались они въ народѣ.

²⁾ Чѣмъ долѣе жилъ Францъ, тѣмъ сильнѣе укоренялась привычка въ высшихъ правительственныхъ сферахъ придавать чрезвычайное значеніе всему мелочному и ничтожному и затягивать въ тоже время все дѣйствительно важное и серьезное. Этого желалъ самъ императоръ, въ этомъ отношеніи онъ подавалъ примѣръ всѣмъ остальнымъ. Каждый день проводилъ онъ цѣлыя часы за своимъ письменнымъ столомъ, соперничая въ сухомъ прилежаніи и бессмысленной кропотливости съ посѣдимымъ придворнымъ совѣтникомъ. Его подозрительность доходила до того, что онъ просматривалъ всѣ бумаги, и запросивъ мнѣнія и отзывы всѣхъ своихъ совѣтниковъ, обращался въ тайнѣ къ другимъ лицамъ, очень часто второстепеннымъ чиновникамъ въ отдаленныхъ провинціяхъ и провѣрялъ ихъ мнѣніями взгляды своихъ министровъ. См. Springer, Geschichte Oesterreich's, T. I, стр. 112.

тивно, какъ и физическое усиленіе. Пустыя дѣтскія забавы и мелочи служили его любимымъ время препровожденіемъ. Въ молодые годы онъ игралъ по цѣлымъ часамъ въ жмурки съ своею женою и адъютантами, на старости лѣтъ его занимало вырѣзываніе силуэтовъ, приготовленіе транспарантовъ, дѣланіе кувольныхъ повозокъ. Музыка была также любимѣйшимъ занятіемъ Франца. Онъ самъ игралъ на скрипкѣ, хотя и очень плохо ¹⁾ и заботился о хорошей придворной капеллѣ. Эти заботы не покидали его даже въ такіе моменты, когда государство и династія переживали самые тяжелые и рѣшительные кризисы. Когда передъ войною 1813 года въ Богеміи устраивалась императорская лейбъ-гвардія изъ однихъ дворянъ, то Францъ хлопоталъ всего болѣе о томъ, чтобы въ эту гвардію попало достаточное количество музыкантовъ, изъ которыхъ могло-бы составиться, по первому мановенію императора, образцовое квартетное и симфоническое собраніе ²⁾. Вслѣдствіе такого желанія императора въ гвардію попали господа, которые не имѣли ничего общаго ни съ дворянствомъ, ни съ военными доблестями, но за то были порядочные квартетисты и симфонисты. Францъ былъ въ восторгѣ, онъ давалъ видъ, что не замѣчаетъ насмѣшекъ, посылаемыхъ по адресу его трабантовъ; онъ видимо гордил-

¹⁾ „Францъ игралъ часто и охотно на скрипкѣ. Онъ достигъ, правда, только до второй скрипки, и руководитель императорскихъ музыкальныхъ развлеченій, Іосифъ Вейгель, мучился не мало съ музыкантомъ, обладавшимъ крайне плохимъ слухомъ. Случалось нерѣдко, что онъ смиренно и вѣрнопопданнѣйше просилъ играть Fis или Cis, а Францъ упорно игралъ F или C“. Springer, Geschichte Oesterreich's, T. I, стр. 113.

²⁾ Объ этомъ курьезномъ музыкальномъ легионѣ см. Springer, Geschichte Oesterreich's T. I, стр. 114. Замѣчательно, что люди, умѣвшіе заслужить расположеніе Франца своими музыкальными способностями и другими художествами, не только дѣлались его любимцами, но и достигали высокаго положенія въ государствѣ. Лучшій примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ извѣстный баронъ Кутчера. Человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ ничтожный, круглый невежда и въ военномъ дѣлѣ, и въ политикѣ, грубый, неотесанный, пошлый и развратный, онъ назначенъ былъ генераль-адъютантомъ единственно за свое искусство играть на скрипкѣ. Доносчикъ и шпіонъ по натурѣ, онъ слѣдилъ за эрцгерцогами и доносилъ о нихъ Францу. Не смотря на всеобщую ненависть и крайне скандальное поведеніе, онъ сохранялъ свое высокое положеніе до самой смерти своей въ 1832 году.

ся ими и парадировать съ ними при всякомъ удобномъ случаѣ, начиная отъ Дрездена и оканчивая Парижемъ.

Эгоизмъ императора Франца былъ самымъ главнымъ, можно сказать, исключительнымъ двигателемъ во всѣхъ его желаніяхъ, намѣреніяхъ, дѣйствіяхъ ¹⁾. Своему спокойствію, своимъ выгодамъ онъ не задумывался приносить въ жертву даже своихъ собственныхъ дѣтей. Онъ выдалъ дочь свою Марію Луизу за Наполеона лишь потому, что думалъ поправить этимъ бракомъ свои собственные дѣла. Онъ льстилъ своему великому зятю, увѣрялъ его въ своей безусловной преданности, онъ восхищался семейнымъ счастьемъ своей возлюбленной дочери; но въ глубинѣ души онъ продолжалъ ненавидѣть и презирать дерзкаго выскочку, а счастье его дочери было для него всегда вопросомъ болѣе нежели второстепеннымъ.

Каковъ господинъ, таковъ и слуга! Францъ мѣнялъ неоднократно своихъ министровъ, но остановившись разъ на Меттернихѣ, онъ не разставался уже съ нимъ до могилы. Меттернихъ стоялъ не только выше своего повелителя и по уму, и по образованію и по свѣтовому такту, но гармоничнѣе съ нимъ жить нельзя болѣе и своими нравственными качествами, и своими политическими убѣжденіями ²⁾. Подобно Францу, Меттернихъ былъ совершеннѣйшій эгоистъ. Повой, наслажденіе было его цѣлью въ жизни; онъ работалъ лишь для того, чтобы обезпечить свой покой, чтобы гарантировать себѣ наибольшую сумму наслажденій. Онъ полагалъ, что народныя массы существуютъ лишь для обезпеченія благоденствія избранныхъ счастливицевъ, поставленныхъ судьбою на вершинѣ общественнаго зданія. Французская революція съ своими сумазбродными идеями казалась

¹⁾ Эту основную черту въ характерѣ Франца замѣтилъ уже дядя его, императоръ Іосифъ II. см. Springer Geschichte Oestereich's T. I, стр. 110.

²⁾ Подробности о Меттернихѣ см. въ моемъ сочиненіи, Меттернихъ и европейская реакція, Харьковъ 1882, см. также Springer, Geschichte Oesterreich's, T I, стр. 128—138; Трейчке, deutsche Geschichte in 19 Jahrhundert; но лучше всего рисуется Меттернихъ въ его собственныхъ мемуарахъ, см. Memoires de Metternich 7 томовъ.

ему непростительнымъ преступленіемъ, но еще ужаснѣйшими злодѣяніями казались ему: такіе всемірно-историческія событія, какъ изобрѣтеніе книгопечатанія и церковная реформація ХVІ столѣтія; изъ этихъ двухъ преступныхъ актовъ выводилъ онъ все послѣдующія бѣдствія человѣчества и все его нравственное извращеніе. Лютеръ и Гутенбергъ были въ глазахъ его прототипами Маратовъ, Робеспьеровъ, Дантоновъ. Дипломатическое искусство было въ глазахъ Меттерниха величайшимъ и важнѣйшимъ призваніемъ, доступнымъ лишь для немногихъ избранныхъ смертныхъ. Онъ старался убѣдить себя и другихъ, что судьба государствъ и народовъ рѣшается не на поляхъ битвъ, не въ шумныхъ народныхъ собраніяхъ, а за зеленымъ столомъ дипломатовъ, въ недоступныхъ для свѣта кабинетахъ государственныхъ людей. Писаніе нотъ, протоколовъ, меморандумовъ казалось ему мудрѣйшимъ и важнѣйшимъ занятіемъ въ мірѣ. Онъ испыталъ въ своей жизни цѣлыя горы бумагъ, и былъ глубоко убѣжденъ, что вся новѣйшая исторія, начиная отъ Вѣнскаго міра, была создана имъ. Двуличность, ложь были для него первыми орудіями государственнаго человѣка, кривые извилистые пути представлялись ему единственно возможными въ дипломатіи. ¹⁾ Идеологи были для него также ненавистны какъ и для Наполеона. Энтузіазмъ, воодушевленіе казались ему свойствами людей, разстроенныхъ психически. Онъ любилъ отпускать громкія нравственныя тирады; умѣлъ вдыхать и проливать слезы; но хоронилъ своихъ женъ и женился на другихъ также поспѣшно, какъ его повелитель, и былъ кромѣ того великій мастеръ на поприщѣ любовной интриги.

Меттернихъ старается увѣрить насъ въ своихъ пресловутыхъ мемуарахъ, что катастрофа Наполеона вызвана была его собственною дальновидною политикою и великодушными рѣшеніями его императора Франца. Подобное самообольще-

¹⁾ Наполеонъ еще въ 1809 г. замѣтилъ, что Меттернихъ подаетъ большія надежды, что онъ ляжетъ замѣчательно; въ этомъ искусствѣ Меттернихъ достигъ до неподражаемой степени совершенства.

нѣ можетъ вызывать только улыбку на устахъ человека, знающего, хотя сколько нибудь съ общимъ ходомъ великихъ событий, нашего вѣка. Иное дѣло, когда подобныя нелѣпости повторяются, въ наше время историками, работающими на основаніи архивнаго матеріала и старающимися удивить ученый и неученый міръ самыми неожиданными открытіями и комбинаціями. Если вѣрить этимъ господамъ, подтверждающимъ свои выводы безконечными ссылками и длиннѣйшими выписками изъ стараго дипломатическаго хлама, то оказывается, что катастрофа 1812 года, героизмъ народа русскаго, твердость императора Александра, возстаніе Пруссіи, и даже англійскія субсидіи, (а извѣстно, что деньги даже въ глазахъ дипломатовъ имѣютъ громадное значеніе), играли менѣе чѣмъ второстепенную роль въ паденіи величайшаго завоевателя всѣхъ временъ и народовъ. Исполнѣть было свергнуть единственно тѣми довшими дипломатическими ходами, которые совершалъ великій Меттернихъ, начиная съ 1805 г. и тѣми героическими рѣшеніями, на которыя отваживался не менѣе великій Францъ, отваживался, впрочемъ, послѣ долгаго обдумыванія, выжиданія и колебанія. Императоръ Александръ не былъ, разумно, посвященъ въ тайны австрійской дипломатіи, но у него было не мало доказательствъ въ рукахъ, что дипломатія эта приняла крайне двузначенный и коварный характеръ именно съ того момента, когда во главѣ ея сталъ знаменитый Меттернихъ. Александръ не могъ ставить австрійскому кабинету въ особенную вину того обстоятельства, что онъ принужденъ былъ принять вооруженное участіе въ разбойническомъ нашествіи

1) Такіе оригинальные взгляды развиваетъ между прочимъ въ наше время извѣстный нѣмецкій историкъ, В. Онкевъ. Этотъ въ высшей степени плодовитый писатель состранилъ между прочимъ громадное сочиненіе въ двухъ большихъ томахъ подъ заглавіемъ: Австрія и Пруссія въ войнѣ за освобожденіе. Почти всѣ оба тома состоятъ изъ выписокъ изъ австрійскаго архива. Авторъ комбинируетъ и комментируетъ эти выписки такъ искусно, что въ концѣ концовъ не остается ни малѣйшаго сомнѣнія, что великій Наполеонъ былъ свергнутъ маленькимъ Меттернихомъ. Австрійскій канцлеръ все предвидѣлъ, взвѣсилъ и устроилъ, а тѣ событія, которыя мы привыкли считать великими и рѣшающими, оказываются мелочными и второстепенными.

Наполеона на Россію. Онъ хорошо понималъ, что Австрія дѣйствовала въ данномъ случаѣ подь неодолимымъ давленіемъ той-же непреоборимой силы, которая гнала въ лагерь враговъ Россіи, и Пруссію. Отъ императора не могло, однако-же, ускользнуть все различіе въ образѣ дѣйствій Берлинскаго и Вѣнскаго двора. Фридрихъ-Вильгельмъ заключилъ союзъ съ Наполеономъ, послѣ того, какъ Россія отказалась вести войну наступательную и двинуть свои войска въ Пруссію; онъ рѣшился на этотъ несказанно тяжелый для него шагъ, послѣ того, какъ Наполеонъ пригрозилъ Пруссіи въ случаѣ дальнѣйшаго упорства окончательнымъ уничтоженіемъ; онъ извѣстилъ своего друга императора Александра о своемъ вынужденномъ рѣшеніи трогательнымъ письмомъ, проникнутымъ глубокою скорбью, но въ то же время надеждою на близкій (спасительный поворотъ¹⁾). Австрія двинула свой вспомогательный корпусъ на Россію также подь давленіемъ нужды, но она рѣшилась на этотъ шагъ не для избѣжанія своей собственной гибели, а главнымъ образомъ изъ боязни и угодливости Наполеону. вмѣстѣ съ тѣмъ Вѣнскій кабинетъ старался обезпечить свои интересы какимъ-бы образомъ ни окончилась война съ Россією. Въ случаѣ побѣды Наполеона, а эта случайность казалась прозорливому Меттерниху наиболѣе вѣроятною²⁾, Австрія выговорила себѣ въ тайной статьѣ своего союзнаго договора съ Франціею подобающее земельное вознагражденіе, разумѣется, на счетъ побѣжденной Россіи³⁾. И на тотъ, мало вѣроятный случай,

¹⁾ Газетчикамъ нашихъ дней суждено было усмотрѣть и въ этомъ письмѣ одно изъ яснѣйшихъ доказательствъ того коварства и неблагодарности, которыми искони отличалась, по ихъ мнѣнію, политика Пруссіи.

²⁾ Въ началѣ войны Меттернихъ былъ убѣжденъ, что Александръ хочетъ только напугать Наполеона массою своихъ войскъ, что русскій царь можетъ даже внезапно примириться съ Наполеономъ и возвратиться къ политикѣ Тильзита и Эрфурта. Послѣ взятія Москвы австрійскій канцлеръ считалъ войну оконченою и былъ увѣренъ, что Александръ заключитъ постыдный миръ, который уничтожитъ всякое значеніе Россіи, какъ европейской державы. См. письма Меттерниха у Онкена, *Oesterreich und Preussen im Befreiungskriege*. Т. II, стр. 93 и 95.

³⁾ Въ тайной статьѣ союзнаго договора Наполеонъ обѣщалъ Австріи, въ случаѣ возстановленія Польши, Галицію. Онкентъ, Т. II, стр. 86.

если-бы Наполеонъ потерпѣлъ неудачу въ своемъ нападеніи на Россію, Австрійскій кабинетъ принялъ также соотвѣтствующія мѣры. Меттернихъ далъ понять русскому правительству, что оно должно дѣлать строгое различіе между австрійскимъ вспомогательнымъ корпусомъ и Габсбургскою монархіею. Только первый предоставленъ въ распоряженіе Наполеона и будетъ принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи, тогда какъ вторая намѣрена оставаться въ нейтралитетѣ и сохранить за собою свободу дѣйствій. Еще далѣе пошелъ Меттернихъ въ личныхъ своихъ объясненіяхъ съ русскимъ посломъ, графомъ Штакельбергомъ. Онъ старался увѣрить его, что союзный договоръ съ Франціею нисколько не мѣшаетъ Россіи и Австріи въ тайнѣ сноситься другъ съ другомъ и условливаться на счетъ своихъ дальнѣйшихъ политическихъ плановъ. Кромѣ того Меттернихъ заявилъ, что австрійскій корпусъ будетъ дѣйствовать только со стороны Буковины и что численность его не будетъ увеличена ни въ какомъ случаѣ. „А какія ручательства дадите вы намъ въ томъ, что обещаніе это будетъ исполнено“, замѣтилъ Штакельбергъ. „Эти ручательства“, отвѣчалъ Меттернихъ, „заключаются въ интересъ самой австрійской монархіи, не говоря уже о лояльности государя, именемъ котораго я говорю теперь“¹⁾.

Чѣмъ болѣе становилось вѣроятнымъ, что колоссальное предпріятіе Наполеона на Россію должно окончиться неудачою, тѣмъ двусмысленнѣе дѣлалось поведеніе Вѣнскаго кабинета. Съ одной стороны, императоръ Францъ и его министръ продолжали увѣрять Наполеона въ своей неизмѣнной преданности, въ готовности въ случаѣ надобности возстать за него всѣми своими силами, съ другой, они дѣятельно сно-

¹⁾ Такія-же точно увѣренія далъ Штакельбергу и самъ императоръ Францъ въ личной бесѣдѣ съ нимъ. „Онъ просилъ — que la Russie ne considerât pas L'Autriche comme partie serieusement belligérante et continuât en secret ses relations amicales avec la cour de Vienne“. Онкенъ, Т. II, стр. 94.

И дѣйствительно, дипломатическія сношенія между Россіею и Австріею не прекращались во все время войны. Графъ Штакельбергъ поселился въ Грацѣ, а баронъ Маршалль аташе австрійскаго посольства оставался все время въ Петербургѣ.

сились съ Россіею и давали ей всевозможныя обѣщанія; тогда какъ съ третьей, Меттернихъ пытался склонить на свою сторону Пруссію и доказывалъ въ своихъ секретныхъ письмахъ къ прусскому канцлеру Ф. Гарденбергу, что Австрія и Пруссія должны воспользоваться тѣмъ моментомъ, когда силы Франціи и Россіи будутъ истощены и выступить въ роли посредниковъ, имѣющихъ прежде всего въ виду интересы среднеевропейскихъ государствъ ¹⁾. Такая тонкая, чтобы не сказать болѣе, политика Вѣнскаго двора приносила на первыхъ порахъ самыя блестящія результаты: значеніе Австріи, не смотря на то, что она не шевельнула ни однимъ пальцемъ, возросло съ каждымъ днемъ въ глазахъ воюющихъ сторонъ; всѣ смотрѣли на нее съ затаеннымъ страхомъ и въ тоже время съ надеждою. Каждый рассчитывалъ притянуть ее въ концѣ концовъ въ свой лагерь. Наполеонъ и его министры, быть можетъ, и не вѣрили въ искренность австрійскихъ обѣщаній, но положеніе ихъ было таково, что они должны были давать видъ, что вѣрятъ имъ. Волею или неволею, они должны были смотрѣть сквозь пальцы на странные маневры австрійскаго главнокомандующаго, князя Шварценберга, очевидно, заботившагося лишь о томъ, чтобы избѣгнуть всякаго столкновенія съ русскими ²⁾. На любезныя завѣренія и на торжественныя обѣщанія Меттерниха французскіе дипломаты вынуждены были отвѣчать изъявленіями своего полнаго и безусловнаго довѣрія.

Съ своей стороны императоръ Александръ плохо вѣрилъ въ заявленія австрійскихъ агентовъ, но опасаясь оттолкнуть отъ себя Австрію, не только осыпалъ австрійцевъ любезностями при всякомъ удобномъ случаѣ, не только возвращалъ имъ отнятыя у нихъ на полѣ битвы знамена ³⁾; но и при-

¹⁾ Обо всѣхъ этихъ тайныхъ ходахъ Меттерниховской дипломатіи мы черпаемъ самыя точныя свѣдѣнія изъ писемъ самого канцлера, помѣщенныхъ въ первой и слѣдующихъ главахъ второго тома сочиненія Онкена.

²⁾ Такая стратегія прямо была предписана князю Шварценбергу инструкціями его правительства. См. Онкенъ, Т. II, стр. 94.

³⁾ Еще въ началѣ войны императоръ Александръ прислалъ при любезномъ письмѣ два штандарта, отбитыхъ у кавалергардскаго полка Орейли. См. Toll's Denkwürdigkeiten. Т. III, стр. 10.

нималъ съ своей стороны всѣ мѣры, чтобы вспомогательный австрійскій корпусъ могъ спокойно совершить свое отступление въ предѣлы герцогства варшавскаго; а оттуда къ австрійской границѣ.

Положеніе Австріи должно было, повидимому, ухудшиться съ того момента, когда Пруссія стала рѣшительно на сторону Россіи и когда союзники готовились помѣряться съ Наполеономъ силами на поляхъ Саксоніи. Теперь нельзя уже было отдѣлываться одними словами и обѣщаніями, теперь нельзя уже было играть роли посредника, оставаясь въ то же время союзникомъ Наполеона. И вотъ—Меттернихъ совершаетъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ своихъ дипломатическихъ ходовъ. Онъ заявляетъ, что Австрія намѣрена выступить въ роли посредницы между воюющими сторонами, хотя и желаетъ сохранять въ то же время ненарушимо свой союзный договоръ съ Франціею. Наполеонъ спѣшилъ запутать австрійскаго министра въ его собственныхъ сѣтяхъ. Онъ приказалъ заявить Меттерниху, (7-го апрѣля 1813 г.), черезъ своего уполномоченнаго посла, что Австрія, если только она желаетъ быть действительною посредницею, должна действовать болѣе рѣшительно, должна настаивать на немедленномъ же открытіи переговоровъ и въ случаѣ упорства или уклончивыхъ отвѣтовъ Россіи и Пруссіи должна принять участіе въ войнѣ не какъ вспомогательная сила, а какъ заинтересованная, главнымъ образомъ, держава ¹⁾. Въ первыхъ числахъ мая, когда императоръ французскій открываетъ кампанію на правомъ берегу Эльбы во главѣ 300,000 человекъ, Австрія должна увеличить свою армію подъ Краковомъ и довести ее, считая польскія войска князя Понятовскаго, до 150,000 человекъ. Съ другой стороны, Австрія должна сосредоточить 40,000 корпусъ въ Богеміи, и въ тотъ самый день, когда Наполеонъ явится на Эльбѣ, австрійское правительство должно предъявить свой ультиматумъ императору Александру, армія подъ Краковомъ извѣститъ русскихъ

¹⁾ См. Toll's Denkwürdigkeiten T. III, стр. 15.

о прекращеніи перемирія, а войска, собранныя въ Богеміи, ударятъ во Фландръ союзникамъ.

Меттернихъ выслушалъ спокойно категорическое заявленіе посла, затѣмъ онъ выбралъ изъ него тѣ пункты, которые, соотвѣтствовали интересамъ и тайнымъ намѣреніямъ Австріи; истолковалъ ихъ въ своемъ смыслѣ и отправилъ надлежащія инструкціи, послу своему въ Парижѣ, князю Шварценбергу. Шварценбергъ сыгралъ превосходно заданную ему роль. Онъ заявилъ въ Парижѣ, что существуетъ дѣйствительно лишь одно средство для достиженія цѣли, предложенной Австріи — это вооруженный нейтралитетъ и что австрійское правительство соглашается занять это положеніе. Князь Шварценбергъ добавилъ къ своему заявленію, что императоръ Францъ вполне соглашается со взглядомъ Наполеона, что Австрія не можетъ принять участія въ борьбѣ какъ вспомогательная сила, а только какъ самостоятельная заинтересованная въ дѣлѣ держава. „Но въ такомъ случаѣ“, добавилъ онъ многоразлично, „необходимо будетъ измѣнить въ соотвѣтствующемъ смыслѣ статьи союзнаго договора 1812 года“¹⁾.

Ловкая игра удалась какъ нельзя лучше. По почину самого Наполеона, съ его одобренія и согласія Австрія отдѣлалась отъ постыднаго, связывавшаго ей руки, договора и изъ второстепенной союзницы Франціи превратилась въ вполне самостоятельную, нейтральную державу. Борьба въ Германіи начиналась, но надежды Наполеона на вооруженную помощь Австріи ослабѣвали съ каждымъ днемъ. На другой день послѣ битвы при Люценѣ, императоръ французовъ обратился къ своему тестю съ собственноручнымъ письмомъ. „Провидѣніе даровало мнѣ“, писалъ онъ, „великую побѣду на равнинахъ Люцена, я былъ нѣсколько разъ въ страшнѣйшемъ огнѣ, но остался невредимъ чудеснымъ образомъ; императрица исполняетъ между тѣмъ, къ моему полному удовольствію, задачу моего перваго министра. Я пишу Вамъ

¹⁾ См. подробнѣе донесеніе князя Шварценберга у Огкена, томъ II, стр. 89 и слѣдующія.

это потому, что знаю, что доставлю великую радость отеческому сердцу вашего величества" ¹⁾). Францъ спѣшилъ отвѣчать на сердечное письмо своего зятя. Онъ поздравилъ его съ блестящимъ успѣхомъ, выражалъ надежду на скорый миръ и замѣчалъ, что онъ всегда былъ того мнѣнія, что первое сраженіе должно охладить страсти и разсѣять не мало иллюзій.

Меттернихъ съ своей стороны продолжалъ разсыпаться въ любезностяхъ и обѣщаніяхъ передъ французскимъ посломъ. Всѣ его ноты, адресованныя къ французскому правительству, написаны были въ такомъ тонѣ, что, повидимому, нельзя было и сомнѣваться, что монархія Габсбурговъ, въ случаѣ неудачнаго исхода посредничества, стѣнетъ всѣми своими силами на сторону Наполеона. Французскій императоръ убѣждался, однакоже, все болѣе и болѣе, что за льстивыми фразами и ролостловными обѣщаніями австрійскаго министра кроется что то недоброе. Онъ не могъ, правда, знать, что Меттернихъ убѣждалъ въ тоже самое время его враговъ разсчитывать во всякомъ случаѣ на вооруженную поддержку Австріи и продолжать твердо войну, не смотря ни на какія неудачи; но помимо этихъ сокрытыхъ отъ него (въ глубокой тайнѣ) переговоровъ посредничающей державы, онъ получалъ съ каждымъ днемъ все новыя и новыя доказательства, если и не полного вѣроломства Вѣнскаго кабинета, то во всякомъ случаѣ, его крайне двусмысленной политики.

На каждое требованіе Наполеона занять болѣе рѣшительное положеніе по отношенію къ союзникамъ, Вѣнскій кабинетъ отвѣчалъ обыкновенно, что ему, какъ посреднику, не подобаешь дѣйствовать вызывающимъ образомъ. А когда русскіе двинулись на корпусъ, Понятовскаго, стоявшій въ Га-

¹⁾ См. Оякенъ, Т. II, стр. 290. Одновременно съ этимъ письмомъ, Колинкуръ выражалъ въ письмѣ къ французскому послу въ Вѣнѣ полное недовѣріе къ политикѣ Вѣнскаго кабинета, но онъ требовалъ въ тоже время, чтобы графъ Нарбонъ дѣйствовалъ крайне осторожно и сдержанно. „Cette puissance (т. е. Австрія) vient de faire un premier pas hors des voies de l'alliance. Sans doute cette explication precipitée a un avantage celui de nous dégager de tous liens avec l'Autriche; mais l'Empereur aurait préféré, que votre réserve lui eût épargné un faux pas. См. Lefebvre, T. I, стр. 523.

лиціи, то австрійскія военныя власти воспользовались этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы обезоружить поляковъ и препроводить ихъ на западную границу имперіи ¹⁾. Вскорѣ Наполеонъ убѣдился окончательно, что ему слѣдуетъ отказаться отъ всякой надежды на какую бы то ни было диверсію Австріи со стороны Кракова; изъ донесеній своихъ агентовъ и шпионовъ онъ вынесъ убѣжденіе, что Вѣнскій дворъ сосредоточиваетъ свои силы въ Богеміи и мысль, что эти силы могутъ ударить ему во флангъ, не давала ему ни минуты покоя. Наконецъ, поднялась завѣса надъ австрійскими замыслами. По прибытіи въ Дрезденъ, Наполеонъ приказалъ разсмотрѣть всѣ бумаги, оставленныя Саксонскимъ королемъ, при его отъѣздѣ изъ своей столицы. Ему донесли, что въ бумагахъ этихъ заключаются крайне интересныя подробности о тайныхъ переговорахъ Австріи съ Саксоніею, Баваріею, Виртембергемъ, Неаполемъ, о стараніяхъ Меттерниха сосредоточить подъ знаменемъ Габсбурговъ цѣлую коалицію второстепенныхъ державъ, другими словами, перевести въ лагерь вооруженнаго нейтралитета вѣрнѣйшихъ вассаловъ ²⁾ императора французовъ. Одновременно съ этими неожиданными открытіями пришла въ Дрезденъ депеша графа Нарбоня, французскаго посла въ Вѣнѣ. Посолъ извѣщалъ, что Вѣнскій дворъ намѣренъ предложить воюющимъ сторонамъ миръ на основаніи цѣлаго ряда уступокъ со стороны Наполеона, что онъ думаетъ предложить императору французовъ: возвратитъ Пруссіи часть отнятыхъ у нея владѣній, отказаться отъ своихъ зарейнскихъ департаментовъ, т. е. отъ Ганзейскихъ городовъ и произвести значительныя перемѣны въ устройствѣ рейнскаго союза. Какъ ни умѣренны, какъ ни ничтожны были эти требованія Австріи, но уже одни они должны были привести Наполеона въ ярость. Во всякое другое время Наполеонъ отвѣчалъ бы на подобныя требованія объявленіемъ войны, теперь онъ ограничился одними угро-

¹⁾ Подробности см. у Онкена, Т. II, стр. 207 и слѣд. Все дѣло было условлено съ русскимъ правительствомъ.

²⁾ См. Онкенъ, Т. II, стр. 312; Lefebvre стр. 526—529.

зами. „Императоръ“, писалъ по его приказанію Коленкуръ въ Вѣну, „золь, очень золь на Австрію, онъ убѣдился въ ея вѣрломствѣ, онъ открылъ всѣ ея козни. Онъ могъ бы страшно отомстить за все это, на сторонѣ его подавляющее превосходство силъ, и ему ничего не стоитъ уступкою Польши склонить на свою сторону Россію; но онъ предпочитаетъ прощать, забывать, онъ желаетъ остаться другомъ Австріи, онъ жаждетъ ея союзной помощи, но онъ не требуетъ ея, онъ готовъ удовлетвориться нейтралитетомъ, но подъ условіемъ разоруженія“¹⁾.

Еще прозвѣе высказался Наполеонъ въ личной бесѣдѣ съ австрійскимъ посломъ, графомъ Бубною²⁾. „Я ничего не могу слышать о вашемъ вооруженномъ посредничествѣ“, отвѣчалъ онъ на гладкія и изящныя фразы австрійскаго дипломата. „Вы только путаете, сбиваете въ хъ съ толку. Я предпочитаю уладить дѣло съ императоромъ русскимъ. Мы придемъ съ нимъ къ соглашенію, мы всегда были съ нимъ на дружеской ногѣ. Вы говорите, что не можете сдѣлать ничего для меня, и такъ, вы, значить, сильны только противъ меня. Я принялъ ваше мирное посредничество въ то время, когда вы были моими союзниками; вы перестали быть таковыми съ той минуты, какъ отозвали свой вспомогательный корпусъ. Я не признаю вашихъ допкихъ толкованій, утверждающихъ, что это обстоятельство ничуть не повліяло на вашъ союзъ со мною. Такъ говорятъ только съ женщинами, которыхъ хотятъ соблазнить“³⁾. Кто вы такіе? Гово-

¹⁾ См. Оженъ, Т. II, стр. 312.

²⁾ Графъ Бубна привѣзъ Наполеону собственноручное письмо императора Франца. Въ письмѣ Францъ предлагаетъ Наполеону формально свое посредничество и проситъ его отнестись къ нему съ полнымъ довѣріемъ. „Если Вы взвѣсите мои идеи съ безпристрастіемъ, то Вы убѣдитесь, что посредникъ есть другъ В. В., что онъ намѣренъ поддерживать дѣло столько-же французское, сколько и всеобщее. Если В. В. поддержите мои усилія тою умѣренностью, которая сопрячислать ваше правленіе къ числу самыхъ славныхъ и обезпечить счастливѣйшую будущность для В. В., поставивъ на незыбимыхъ основахъ династію, основанную Вами, существованіе коей неразрывно соединено съ моею, то я почту себя счастливымъ, что могъ способствовать такому спасительнѣйшему дѣлу“. Текстъ письма у Оженка, Т. II, приложение 41, стр. 648—649.

³⁾ C'est un discours qu'on peut tenir aux femmes, qu'on veut seduire. Изъ подлиннаго донесенія Бубны, у Оженка, Т. II, приложение 42, стр. 650.

рите ли вы со мною какъ герцогъ Миланскій? или Брабантскій? или какъ великій герцогъ Флорентинскій? Чего хотите вы отъ меня? Палочными ударами ничего не добьешься отъ француза. Я не уступлю ничего, ни одной деревни, присоединенной къ Франціи. Человѣкъ, возвысившійся отъ простаго гражданина до трона, человѣкъ, проведеншій двадцать лѣтъ подъ градомъ пуль, не боится пуль. Я ставлю свою жизнь ни во что, точно также какъ и жизнь другихъ. Я не поколеблюсь пожертвовать ею; она для меня не дороже жизни 100,000 людей; я бы пожертвовалъ милліономъ человѣческихъ жизней, если бы это было необходимо. Вы ничего не достигнете силою; мы будемъ драться въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, вы можете сокрушить меня только цѣлымъ рядомъ побѣдъ. Быть можетъ, я погибну, а вмѣстѣ со мною и моя династія. Все это мнѣ безразлично. Вы хотите отнять у меня Германію, Италію, хотите обезчестить меня. Прежде всего моя честь, потомъ жена, потомъ ребенокъ, потомъ династія, мы опрокинемъ весь міръ и все сущее ¹⁾. Существованіе монархій будетъ поставлено на карту ²⁾. Лучшая изъ женщинъ будетъ обречена на жертву, она будетъ несчастна. Франція будетъ выдана въ руки якобинцамъ. Дитя, въ жилахъ котораго течетъ австрійская кровь, что будетъ съ нимъ? Я уважаю моего тестя съ тѣхъ поръ, какъ знаю его; онъ устроилъ мой бракъ благороднѣйшимъ образомъ, я отъ всей души благодаренъ ему за это. Но если императоръ австрійскій желаетъ измѣнить свою систему, то лучше бы онъ не устраивалъ этого брака и не заставлялъ меня раскаяваться въ немъ. Я сказалъ вамъ еще въ Парижѣ и повторялъ нѣсколько разъ князю Шварценбергу, что ни что не противно мнѣ такъ, какъ воевать съ Австріею. Вы великая нація, ваша армія храбра, умы у васъ возбуждены, вы можете причинить мнѣ много вреда; но ваши силы не пугаютъ меня, у меня есть силы противостать вамъ. Судьба

¹⁾ Буквально: Nous allons bouleverser le monde et l'ordre des choses qui est établi.

²⁾ L'existence des Monarchies deviendra un problème.

римскаго короля—вотъ что лежитъ у меня на сердцѣ. Я не хочу, чтобы австрійская кровь сдѣлалась ненавистна во Франціи. Долгія войны между Франціею и Австріею развили враждебное настроеніе. Вы знаете, что императрица не была любимаго своимъ пріѣздѣ во Францію, какъ австрійская принцесса. И вотъ, едва начала она склонять въ свою пользу общественное мнѣніе своею любезностью, своими добродѣтелями, своею способностію въ дѣламъ, какъ вы вынуждаете уже меня издать манифесты, долженствующіе возмутить всю націю. Никто не станетъ упрекать меня, что мое сердце черзчуръ любвеобильно, но если я люблю кого нибудь на свѣтѣ, то это мою жену. Каковъ бы ни былъ исходъ войны, онъ не останется безъ вліянія на будущность римскаго короля. Въ этомъ отношеніи мнѣ ненавистна война противъ Австріи. Я знаю: все, что я сдѣлаю противъ Австріи, я сдѣлаю противъ самого себя, противъ своихъ интересовъ. Что сдѣлалъ я вамъ? Вы оставляете меня, потому что я былъ несчастливъ. Я вѣрнѣйшій союзникъ вашего государя, если бы ему угрожали внутреннія смуты, или внѣшніе враги, я бы послѣдствилъ къ нему на помощь съ 200,000 человекъ. Убѣждены ли вы въ этомъ?

Графъ говорилъ: Наполеонъ въ своемъ обычномъ грубо-солдатскомъ, но въ тоже время страстномъ тонѣ¹⁾. Потопками лилась его рѣчь. Онъ говорилъ, не переставая отъ 8 часовъ вечера до ночи²⁾. Постоянно возвращался онъ къ своей женѣ, къ королю римскому; видимо, рассчитывалъ онъ, что его сердечныя изліянія будутъ дословно переданы его царственному тестю и произведутъ должное впечатлѣніе на его нѣжное родительское сердце. Но Наполеонъ видно очень плохо зналъ императора Франца; онъ подозрѣвалъ въ немъ

1) „Der Kaiser“ говоритъ графъ Бубна, „sprach dieses und alles Folgende mit einer Vehemenz, die ich an ihm noch nicht gesehen habe, ohne jedoch in unanständige Ausdrücke in Hinsicht der Sache oder der Personen zu verfallen“.

2) Мы передали въ текстѣ лишь небольшую часть рѣчи Наполеона; въ подлинномъ донесеніи Бубны она занимаетъ нѣсколько листовъ самаго убористаго письма.

присутствіе сердца; онъ и не догадывался, что всѣ внутренности Габсбургскаго монарха были чисто политическаго свойства ¹⁾. Предполагая, что его порывистая, страстная рѣчь, эта странная смѣсь угрозъ, лести, любезностей и насмѣшекъ, произвела должествующее впечатлѣніе, императоръ понизилъ голосъ и заговорилъ въ болѣе спокойномъ, дѣловомъ тонѣ. Не сердясь, спокойно выслушалъ онъ предложенія посла, объяснившаго ему въ почтительныхъ, осторожныхъ выраженіяхъ программу австрійскаго посредничества. „Итакъ“, замѣтилъ онъ наконецъ, „уполномочиваю васъ заявить, что я готовъ принести жертвы для австрійскаго дома; я хочу, чтобы мой тесть разыгралъ прекрасную роль. Даже въ случаѣ войны, я буду просить дозволенія оставаться съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ и увѣдомлять его послѣ каждаго сраженія о моемъ здоровьи“ ²⁾.

Одно преобладающее впечатлѣніе оставилъ въ душѣ Наполеона этотъ разговоръ. Онъ убѣдился, что Австрія хочетъ перехитрить его и задался цѣлью хитрить, и затягивать дѣло, подобно ей. Не смотря на всѣ просьбы Бубны, онъ не давалъ ему никакого опредѣленнаго отвѣта. „Предстоитъ сраженіе. Вы не можете здѣсь оставаться. Поѣзжайте въ Вѣну“, вотъ какими словами закончилъ онъ длинную аудіенцію ³⁾.

Но роль осторожнаго дипломата не была въ характерѣ Наполеона. Уже черезъ день онъ приказалъ позвать графа и сказалъ ему въ спокойномъ тонѣ: „Напишите, что я склоненъ къ миру. Пусть эти господа пришлютъ уполномоченныхъ и заявятъ черезъ нихъ о своихъ желаніяхъ. Я сказалъ первое слово, теперь очередь говорить за ними. Скажите, что я принимаю перемиріе, если оно будетъ подписано немедленно;

¹⁾ „Regungen der Zärtlichkeit für seine Tochter in Paris beirrten freilich den Hartherzigen nicht, dem die Diplomaten nachrühmten, er habe ganz politische Eingeweide“. Трейчке, Deutsche Geschichte im 19 Jahrhundert. Т. I, 464.

²⁾ См. донесеніе Бубны у Оукена, Т. II, стр. 653.

³⁾ Въ тотъ-же день Наполеонъ писалъ послу своему въ Вѣнѣ: „Австрія объявитъ намъ войну, какъ только окончитъ свои вооруженія, которыя она ускоряетъ съ настоящею яростью. Отречемся отъ надежды имѣть ее своею союзницею. Оукенъ, Т. II, стр. 315.

я. отойду за Эльбу, а союзная армія отойдетъ за Одеръ; Берлинъ можетъ быть занятъ тремя, четырьмя тысячами пруссаковъ“. Наполеонъ подтвердилъ свое словесное заявленіе и въ письмѣ, адресованномъ императору Францу. И тутъ онъ находился въ томъ-же опасномъ заблужденіи; и тутъ онъ апеллировалъ къ сердцу своего тестя: „Не разрушайте плодовъ трехлѣтней дружбы“, восклицалъ онъ патетически, „не возобновляйте ненависти минувшихъ дней, которая повергнетъ Европу въ войны и потрясенія безъ конца“¹⁾.

Императоръ Александръ не былъ, разумѣется, посвященъ въ тайны австрійскихъ переговоровъ съ Наполеономъ; но онъ хорошо помнилъ какое неудовлетворительное, не полное впечатлѣніе произвели на него продолжительныя совѣщанія съ австрійскимъ уполномоченнымъ, графомъ Филиппомъ Стадіономъ. Это было въ Герлицѣ, незадолго до кровавыхъ Бауценскихъ дней. Стадіонъ явился въ союзный лагерь съ такими-же предположеніями, какъ Бубна въ Наполеону; онъ требовалъ принятія австрійскаго посредничества. Уже при первой бесѣдѣ съ графомъ Нессельроде и канцлеромъ Гарденбергомъ, Стадіонъ не могъ незамѣтить, что союзники были твердо намѣрены вынудить отъ Австріи болѣе прямой и рѣшительный образъ дѣйствій. Оба министра заявили, что если Наполеонъ не приметъ до 1-го іюня австрійскихъ предложеній, то Австрія должна будетъ немедленно-же соединить свои арміи съ войсками союзниковъ. Стадіонъ отвѣчалъ уклончиво на это категорическое заявленіе, или выражаясь языкомъ тогдашней дипломатіи, сдѣлалъ съ своей стороны все возможное, чтобы успокоить министровъ на счетъ этого пункта. Съ своей стороны австрійскій уполномоченный требовалъ, чтобы союзники не колебались ни на одну минуту въ своемъ политическомъ и военномъ направленіи, чтобы они не поддавались впечатлѣнію какихъ-бы то ни было неудачъ и пораженій. Союзные министры отвѣчали, что на этотъ счетъ не можетъ быть даже ни малѣйшаго сомнѣнія, что, впрочемъ,

¹⁾ См. донесеніе Бубны у Огкена, Т. II, стр. 655; письмо Наполеона у Огкена, Т. II, стр. 315.

графъ можетъ убѣдиться самъ въ непоколебимой твердости союзныхъ монарховъ на личномъ свиданіи съ ними ¹⁾.

Свиданіе состоялось уже на другой день въ Вуршенѣ. Прежде всего Стадіонъ представился императору Александру. Онъ вручилъ ему собственноручное письмо императора Франца. Въ письмѣ заключалась слѣдующая многознаменательная фраза: „Молю Бога, чтобы достигнуть былъ безъ дальнѣйшаго кровопролитія желанный порядокъ вещей въ Европѣ. Въ противномъ случаѣ наши соединенныя силы, руководимыя по твердому плану и въ полнѣйшемъ единомысліи, несомнѣнно приведутъ насъ къ той благородной цѣли, которую поставили себѣ державы“ ²⁾.

Императоръ Александръ подалъ видѣть, что онъ вполне удовлетворенъ и успокоенъ торжественнымъ заявленіемъ Франца; онъ могъ сдѣлать это и потому, что былъ далекъ отъ мысли, что и Наполеонъ получаетъ въ этотъ-же самый день подобное же завѣреніе. Въ личной бесѣдѣ Александръ очаровалъ Стадіона своимъ знаніемъ дѣла, своими основательными отзывами о только что совершившихся военныхъ операціяхъ. Откровенно сознался онъ, что союзники сдѣлали подъ Люценомъ большія ошибки. Въ каждомъ словѣ его выражалась при этомъ его твердая рѣшимость, его непоколебимая вѣра въ будущее. Онъ былъ, повидимому, убѣжденъ въ искренности обѣщаній Австріи. Онъ засыпалъ посла вопросами въ родѣ слѣдующихъ: Приняла-ли Австрія безповоротное рѣшеніе на тотъ случай, если Наполеонъ отклонитъ минимумъ ея требованій? Когда могутъ быть сосредоточены на границѣ австрійскія войска? Что предпріиметъ австрійскій кабинетъ въ томъ случаѣ, если онъ не получитъ до 1-го іюня рѣшительнаго отвѣта Наполеона на свои требованія? Что будетъ, если Наполеонъ дастъ свое согласіе лишь для того, чтобы парализовать ходъ военныхъ дѣйствій и отдѣлать Австрію отъ союзниковъ? На всѣ эти вопросы Стадіонъ могъ отвѣ-

¹⁾ См донесеніе графа Стадіона у Оикена, Т. II, стр. 316.

²⁾ Письмо императора Франца напечатано въ подлинникѣ у Оикена, Т. II, приложение 39, стр. 644—645.

чать, уже въ силу своихъ инструкцій, не иначе какъ общими и не вполне опредѣленными фразами. Онъ старался лишь успокоить императора Александра, точно также какъ старался успокоить передъ тѣмъ союзныхъ министровъ ¹⁾).

Король прусскій принялъ уполномоченнаго Австріи вечеромъ того-же дня. И онъ произвелъ на Стадіона благопріятное впечатлѣніе. Въ его словахъ не было, правда, того героическаго одушевленія, которое звучало въ каждой нотѣ голоса Александра, онъ говорилъ даже о томъ отчаянномъ положеніи, въ которое будетъ поставленъ онъ, въ случаѣ дальнѣйшихъ колебаній Австріи ²⁾, но и онъ былъ проникнутъ въ сущности тою-же твердою рѣшимостью, какъ его великодушный, восторженный другъ, и онъ готовъ былъ скорѣе погибнуть, нежели отступить съ позоромъ отъ подъятаго великаго дѣла. Король коснулся между прочимъ будущаго устройства Германіи; онъ замѣтилъ, что вліяніе Австріи должно-бы было преобладать на югѣ Германіи, а вліяніе Пруссіи на сѣверѣ. Стадіонъ видимо не былъ притотовленъ къ этому вопросу; онъ ничего не отвѣтилъ королю и спѣшилъ перейти въ другой предметъ ³⁾. И на этой аудіенціи послу приходилось болѣе усматривать и отдѣлываться общими обѣщаніями, нежели давать точные и опредѣленные отвѣты.

Ходъ военныхъ операцій продолжалъ способствовать, какъ нельзя болѣе, дипломатическимъ планамъ Австріи. Сраженіе при Бауценѣ далеко не имѣло тѣхъ рѣшительныхъ послѣдствій, какихъ ожидалъ отъ него Наполеонъ. Союзная армія не была истреблена и, удаляясь съ поля битвы, нанесла своему противнику колоссальный уронъ. Наполеонъ, разочарованный въ своихъ надеждахъ, склоненъ былъ болѣе нежели

¹⁾ См. донесеніе графа Стадіона у Онкена, Т. II стр. 317.

²⁾ Der König sprach ziemlich lange mit mir, mit weit weniger Seelenschwung als der Kaiser, aber gleich wohl mit grosser Festigkeit von dem Ergebniss seiner Betrachtungen über die verzweifelte Lage, in welcher er sich befände, wenn die sache der beiden Verbündeten preisgegeben würde. Изъ донесеній Стадіона у Онкена, Т. II, стр. 317.

³⁾ Graf Stadion hat darauf nichts erwidert und ist zu etwas anderem übergegangen. Onken. T. II, стр. 317.

когда-либо на перемиріе, хотя и думалъ воспользоваться этимъ перемиріемъ, исключительно для подготовленія къ новой отчаянной борьбѣ. Все еще надѣясь привлечь Австрію на свою сторону, онъ не медлилъ ни минуты принятіемъ австрійскаго посредничества. Съ своей стороны императоръ Александръ былъ столь-же мало поколебленъ Бауценскою неудачею, какъ не задолго передъ тѣмъ Люценскою. Его душа, закаленная великими невзгодами прошлаго, преисполненная твердыми надеждами на помощь Всевышняго, чужда уже была теперь человѣческихъ слабостей. Съ изумленіемъ смотрѣлъ графъ Стадіонъ на россійскаго монарха, на аудіенціи, данной ему уже на другой день послѣ отступленія отъ Бауцена. Уполномоченный Австріи ожидалъ увидѣть потрясеннаго, взволнованнаго, раздраженнаго цѣлымъ рядомъ неудачъ, властелина, но онъ увидѣлъ спокойнаго, любезнаго, самоувѣреннаго, непоколебимаго въ своихъ надеждахъ, неуклоннаго въ своихъ цѣляхъ, вождя европейскихъ народовъ въ ихъ священной борьбѣ за свободу. Какое спокойствіе, какое равновѣсіе духа звучало въ каждомъ словѣ Александра, какая самоувѣренность, какая твердость выражались во всей его фигурѣ, свѣтились, въ его открытомъ, орлиномъ взглядѣ! Онъ говорилъ оживленно и много о послѣднихъ битвахъ, но говорилъ спокойно, безъ хвастовства и безъ унынія. Онъ хвалилъ доблесть своихъ русскихъ солдатъ, превозносилъ отвагу пруссаковъ, но отзывался сдержанно о своихъ генералахъ ¹⁾. Онъ безъ обиняковъ сознавался, что союзники будутъ всегда побѣждаемы въ открытомъ полѣ превосходнымъ военнымъ гениемъ Наполеона; но выражалъ въ то же время твердое убѣжденіе, что стойкая энергія и непоколебимое, упорное стремленіе къ цѣли должны, наконецъ, доставить побѣду правому дѣлу. Онъ повторилъ здѣсь тоже самое, что говорилъ въ Вуршенѣ, но еще съ большею силою и искренностью убѣжденія. Онъ прямо сказалъ Стадіону, что возла-

¹⁾ Въ подлинномъ донесенія Стадіона сказано: mit auszerordentlichem Lobe seiner Truppen, mässigem Lobe seiner Generale und voller Anerkennung für die Pseussen. Оценки Т. II, стр. 330.

гаетъ теперь свою главную надежду на Австрію. Ея присоединеніе къ союзникамъ дастъ имъ возможность истощить средства Наполеона; онъ будетъ побѣжденъ не въ открытыхъ сраженіяхъ, а разстратитъ свои силы и будетъ приведенъ къ катастрофѣ такимъ-же тихо способомъ какъ въ 1812 году ¹⁾. Возлагая такія надежды на Австрію, императоръ Александръ спѣшилъ напомнить въ то же время австрійскому уполномоченному, что союзные государи твердо убѣждены въ искренности Вѣнскаго кабинета, что они соглашаются на перемиріе лишь въ полной увѣренности, что Габсбургская монархія не замедлитъ соединить свои силы съ ними, съ того момента, когда обнаружится еще разъ передъ глазами всего свѣта ненавистная алчность и непреклонное властолюбіе Наполеона.

Англетъ, представитель Россіи, обратился, по волю своего государя, съ такими словами въ графу Стадіону, наканунѣ подписанія перемирія: „Со времени прибытія императора Александра въ Калішъ, союзные кабинеты буквально слѣдовали всѣмъ указаніямъ Вѣнскаго двора; они руководились въ своихъ дѣйствіяхъ тѣми обѣщаніями, тѣми надеждами, которыя давались имъ изъ Вѣны. На основаніи этихъ совѣтовъ, русскіе перешли черезъ Вислу, черезъ Одеръ, вступили, наконецъ, въ Германію. Ободряемый изъ Вѣны, прусскій король принялъ дѣятельное участіе въ войнѣ, которая должна рѣшить вопросъ о его существованіи. Вѣнскій кабинетъ далъ понять, что какой-бы ходъ ни приняли событія, онъ твердо намѣренъ силою оружія отстаивать дѣло Европы. Срокомъ для окончанія своихъ вооруженій онъ самъ назначилъ сначала 24-е мая, затѣмъ 1-е, потомъ 10-е и наконецъ 15-е іюня. Теперь, кажется, онъ намѣренъ продлить этотъ срокъ до конца мѣсяца. Союзные дворы не желаютъ ничего иного, какъ присоединиться къ такому рѣшенію, которое дастъ Австріи возможность занять, наконецъ, то положеніе,

¹⁾ Въ подлинномъ донесеніи сказано: „in geregelten Schlachten werde er nicht unter liegen, aber mehr oder weniger durch jene Art von Erschöpfung, die ihn im Jahre vorher an den Stand der Untergangs gebracht habe“. Онкенъ Т. II, стр. 330.

на которое указывала, она уже столько разъ. Императоръ и король намѣрены твердо держаться этого рѣшенія. Они не хотятъ вѣрить, чтобы австрійскій кабинетъ обманывалъ ихъ, чтобы онъ хотѣлъ купить цѣною своей собственной гибели паденіе Россіи, Пруссіи и Европы“. Въ заключеніе министръ объявилъ, что онъ явился къ графу Стадіону просить его, отъ имени союзныхъ государей рѣшить: должны-ли они принять французское предложеніе о продленіи перемирія до 20 іюня, и сообщить имъ положительно какое вліяніе окажетъ ихъ согласіе или несогласіе на образъ мыслей и окончательныя намѣренія императора австрійскаго ¹⁾).

Графъ Стадіонъ былъ поставленъ рѣшительнымъ запросомъ министра въ крайне неловкое положеніе. Человѣкъ глубоко честный и прямой, къ тому-же принципиальный врагъ Наполеона, онъ стоялъ со всѣми своими симпатіями на сторонѣ союзниковъ. Онъ готовъ былъ дать министру прямой и искренній отвѣтъ, но инструкціи его двора не давали ему права на такой отвѣтъ. Онъ принужденъ былъ замѣтить, что онъ не можетъ дать такого отвѣта, который могъ-бы связать его правительство, что онъ можетъ высказать лишь свой личный взглядъ. По его мнѣнію, къ концу мѣсяца іюня Австрія будетъ сильнѣе, нежели когда-либо; четырехнедѣльное перемиріе будетъ, слѣдовательно, вполнѣ достаточно. Само собою понятно, что подобный отвѣтъ не могъ имѣть никакого значенія для союзныхъ дворовъ. Не оставалось иного исхода, какъ принять предложеніе Наполеона и подписать перемиріе до 20 іюля ²⁾).

Жребій былъ брошенъ! Судьба Европы, судьба человечества поставлены были въ зависимость отъ рѣшенія вѣчно колеблющагося, двусмысленнаго, коварнаго Вѣнскаго кабинета. Александръ не могъ скрыть отъ себя, какаѣ страшная опасность заключалась въ подобномъ положеніи. Его приближенные, его совѣтники и его союзники не въ состояніи были

¹⁾ Такое же заявленіе было сдѣлано и прусскимъ уполномоченнымъ Кнезебекомъ. См. Онкенъ, Т. II, стр. 332.

²⁾ Огвѣтъ Стадіона у Онкена, Т. II, стр. 332.

разсвѣтъ его опасеній; они сами относились съ недовѣріемъ къ австрійской политикѣ, къ австрійскимъ военнымъ силамъ, къ австрійскому общественному духу. Всѣ лучшіе, всѣ восторженные въ союзномъ лагерѣ люди не ожидали ничего добраго отъ Австріи. „Что общаго между нами и австрійцами“, говорили они, „наши монархи ополчаются во имя свободы и попранныхъ правъ народовъ, австрійскій кабинетъ хлопочетъ о политическомъ равновѣсіи и территориальныхъ вознагражденіяхъ ¹⁾. Россія и Пруссія ставятъ на карту все свое національное и государственное существованіе; Австрія предполагаетъ вести такую-же кабинетную кампанію, какъ и въ 1805 году.“ Горячій національный энтузіазмъ, пламенное религіозное одушевленіе пылаютъ въ рядахъ нашихъ войскъ. Русскіе мстятъ врагу; за пожаръ Москвы, за опустошеніе половины своего отечества, за неслыханное поруганіе своей святыни. Пруссаки горятъ желаніемъ смыть въ крови враговъ неслыханный позоръ, небывалое бѣдствіе, обрушившееся на ихъ отечество за послѣднее десятилѣтіе. Въ нашемъ станѣ поднимаютъ оружіе цѣлыя народы за свою національную честь, за свое существованіе, за вѣру отцовъ, за прирожденныхъ государей. У насъ всею состояніемъ, возрасты и помыслами несутъ свое послѣднее достоинство на алтарь отечества, на ряду съ регулярными силами возникаютъ повсемѣстно добровольныя дружины. Что видимъ мы, вмѣсто всѣхъ этихъ подъемлющихъ душу явленій, въ Австріи? Во главѣ ея стоитъ государь, хорошо извѣстный своимъ эгоизмомъ и малодушіемъ, своимъ глубокимъ

¹⁾ Политику Австріи въ 1813 г. прекрасно охарактеризовалъ Шишковъ въ слѣдующихъ словахъ: „Австрійскій дворъ, не взирая на истребленіе французскихъ войскъ въ Россіи, ниже на соединеніе пруссаковъ съ нами, ниже на приближеніе союзныхъ войскъ къ Эльбѣ, ниже на крайнія обиды и разоренія, претерпѣнныя и претерпѣваемыя нѣмецкою землею отъ французовъ, долго колебался соединиться съ прочими союзниками, и не иначе на то рѣшился какъ принужденный общимъ гласомъ всего своего народа. Россія пришла единственно для освобожденія и пользы австрійскаго двора; а дворъ австрійскій медлилъ, размышлялъ, и какъ будто изъ милости соглашался пристать къ ней! Да, когда и присталъ, то надобно спросить у нашихъ и прусскихъ полководцевъ и солдатъ, такимъ-ли образомъ вели австрійцы войну сію и такъ-ли поступали, чтобы можно было называть ихъ спасителями Европы?“ Шишковъ, записки, Т. I, стр. 287.

недовѣріемъ въ народу и живымъ источникамъ его силы. Ея внѣшняя политика направляется министромъ, для котораго нѣтъ и не можетъ быть иныхъ путей, кромѣ путей интриги, коварства и вѣроломства ¹⁾. Напрасно стали бы мы искать въ разноплеменной и разноязычной монархіи Габсбурговъ того національнаго энтузіазма, того религіознаго настроенія, которые царствуютъ въ нашемъ станѣ. Правда, еще недавно, австрійскіе правители апеллировали къ этому духу, силились раздуть въ своихъ народахъ священный огонь; ²⁾ но въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ, они заботились лишь о томъ, чтобы погасить его навсегда. Великая вспышка 1809 года возбуждаетъ въ нихъ лишь презрительную усмѣшку; Наполеоновская система сдѣлалась ихъ идеаломъ, они смотрятъ на народъ лишь какъ на податную силу, какъ на пушечное мясо ³⁾. Австрійское общество съ своей стороны успѣло уже излѣчиться отъ національной лихорадки. Въ Австріи, правда, не любятъ французовъ, тяготеютъ Наполеоновскимъ самовластіемъ, провѣдываютъ континентальную систему, жалѣютъ о прежнихъ спокойныхъ временахъ, но и только. Никому не приходитъ тамъ въ голову жертвовать для восстановления отечества жизнью и достояніемъ; энтузіазмъ всякаго

¹⁾ Такія мнѣнія о Меттернихѣ были сильно распространены въ союзномъ лагерѣ. Не одинъ Штейнъ называлъ Меттерниха хитрымъ, легкомысленнымъ и пошлымъ; даже такіе спокойные люди, какъ графъ Гарденбергъ, братъ прусскаго канцлера, говорили въ сущности тоже самое. Они соглашались, что онъ не любилъ прямыхъ путей, что ходы его напоминали ходы змѣи. См. Онкець, Т. II, стр. 88.

²⁾ Это было въ 1809 году.

³⁾ Трейчке говоритъ въ своей исторіи Германіи XIX столѣтія. „Французъ былъ вполне согласенъ съ своимъ зятемъ, что только одни бунтовщики могутъ мечтать „о такъ называемой Германіи“. Охотно вѣрилъ онъ всѣмъ баснямъ Наполеоновской полиціи о революціонныхъ проискахъ прусскихъ тайныхъ обществъ; еще въ мартѣ 1813—посолъ его просилъ прусскаго короля, разумѣется напрасно, о закрытіи тайныхъ обществъ. Францу нечего было бояться національнаго образа мыслей своего собственнаго народа; но даже одиночныя проявленія патриотическаго духа пугали деспота. Онъ не могъ забыть, что нѣсколько австрійскихъ офицеровъ вступили въ русскую службу. Опасный прусскій заговорщикъ Юстусъ Грунеръ давно уже сидѣлъ въ крѣпости, а когда Гагернъ и другіе патриоты отважились готовить возстаніе въ Тиролѣ, то императоръ тотчасъ-же прибѣгъ къ арестамъ и изгнаніямъ“. Трейчке, Т. I. стр. 411.

рода считается тамъ смѣшною и опасною вещью. „Духъ времени“ Арндта, которымъ зачитываются прусскіе патриоты ¹⁾, „Рѣчи Фихте въ нѣмецкому народу ²⁾“, которыя ходятъ по рукамъ въ Германіи, считаются тамъ, — въ Австріи, запрещенными книгами. Катехизисъ Арндта, пѣсни Кернера ³⁾, воодушевляющіе на поляхъ брани прусскихъ ополченцевъ и добровольцевъ, вызываютъ въ Вѣнѣ презрительныя усмѣшки. Вѣна живетъ и веселится, на сколько позволяютъ тяжелыя времена и тощія карманы. На театральныхъ подмосткахъ даются пьесы, въ которыхъ подвергаются осмѣянію герои, бывшіе на кровавыхъ поляхъ Люцена и Бауцена, въ которыхъ закидывается грязью всякое самостоятельное проявленіе національнаго энтузіазма и любви къ отечеству. И эти пошлыя творенія вѣнскихъ поэтовъ разрѣшаются и одобряются къ публичному представленію императорскою цензурою. А публика, она аллодируетъ комедіантамъ, топчущимъ въ грязь все, что есть чистаго и святаго на свѣтѣ ⁴⁾. Но оставимъ въ сторонѣ народъ и его живыя силы, говорили тогда въ союзной арміи, забудемъ святыя, восторженныя порывы, наполняющіе сердца нашихъ мужей и юношей, нашихъ женъ и дѣвицъ, станемъ всецѣло на чиновническую точку зрѣнія, единственно признаваемую въ Австріи, посмотримъ, что можетъ дать намъ Австрія для предстоящей борьбы и какую цѣну назначить она намъ за свою помощь. Австрійскіе бюрократы и дипломаты, хорошо знаютъ какое значеніе имѣютъ для войны деньги. Спрашивается, есть ли у Австріи деньги? Ихъ нѣтъ, государство только что пережило настоящее банкротство. На добровольныя пожертвованія, текуція такъ изобильно въ Россіи и Пруссіи, смѣшно бы было раз-

¹⁾ Der Geist der Zeit Арндта былъ первою книгою, въ которой выразилось поднятіе патриотическаго духа въ сѣверной Германіи. Книга появилась въ 1807 году.

²⁾ Фихте, знаменитый нѣмецкій философъ, говорилъ свои пламенныя патриотическія рѣчи въ 1807 г., когда Берлинъ былъ занятъ французскими войсками.

³⁾ Теодоръ Кернеръ патриотическій поэтъ Германіи поступилъ въ отрядъ добровольцевъ Лютцова, и палъ съ мечемъ въ рукахъ въ битвѣ съ французами.

⁴⁾ См. Toll's Denkwürdigkeiten, T. III, стр. 11.

считывать въ Австріи, гдѣ правительство и правители дѣлали за послѣднее время съ своей стороны все, чтобы развить духъ эгоизма и холоднаго расчета въ публикѣ, гдѣ хорошимъ въ рождѣннѣмъ считается лишь тотъ, кто предоставляетъ всѣ заботы объ общемъ благѣ низшему и высшему начальству и довольствуется съ своей стороны лишь однимъ пассивнымъ повиновеніемъ и молчаніемъ. Но допустимъ, что Австрія получитъ достаточныя субсидіи отъ Англіи, допустимъ, что она мобилизуетъ при ихъ помощи свои арміи. Но вѣдь арміи не еоздаются въ два или три мѣсяца, а австрійская военная организація пришла съ 1809 года, по винѣ самихъ правителей, въ небывалый упадокъ. У австрійцевъ нѣтъ ни достаточнаго количества хорошо обученныхъ солдатъ, ни контингента опытныхъ офицеровъ, ни достаточныхъ запасовъ оружія, аммуниціи и одежды ¹⁾. Крессаръ ²⁾ и подобные ему фантасты могутъ увѣрять кого угодно, что мы найдемъ въ Богеміи многочисленную, превосходно вооруженную и снабженную всѣмъ необходимымъ армію; свѣдѣнія, идущія изъ болѣе достовѣрныхъ источниковъ, убѣждаютъ насъ, къ сожалѣнію, въ совершенно противномъ. Извѣстно, положительно, что Австрія въ самомъ лучшемъ случаѣ можетъ собрать въ Богеміи не болѣе 80,000 человѣкъ, что въ настоящее время у нея имѣется подъ ружьемъ не болѣе 40,000 человѣкъ, что во всемъ ощущается крайній недостатокъ, что солдаты уже и теперь принуждены воровать и грабить, чтобы не умереть съ голода, что мы встрѣтимъ въ Богеміи толпы оборванцевъ, помышляющихъ лишь о томъ, какъ-бы ускользнуть поскорѣе отъ ненавистныхъ знаменъ ³⁾. А австрійскіе генералы, а пресловутая стратегія Вѣнскаго гофскрихсрата? развѣ они научились чему-нибудь, развѣ они

1) Всѣ эти слухи, ходившіе уже тогда объ австрійской арміи, подтверждаются, какъ нельзя болѣе, документами изданными въ послѣднее время.

2) Любопытныя свѣдѣнія о Крессарѣ, выставлющія эту личность въ крайне смѣшномъ видѣ, находятся въ запискахъ Муравьева. См. „Русскій Архивъ“, кн. I 1886 года стр. 7 и слѣд.

3) Эти послѣднія предсказанія исполнились буквально, см. подробно характеристику австрійскаго войска у Н. П. Муравьева въ его запискахъ, Русскій архивъ, 1886 г., кн. I, стр. 10--12.

забыли что-нибудь со временъ Суворова, Мака и Вейротера? Единственный австрійскій полководецъ, достойный этого имени, эрцгерцогъ Карлъ, находится въ немилости, и навѣрное не приметъ никакого участія въ предстоящей кампаніи. Кто же можетъ замѣнить его, кто займетъ, быть можетъ, первое мѣсто въ ряду нашихъ вождей! Князь Шварценбергъ. Да, онъ совершенный кавалеръ, тонкій дипломатъ, но какъ полководецъ, онъ ознаменовалъ себя лишь однимъ искусствомъ, умѣніемъ избѣгать всякой встрѣчи съ непріателемъ ¹⁾. Вотъ и все! Вотъ вся сумма той помощи, которую можемъ получить мы отъ Австріи! И за это, за эту сомнительную помощь, въ угоду Австріи, должны мы будемъ отказаться отъ тѣхъ высшихъ цѣлей, которыя мы поставили себѣ въ началѣ войны? Что станется съ рѣшеніями, постановленными въ Кадичѣ, съ надеждами, которыя подали мы такъ торжественно угнетеннымъ народамъ? А рейнскіе князья, эти покорные вассалы Наполеона? Мы грозимъ имъ низложеніемъ и изгнаніемъ, какъ измѣнникамъ своего отечества. А теперь? Австрія беретъ ихъ подъ свою защиту, она ведетъ тайственные переговоры съ Баварією, Виртембергомъ, Саксонією; она гарантировала уже, быть можетъ, ихъ дальнѣйшее существованіе и благоденствіе, что же станется послѣ всего этого съ нашими угрозами и обѣщаніями?"

Но мы рискуемъ еще и другимъ, быть можетъ, болѣе близкимъ и неизбежнымъ. Австрія выступаетъ въ настоящій моментъ въ качествѣ посредницы, она формулируетъ свои требованія Наполеону и обѣщается взяться за оружіе въ томъ случаѣ, если Наполеонъ откажется принять ихъ. Но вѣдь эти требованія крайне умѣренные, они ничтожны до смѣшнаго; принявъ ихъ, Наполеонъ сохранитъ въ сущности все, что держитъ онъ въ настоящее время въ своихъ рукахъ. Упрямство Наполеона, его безграничная гордость хорошо извѣстны всѣмъ и каждому; но кто поручится, что голосъ

¹⁾ Этимъ искусствомъ К. Шварценбергъ отличался одинаково и въ 1812 г. когда онъ дѣйствовалъ вмѣстѣ съ Наполеономъ противъ русскихъ, и въ 1813 г. когда онъ стоялъ во главѣ большой союзной арміи.

здраваго смысла, что познаніе собственнаго интереса и потребностей Франціи не возьмутъ въ немъ на этотъ разъ верхъ надъ старыми инстинктами? Что станется съ нами и нашими надеждами, если императоръ французовъ прійметъ австрійскія предложенія? въ какомъ положеніи очутимся мы тогда передъ Англіею; какія вознагражденія получимъ мы тогда за воѣ свои жертвы и усилія? Не придется-ли намъ тогда отказаться разъ навсегда отъ австрійскаго союза и еще разъ вступить въ борьбу съ однѣми своими собственными силами. Но въ такомъ случаѣ, въ чему всё эти проволочки и дипломатическія кампаніи, не лучше-ли, не вѣрнѣе-ли было-бы рассчитывать съ самаго начала на одни свои собственные средства, идти своею дорогою, и предоставить Габсбургской монархіи идти своимъ путемъ ¹⁾“.

Такіе и подобныя голоса слышались вокругъ императора Александра и онъ не могъ скрыть отъ себя, что въ нихъ заключалась своя большая доля правды. Особенно сильное впечатлѣніе должны были производить на Александра отзывы Штейна, Желѣзный баронъ не скрывалъ ни на минуту, что онъ не ждетъ ничего добраго ни отъ австрійскаго посредничества, ни отъ австрійскаго союза. Но онъ не падалъ духомъ и старался поддержать императора Александра. Настроеніе Штейна въ тяжелые дни перемирія было далеко не радужнаго свойства. „Наполеонъ“, писалъ онъ женѣ изъ Рейхенбаха, „предложилъ перемиріе, и Австрія поддержала его, имѣя въ виду окончить свои вооруженія и предпринять попытку примиренія, попытку, которая врядъ ли можетъ имѣть успѣхъ при настроеніи, господствующемъ въ союзномъ ла-

¹⁾ Само собою понятно, что всё рѣчи противниковъ австрійскаго союза, приведенныя нами въ текстѣ, не были произнесены въ дѣйствительности кѣмъ либо изъ лицъ, близкихъ къ императору Александру; но мы можемъ сказать положительно, что каждое слово этихъ рѣчей выражаетъ собою мнѣнія многихъ изъ лицъ, игравшихъ тогда болѣе или менѣе видную роль въ русско-прусскомъ лагерѣ; что каждое изъ нихъ можетъ быть подтверждено ссылкой на тотъ или другой современный документъ. Употребляя, осуждаемый теперь многими, приемъ античной историографіи, мы имѣли въ виду сгруппировать въ одномъ мѣстѣ и изложить въ связи все то, что высказано было въ свое время противъ союза съ Австріею.

геръ" ¹⁾). Штейнъ замѣчалъ какое тяжелое впечатлѣніе произвело перемиріе въ прусскомъ народѣ и арміи, онъ видѣлъ, что уныніе и отчаяніе начинаютъ овладѣвать самыми смѣлыми и рѣшительными патріотами; но онъ не подчинился общему теченію и его надежды на счастливый исходъ великой борьбы оставались также непоколебимы, какъ и въ тяжелые дни Московскаго пожара. Надежды Штейна вытекали прежде всего изъ его глубокаго религіознаго чувства, изъ его твердой вѣры въ благость и премудрость Божественнаго Промысла. „Дѣла Наполеона несомнѣнно клонятся къ концу“, говорилъ онъ и писалъ своимъ близкимъ: „Возможно ли, чтобы Божественное Провидѣніе не рѣшило развѣ навсегда положить предѣлъ безумію Наполеона? Мыслимы ли сомнѣніе и невѣріе послѣ тѣхъ, поистинѣ, чудесныхъ событій, очевидцами которыхъ были мы въ Россіи въ истекшемъ году? Господь, руководившій нами такимъ неслыханнымъ образомъ, не оставитъ насъ и впредь. Уныніе, господствующее вокругъ меня, вытекаетъ или изъ робости, или изъ лѣнивой, вялой жевности; первая боится опасности, вторая трудое и жертвы, сопряженныхъ съ упорною борьбою. Я надеюсь, что ни то, ни другое чувство никогда не овладѣютъ моею душою. Мы переживаемъ моментъ великихъ рѣшеній. Умный кругозоръ Франца II-го и его министра тормозятъ движеніе, руководимое великодушными идеями Александра ²⁾). Императоръ Всероссійскій вполне сознаетъ необходимость продолжать войну, онъ всецѣло проникнутъ величіемъ предпріятія и его цѣли; но къ сожалѣнію, онъ окруженъ людьми, которые неспособны поддержать, закалить его въ политическомъ и военномъ отношеніи. Нессельроде, добродушный, пустой человѣкъ, бѣдный, ничтожный, онъ стоитъ на полмилліона сажень ниже своего поста. Анштетъ человѣкъ умный и способный, но онъ не обладаетъ достаточною энергіею и вліяніемъ на императора. Поццо-ди Борго

¹⁾ См. Перцъ, Stein's Leben, T. III, стр. 337

²⁾ См. письма Штейна отъ 30 іюня и 12 авг. ста. Перцъ, Stein's Leben T. III, стр. 383 и 400.

стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ остальныхъ. Онъ обладаетъ умомъ, мужествомъ, краснорѣчіемъ, но сфера его дѣятельности весьма ограничена и не онъ виноватъ въ томъ, что не все идетъ такъ какъ слѣдуетъ ¹⁾“.

Въ чемъ заключается теперь обязанность всякаго честнаго человѣка, задавалъ себѣ вопросъ Штейнъ и отвѣчалъ на него такимъ образомъ. „Никогда съ 1792 г. не было сосредоточено на театрѣ войны такихъ массъ войска и никогда еще арміи не были одушевлены такимъ духомъ. Число русскихъ и прусскихъ войскъ доходитъ до 400,000 ч. И съ такимъ многочисленнымъ и съ такимъ восторженнымъ войскомъ заключаютъ гибельныя перемирія, позволяютъ тщеславному, хитрому, легкомысленному, пошлому Меттерниху вовлекать себя въ переговоры, которые или совершенно бесполезны, или поведутъ къ постыдному и пагубному миру. Необходимо противиться такимъ замысламъ, необходимо наладить на безхарактерныхъ людей и глупцовъ, дающихъ подобныя совѣты ²⁾“.

И Штейнъ сопротивлялся этимъ замысламъ, онъ нападалъ на этихъ людей, но мѣръ силъ своихъ, старался онъ поддержать императора Александра въ его тяжелой борьбѣ. Но у Александра былъ еще и другой источникъ, изъ котораго черпалъ онъ и новую силу, и новое убѣжденіе въ правотѣ своего дѣла, и неизблемую надежду на побѣдоносный исходъ подъятаго имъ великаго предпріятія. „Мужество, терпѣніе, вѣра въ Бога“, пишетъ Штейнъ; „вотъ надпись, которую носить на своемъ кольцѣ императоръ; вотъ девизъ, который должны бы были усвоить себѣ всѣ благомыслящіе люди ³⁾“.

¹⁾ См. письма Штейна отъ 18 іюня къ женѣ и отъ 17 іюля къ графу Мюнстеру. Перцъ, Stein's Leben, Т. III, стр. 378 и 390.

²⁾ Штейнъ такимъ образомъ опредѣляетъ численность союзныхъ войскъ: „240,000 пруссаковъ, 100,000 войско Барклая де-Толли; 60,000 войско кронпринца Шведскаго, исключая пруссаковъ; 100,000 войско Бенningсена и Толстаго. Отбросимъ изъ этого полумилліона сто тысячъ на гарнизоны и ошибки и мы получимъ 400,000 готовыхъ къ бою въ открытомъ полѣ“. Письмо Штейна къ Гнейзекану отъ 19 іюля. Перцъ, Stein's Leben, Т. III, стр. 393.

³⁾ Письмо Штейна къ женѣ изъ Рейхенбаха отъ 30 іюня. Перцъ, Stein's Leben, Т. III, стр. 383.

И императоръ Александръ всецѣло руководился этимъ девизомъ. Какъ было въ тяжелые дни Наполеонова нашествія на Россію, такъ и теперь, въ годину новаго испытанія, онъ беззавѣтно ввѣряется премудрому Промыслу Всеблагото Творца.—Сосредоточенный въ самомъ себѣ, серьезный и въ прежніе годы своего юношества, онъ утратилъ въ тяжелые дни Московскаго пожара послѣдніе легкомысленные мотивы, волнующіе и движущіе, такъ называемыхъ, свѣтскихъ людей. Общество съ его пустою болтовнею, съ его мелочными интересами и ничтожными интригами потеряло для него свое послѣднее обаяніе. Какъ въ 1812 году, такъ и теперь, онъ искалъ для себя уединенія и притомъ уединенія полнаго, абсолютнаго. При наступленіи перемирія всѣ высокопоставленныя лица: государи, дипломаты, полководцы, спѣшили предаться давно желанному покою, искали отдыха, развлечения, удовольствій. Прекрасное время года, предестная горная природа Силезіи и сосѣдней Богеміи, способствовали какъ нельзя болѣе удовлетворенію такихъ естественныхъ желаній. Съ восторгомъ говоритъ Муравьевъ, въ своихъ запискахъ, о предестныхъ окрестностяхъ Осейга, гдѣ расположился великій князь Константинъ Павловичъ. „Видъ изъ моего окна“ говоритъ онъ, „былъ предестный: богатые золотыя поля расстилались во всѣ стороны, а надъ колосьями возвышались церкви седеній, окруженныхъ садами; дороги расцѣкали воднистыя поля, по которымъ всюду двигались фуры. Въ правой сторонѣ находилась роща, которая сохранялась для охоты короля; въ ней водились разныя птицы, и разноцвѣтные фазаны пролетали иногда мимо моего окна. Чудесная страна, населенная честными и добрыми людьми! Сидя у окна и любясь природою, воображеніе мое парило въ прошедшемъ и будущемъ. При закатѣ солнца отовсюду слышались пѣсни и, наконецъ, зарева труба наша возвѣщала въ отдаленности покой могильнымъ голосомъ своимъ во всѣхъ окрестныхъ селеніяхъ ¹⁾“. Въ Нейдорфѣ, въ не менѣе предестной мѣстности, расположился съ своей свитою король прусскій;

¹⁾ См. записки Н. Н. Муравьева, Русскій архивъ 1885 г. кн. 12, стр. 488.

въ недалекомъ разстояніи отъ него въ живописной крѣпости Нейссе жили дѣти короля, подъ наблюдениемъ знаменитаго Гуфеланда. Предестный городокъ Рейхенбахъ являлся самымъ оживленнымъ центромъ отдыха, увеселеній и въ тоже время важнѣйшихъ занятій и дѣлъ. Расположенный у подошвы лѣсистаго Ейленгебира, онъ представлялъ то особенное удобство, что въ непосредственномъ сосѣдствѣ его пролегла австрійская граница. Вотъ почему въ Рейхенбахѣ расположилась главная дипломатическая квартира союзниковъ; вотъ почему, сюда стеклись со всѣхъ сторонъ министры и дипломаты великихъ и малыхъ державъ, оффиціальныя и тайныя агенты, искатели приключеній и наживы, услужливыя еврейскія банкиры и факторы. Тутъ проживали постоянно: графъ Стадіонъ, австрійскій уполномоченный при союзныхъ государяхъ; государственный канцлеръ прусскій Гарденбергъ; знаменитые дипломаты и еще болѣе знаменитые ученые Цибуръ и Ф. Гумбольдтъ; русскій министръ Алгодеусъ, англійскіе министры Каткартъ и Стевартъ. По временамъ сюда навѣзали Штейнъ, Анштеть, Нессельроде, Поццо-ди Борго и другіе русскіе министры; изъ сосѣдней главной квартиры генерала Блюхера навѣдывались чаще другихъ генералы Гнейзенау и Грольманъ. Навѣдывались нерѣдко и другіе знатные и интересные люди. Князь Радзивиль, близкій родственникъ прусскаго королевскаго дома, извѣстный саксонскій генераль Тилеманъ, перебѣжавшій къ союзникамъ отъ Наполеона, Ф. Гарденбергъ, ганноверскій посоль въ Вѣнѣ, вносили своими посѣщеніями еще большее оживленіе въ общество Рейхенбаха и безъ того уже достаточно оживленное ¹⁾.

Всѣ предавались своимъ обычнымъ занятіямъ и развлеченіямъ. Великій князь Константинъ сосредоточивалъ все свое вниманіе на тѣхъ самыхъ предметахъ, которые возбуждали когда то такое великое удивленіе Шишкова въ Вильнѣ ²⁾.

¹⁾ См. Церцъ, Stein's Leben, Т. III, стр. 368 -369.

²⁾ Любопытныя подробности объ образѣ жизни В. К. Константина находимъ въ запискахъ Н. Н. Муравьева. Русский Архивъ, 1885 кн. 12, стр. 490 и слѣдующія.

Государственные люди и дипломаты соображали, взвѣшивали, писали ноты и тайныя инструкціи; военные обсуждали и составляли планы предстоящей кампаніи; агенты и перебѣзчики наблюдали, подслушивали и доносили, жидаы торговали, услуживали и обманывали; всѣ вообще веселились и устраивали поѣздки въ предестныя Силезскія и Богемскія горы.

Императоръ Александръ видимо сторонился отъ всего этого шума, суеты и веселія. Погруженный всецѣло въ свои великія думы, удручаемый тяжелыми сомнѣніями и опасеніями, онъ желалъ быть, по возможности, въ уединеніи и избралъ съ этою цѣлью своимъ мѣстопробываніемъ небольшое мѣстечко Петерсвальдау. Петерсвальдау находилось въ небольшомъ разстояніи отъ Рейхенбаха, въ такой же роскошной мѣстности, но тутъ не было и помину о тѣхъ удобствахъ, которыя можно было найти въ Рейхенбахѣ. Въ мѣстечкѣ жили одни поселяне и евреи, тутъ не было ни лавокъ, ни магазиновъ, ни мѣста для общественнаго гулянья. Въ сторонѣ отъ другихъ жилищъ находился чрезвычайно большой, но совершенно заброшенный господскій домъ. Онъ весь утоналъ въ роскошной зелени громаднаго, запущеннаго парка. Со всѣхъ сторонъ возвышались группы буковыхъ, дубовыхъ и хвойныхъ деревьевъ. Густые кусты широколиственнаго орѣшника, загоршей сирени, одичалыхъ фруктовыхъ деревьевъ, образовали мѣстами непроходимыя чащи. Широкія дорожки и извилистыя тропинки, разбитыя когда-то по парку, заросли бурьяномъ и травой. Передъ самымъ домомъ находился обширный прудъ; но его гладкая водная поверхность давно уже покрылась тиною и водяными растеніями, а по берегамъ его вытянулись непроницаемые камыши. Трудно было представить себѣ что-нибудь болѣе пустынное, унылое, меланхолическое, какъ эта заброшенная усадьба! Невозмутимая тишина царила въ обширномъ паркѣ. Лишь по временамъ раздавалось карканье вороновъ, жалобныя стоны филина, а по вечерамъ, лягушки, жившія тысячами въ прудѣ, устраивали свой меланхолическіе концерты. Въ самомъ домѣ все было также пусто и мрачно, какъ и въ паркѣ. Въ ком-

натахъ, тянувшихся безконечною анфиладою, виднѣлись какъ призраки старомодные зеркала и мебели; повсюду пахло сыростью и запустѣніемъ; солнце почти никогда не заглядывало въ окна этого забытаго жилища ¹⁾. Среди такой-то обстановки, среди невозмутимой и мрачной тишины поселился императоръ Александръ. Онъ не привезъ съ собою ни многочисленной свиты, ни прислуги. Во всемъ громадномъ домѣ помѣстился онъ и гофмаршалъ графъ Толстой. Шишковъ и Балашовъ, находившіеся постоянно при государѣ, должны были устроиться въ обывательской избѣ. „Мы жили“, говоритъ Шишковъ, „въ двухъ небольшихъ горницахъ, онъ внизу, а я вверху,—часто, въ ненастную погоду, проводя время скучнымъ образомъ“ ²⁾. И дѣйствительно, никогда еще почтенный государственный секретарь не испытывалъ такой гнетущей тоски, какъ въ этомъ Сидезскомъ захолустьи. Общества положительнаго никакого. Лишь по временамъ заѣзжалъ сюда герцогъ Виртембергскій Павелъ ³⁾, да являлись адъютанты и курьеры. Погода къ тому-же самая ужасная. „До сихъ поръ“, пишетъ Шишковъ своей женѣ, „не видалъ я ни красныхъ дней, ни лѣта, а уже осень наступаетъ. Кромѣ скуки жить въ деревнѣ, здѣсь почти непрерывно дожди и сырость. Ты знаешь, что я охотникъ до ягодъ и плодовъ, и того нѣтъ. Принесутъ землянику: на взглядъ хороша и крупна, а возьмешь въ ротъ, никакого вкуса нѣтъ. Впрочемъ ничего нѣтъ: ни клубники, ни малины, ни смородины, ни персиковъ, ни абрикосовъ, ни апельсиновъ, ни дынь, ни арбузовъ, однимъ словомъ ничего. Итакъ ничто не утѣшаетъ, даже и послѣдняя вещь,—ѣда! ⁴⁾. А всего хуже неизвѣст-

¹⁾ Описаніе Петерсвальдау и его парка мы находимъ въ запискахъ Шихова, Т. I, стр. 206—7. Въ письмѣ къ женѣ, отъ 29 іюля, государственный секретарь пишетъ: „хотя въ Петерсвальдау было и скучно, однакожь, мнѣ жаль съ нимъ разстаться. Это уединеніе и сады, окружавшіе меня, съ орѣховыми и другими хорошими деревьями начинали мнѣ нравиться“. Записки, Т. I, стр. 344.

²⁾ Шишковъ, записки, Т. I, стр. 206.

³⁾ Отецъ великой княгини Елены Павловны.

⁴⁾ Не доставало и табаку. „Не худо, коли бы ты прислала мнѣ французскаго табаку, хотя бы одну жестянку. Здѣсь его совсѣмъ нѣтъ. Я по табакерочкѣ

ность долго-ли это продолжится“. Лишь одно занятіе и развлеченіе нашель себѣ государственный секретарь въ этомъ ужасномъ мѣстѣ: онъ дѣятельно изучалъ богемское нарѣчіе и сравнивалъ его съ русскимъ¹⁾.

Томяевъ самъ смертельною тоской, Шишковъ рѣшительно отказывался понимать какимъ образомъ могъ переносить подобный образъ жизни государя. „Между тѣмъ“, рассказываетъ онъ намъ въ своихъ запискахъ, „продолжая часто ходить въ государю съ докладами, я не могъ надивиться скучному, уединенному и, какъ казалось мнѣ, несносному образу жизни государя императора. Въ пустомъ огромномъ домѣ жили они только двое: графъ Толстой въ одномъ, а государь въ другомъ, далеко отъ него углу. Передъ окнами кабинета его, гдѣ онъ цѣлые дни, всегда почти одинъ, препровождалъ, находился обширный, запустѣвшій садъ съ грязнымъ, покрытымъ тиною прудомъ, въ которомъ по вечерамъ, довольно длиннымъ и темнымъ, безпрестанно квакали лягушки, такъ что всякій разъ когда, сидя одинъ со свѣчкою, передъ его кабинетомъ, дожидаясь я иногда болѣе часа, покуда онъ позовесть, находилъ на меня въ этой пустотѣ комнату, въ этой тишинѣ, прерываемой однимъ только крикомъ сихъ насѣкомыхъ, нѣкій ужасъ и уныніе“²⁾.

Удивленіе государственнаго секретаря возрастало еще болѣе, когда онъ замѣчалъ каждый день, что государь, повидимому, ни мало не скучаетъ въ этой страшной глуши; что занятый постоянно самыми важными дѣлами, онъ сохраняетъ, повидимому, доброе и веселое настроеніе, выслушиваетъ терпѣливо самые разнообразныя доклады, снисходитъ кротко и милостиво на всѣ просьбы своихъ подчиненныхъ. Самъ Шишковъ имѣлъ два раза случай убѣдиться въ лестномъ внима-

выпрашиваю у графа Толстаго, да и тотъ скоро перестанетъ меня ссужать потому ужъ и у него не много остается. Также пришли хоть фунта два чаю“. Записки Шишкова, Т. I, стр. 342.

¹⁾ Въ концѣ перемирія Шишковъ пишетъ: „А я доселѣ сравнивалъ богемское нарѣчіе съ русскимъ, но теперь и это упражненіе пресѣкается“. Записки, Т. I, стр. 344.

²⁾ Записки Шишкова, Т. I, стр. 207.

ни государя и въ благосклонномъ снисхожденіи ко всѣмъ его просьбамъ. „Однажды“, рассказываетъ онъ въ своихъ запискахъ, „по полученіи извѣстія о смерти президента Россійской академіи, Нартова ¹⁾, донеся о томъ, сказалъ я государю, что я охотно принялъ-бы на себя сіе званіе, если-бы это мое желаніе не было противно волѣ Его Величества. Государь весьма для меня лестно и милостиво отозвался, что онъ со свѣчкою не сыщеть лучшаго человѣка, и приказалъ заготовить указъ, который тогда-же и подписалъ“ ²⁾. Спустя нѣкоторое время, Шишковъ, окончивъ нужнѣйшіе изъ своихъ докладовъ, попросился съѣздить въ Карлсбадъ. „Сперва государь, говоритъ онъ, неохотно на то согласился, но когда я сказалъ, что чувствую себя очень нездоровымъ, и что постараюсь, какъ можно скорѣе, возвратиться, то онъ дозволилъ, и я немедленно отправился“ ³⁾.

Государственный секретарь могъ дѣлать и другія любопытныя наблюденія надъ образомъ жизни государя въ Петерсвальдау, хотя онъ и не упоминаетъ объ нихъ ни однимъ словомъ въ своихъ запискахъ. Отъ его проницательнаго глаза не могло укрыться, что и образъ жизни государя, и его настроеніе, и его занятія въ Силезской глуши напоминали какъ двѣ капли воды его настроеніе, жизнь и занятія въ Каменно-Островскомъ дворцѣ въ тяжелую годину Московской катастрофы. И тогда государь избѣгалъ систематически всякаго общества, проводилъ цѣлыя дни одинъ, погруженный въ глубокія думы, или занятый текущими важными дѣлами. И тогда онъ былъ сосредоточенъ, грустенъ, не словоохотливъ, но въ то же время спокоенъ, твердъ, кротокъ и милостивъ. И тогда онъ проводилъ все свободное отъ дѣлъ время за чтеніемъ библіи, и тогда религіозные вопросы занимали его еще болѣе внутреннимъ образомъ, нежели важнѣйшія военныя и политическія событія. Но была и значительная разница между тѣмъ и этимъ временемъ. Тогда было время

¹⁾ А. А. Нартовъ умеръ 2 апрѣля 1813 г.; онъ былъ президентомъ академіи съ 1801 г.

²⁾ Записки Шишкова, Т. I, стр. 207.

³⁾ Записки Шишкова, Т. I, стр. 208.

борьбы сомнѣнія, исканія истины, теперь борьба окончилась уже давно, свѣтъ божественной истины проникъ уже въ душу, сомнѣнія и невѣріе скрылись, какъ призраки ночи передъ лунами ярваго солнца. Теперь наступила пора укрѣпленія въ обрѣтенной вѣрѣ, теперь душа, возрожденная во Христѣ, искала подобныхъ-же, просвѣщенныхъ свѣтомъ евангельской истины, душъ; теперь наступилъ моментъ, когда самъ собою предсталъ передъ императоромъ доселѣ не рѣшенный имъ вопросъ, въ какой изъ извѣстныхъ формъ христіанства, въ какой церкви, сектѣ или общинѣ можно обрѣсти въ чистотѣ ту божественную сущность христіанства, въ которой полагалъ найти Александръ спасеніе какъ самого себя, такъ и всего человѣчества. Такой вопросъ не могъ-бы, разумѣется, возникнуть для Александра, если-бы онъ стоялъ, подобно Фридриху-Вильгельму, на твердой почвѣ прирожденной ему Церкви, или, если-бы его религиозное возрожденіе совершилось на почвѣ православной Церкви. Но мы уже знаемъ, что Александръ воспитанъ былъ въ скептицизмъ и вольнодумствѣ, что свѣтъ божественнаго откровенія пришелъ къ нему извнѣ, что вновь выработанныя имъ религиозныя идеи лишены были, въ сущности, всякой вѣроисповѣдной основы. Александръ стоялъ одиноко съ своими убѣжденіями, никто, кромѣ далекаго теперь отъ него, князя Голицына, не понималъ его, не сочувствовалъ ему. Что-же удивительнаго, что и Александръ внутренно, хотя и не замѣтно для другихъ, томился своимъ одиночествомъ, что онъ искалъ подобныхъ себѣ не по внѣшнимъ обрядамъ и именамъ, а по духу и вѣрѣ?

Шишковъ и другіе приближенные государя замѣчали, что онъ, не смотря на гнетущія его отовсюду дѣла, посѣщалъ съ особенною охотою и интересомъ поселенія гернгутеровъ или Моравскихъ братьевъ въ окрестностяхъ Петерсвальдау ¹⁾.

¹⁾ Шишковъ не говоритъ въ своихъ запискахъ о поѣздкахъ государя къ гернгутерамъ, онъ замѣчаетъ только, что самъ желалъ съѣздить къ нимъ, будучи въ Герлицѣ, но не рѣшился, такъ какъ находилъ, что неловко разѣзжаться, когда непріятель такъ близко. Гречъ въ своихъ запискахъ замѣчаетъ, что Александръ посѣщалъ во время перемирія сосѣднія поселенія гернгутеровъ и мы не имѣемъ никакого основанія сомнѣваться въ его извѣстіи, хотя и не

Неоднократно ѣздилъ онъ въ мѣстечки Гнаденфрей, Гнаденбергъ и другія колоніи гернгутеровъ, проводилъ по цѣлымъ часамъ въ бесѣдахъ съ сектантами, бралъ отъ нихъ книги и брошюры религіознаго содержанія и поружался въ ихъ изученіе, возвратившись въ свое уединеніе. Все привлекало государя въ этихъ простыхъ, честныхъ, трудолюбивыхъ, но въ то же время глубоко религіозныхъ людяхъ. Онъ приходилъ въ восторгъ отъ того порядка, опрятности и чистоты, которые господствовали въ ихъ деревняхъ, онъ умилялся духомъ при видѣ ихъ истинно христіанскаго смиренія, ихъ искренней неподдѣльной набожности, ихъ глубокой непоколебимой вѣры во Христа, нашего единственнаго ходатая и защитника; и, что самое важное, онъ съ изумленіемъ замѣчалъ, что въ религіозномъ ученіи гернгутеровъ, въ ихъ книгахъ, въ ихъ восторженныхъ проповѣдяхъ выражаются тѣ самыя идеи, тѣ самыя чувства, которыя наполняли его душу, давали ему новую вѣру и силу въ тяжеломъ возложенномъ на него Провидѣніемъ призваніи.

Императору передавали, что ученіе Моравскихъ братьевъ ¹⁾ вытекаетъ непосредственно изъ чистѣйшаго источника первоначальнаго христіанства ²⁾, что ихъ община возникла на той

станемъ искать въ этихъ поѣздкахъ начала направленія Александра къ мистицизму.

¹⁾ Моравскіе братья появились въ эпоху гусситскихъ войнъ. Секта ихъ была подавлена габсбургами и іезуитами въ началѣ 30 лѣтней войны, но ученіе ихъ возродилось въ XVIII вѣкѣ, въ сектѣ гернгутеровъ.

²⁾ Все, что говорится въ текстѣ объ исторіи Моравскихъ братьевъ, объ ихъ ученіи, о возрожденіи секты въ гернгутерской общинѣ, представляетъ дѣло въ томъ видѣ, какъ излагали и излагаютъ его по сію пору гернгутеры въ своихъ книгахъ и брошюрахъ. Въ данномъ случаѣ для насъ важно знать не то, какъ происходило дѣло въ исторической дѣйствительности, а то въ какомъ видѣ изображали его гернгутеры и какъ могли они передать его Александру. Для этой цѣли мы пользовались, кромѣ многочисленныхъ брошюръ и проповѣдей, особенно двумя сочиненіями, составленными членами гернгутерской общины: *Geschichte der alten Brüderkirche Erste Abtheilung*, (книга эта написана Крегеромъ по порученію конференціи старшинъ гернгутеровъ и носитъ, слѣдовательно, на себѣ характеръ официальный) и *Kurzgefasste Nachricht von der ewangelischen Brüderunität*, седьмое изданіе 1876. Желаящій ознакомиться съ настоящею исторіею братьевъ долженъ обратиться къ другимъ книгамъ и прежде всего къ извѣстному сочиненію Гиндели, *Geschichte der Mährischen*

самой почвѣ, на которой первая сѣмяна христіанства посеяны великими подвижниками Кирилломъ и Меѳодіемъ. Далѣе онъ узналъ, что Петръ Вальдусъ, проповѣдывавшій чистую вѣру во Христа, среди мрака суевѣрія и папскаго гнета, и основавшій свое ученіе на одномъ священномъ писаніи, принужденъ былъ искать убѣжища отъ постигшихъ его гоненій въ Богеміи ¹⁾. Здѣсь подвизались въ тиши и тайнѣ его ученики въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ.

Они были, по словамъ писанія: „яко незнаеми, и познаваемы: яко умирающе, и се живи есми: яко наказуеми, а не умерщвляеми: яко скорбяще присно-же радующеся: яко нищи, а мнози боготяще: яко ничтоже имуще, а вся содержаще“ ²⁾. Но настало время и возсталъ великій исповѣдникъ вѣры Христовой, Иоаннъ Гуссъ. Тщетно пытались паписты задушить въ пламени и дымѣ Бонстанцкаго костра его ученіе; оно пережило его мученическую кончину, оно проникло своимъ всеобъемлемымъ духомъ милліоны сердецъ, оно ополчало неземною силою длави таборитовъ и ниспровергло передъ нимъ въ прахъ безчисленные легионы римскаго мжепискани. Далече не все послѣдователи Гусса сохранили, однако же, во всей чистотѣ его ученіе. Масса какъ всегда и вездѣ удовольствовалась одною внѣшностью: за чашу и бракъ священниковъ она приняла вновь на себя постыдное иго папства и утратила самую внутреннюю сущность божественныхъ истинъ, возстановленныхъ и очищенныхъ Гуссомъ. Лишь немногіе сохранили въ своихъ сердцахъ истинное ученіе Христа Спасителя, насажденное св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, взлелѣванное Петромъ Вальдомъ и его учениками, возстановленное и очищенное Иоанномъ Гуссомъ ³⁾. Эти немногіе избран-

Brüder. На русскомъ языкѣ можно указать на изслѣдованіе А. Кочубинскаго „Братья подобны и чешскіе католики въ началѣ XVII в.“ 1873.

¹⁾ Новѣйшія изслѣдованія показали, что преданіе о пребываніи Петра Вальдуса въ Богеміи есть позднѣйшая легенда, лишенная всякаго историческаго основанія.

²⁾ Кор. гл. 6, ст. 9 и 10.

³⁾ Такое сопоставленіе Св. Кирилла и Меѳодія, Петра Вальда и Иоанна Гусса принадлежитъ, разумѣется, герингутерамъ.

ные образовали братскую общину, въ коей поклонялись Христу не въ плоти, а духомъ, въ коей вся внѣшность и обрядность утратили свое значеніе и гдѣ великій основной догматъ христіанства, вѣра во Христа и неразрывное единеніе съ Нимъ. являлось началомъ и концомъ, альфою и омегою религіи. Велики и безконечны были гоненія, которымъ подверглись братья во Христѣ; ненасытна и неутолима злоба міра сего и князей его противъ нихъ. Ихъ преслѣдовали и паписты и гусситы, хотя ни тѣ, ни другіе не могли сказать о нихъ ничего худого; но они крѣпли и росли если не числомъ, то силою вѣры и духа.

Страшный ударъ 1620 г., искоренившій навсегда евангелическія общины въ Богеміи, положилъ, правда, предѣлъ видимой общинѣ братьевъ, разсѣялъ ея членовъ по далекимъ странамъ, но не уничтожилъ ихъ внутренно. Ихъ духъ, ихъ идеи продолжали жить и въ единичныхъ личностяхъ, и въ не большихъ кружкахъ, и не прошло и ста лѣтъ, какъ братская церковь поднялась вновь изъ своего разсѣянiя и униженiя. Господь совершилъ новое великое чудо ¹⁾. Среди вѣрка невѣрія, среди общества, томившагося подъ двойнымъ гнетомъ просвѣтителей матерьялистовъ и іерарховъ, утратившихъ самое сознаніе сущности ученія Христова, Господь призвалъ къ вѣрѣ и жизни одновременно и знатнаго Саксонскаго графа, и бѣдныхъ Моравскихъ поселянъ. Графъ Ф. Цинцендорфъ призванъ былъ также внезапно, какъ апостоль Павелъ ²⁾. Его обращеніе, его внутреннее просвѣтленіе совершилось въ тотъ самый моментъ когда прочелъ онъ въ Дюссельдорфѣ надпись подъ образомъ Христа, увѣнчанаго терновымъ вѣнкомъ: „Сіе сдѣлалъ я для тебя, а что сдѣлалъ ты для меня“. И въ тоже самое время переселилось въ Саксонію нѣсколько бѣдныхъ ремесленниковъ изъ Силезіи ³⁾ дабы имѣть возможность, какъ говорили они, открыто

¹⁾ Какъ полагаютъ геригутеры, усматривающіе въ возникновеніи своей общины непосредственное дѣйствіе самого Божества.

²⁾ Графъ Николай Людвигъ Ф. Цинцендорфъ родился въ Дрезденѣ 26 мая 1700; обращеніе его произошло въ 1719 г. См. *Kurzgefasste Nachricht*, стр. 10.

³⁾ Главный изъ нихъ Христіанъ Давидъ, призванный, по словамъ геригутеровъ,

и свободно служить Господу. То были Моравскіе братья, сохранившіе ученіе предковъ и призванные теперь свыше проповѣдывать міру истиннаго Христа. Графъ Ф. Цинцендорфъ пріютилъ ихъ въ своемъ имѣніи и отвелъ имъ пустопорожнее мѣсто у подошвы горы Гутберга. „Птица обрѣте себѣ храмину и зорница мѣздо себѣ, иде-же положитъ птенцы своя: Олтари Твоя Господи силь, Царю мой и Боже мой ¹⁾“, воскликнулъ одинъ изъ братьевъ, Христіанъ Давидъ, вонзая свою свѣчу въ дерево, росшее на склонѣ горы ²⁾. Въ ноябрѣ 1722 года, построенъ былъ первый братскій домъ. При его освященіи, происходившемъ на Рождество того-же года, въ присутствіи графа, другой изъ братьевъ Гейцъ сказалъ такіа слова: „Дай Богъ, чтобы на горѣ сей, которая именуется покровъ Господа, воздвигнуть былъ градъ, чтобы градъ сей не только стоялъ подъ покровомъ Господа, но и чтобы всѣ жители его стояли на стражѣ Господней, дабы ни одинъ день, ни одну ночь не было у нихъ безмолвія ³⁾“.

Уже въ 1727 организовалась окончательно возрожденная братская церковь. Она не отдѣлялась отъ господствующей евангелической церкви, но она образовала изъ себя совершенно особую общину. Ея члены дали торжественный обѣтъ отречься отъ всякаго собственнаго мнѣнія и хотѣнія и составлять въ любви во Христу и другъ друга единое тѣло и единый духъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ произнесенія обѣта духъ Господень снизошелъ на самыхъ дѣтей, и они увѣровали и начали возвѣщать Христа, подобно взрослымъ. Братья, доложили никогда не прерывать своей молитвы за

раяѣ всѣхъ другихъ, былъ родомъ изъ Моравіи, но поселился въ Герлицѣ въ Силезіи и занимался плотничьимъ ремесломъ. См. Kurzgefaste Nachricht etc. с. 11.

¹⁾ Псал. 83, ст. 4.

²⁾ См. Kurzgefaste Nachricht etc, стр. 11.

³⁾ На основаніи этихъ словъ Гейца самая община получила названіе Herrnhut, (что значитъ покровъ Господа, а также стража Господа). Слова Гейца теряютъ свой настоящій смыслъ въ переводѣ, приводимъ ихъ поэтому въ подлинникѣ: Gott gebe, dass an dem Berg, welcher der Hutberg heisst, eine Stadt erbauet werde die nicht nur unter der Herrn Hut stehe, sondern da auch alle Einwohner auf des Herrn Hut stehen, dass Tag und Nacht kein Schweigen bei ihnen sei“. См. Kurzgefaste Nachricht, etc. стр. 11.

общину и все христіанство, неустанно и денно и ношно славословить Христа. Они чередовались и чередуются между собою по часамъ и никогда не умолкаетъ ихъ молитвенный хоръ. „И все сіе“, говорили восторженные сектанты, „сдѣлано было не графомъ Цинцендорфомъ, не Моравскими поселянами, а Самимъ Господомъ, а посему и чудесно передъ очами нашими“¹⁾.

Братская церковь росла и раскидывала свои вѣтви по всему лицу земли, она основывала свои общины и по всей Германіи и по всей Европѣ, она несла свои идеи и къ далекой Волгѣ и Уралу и на острова Великобританіи, и въ лѣса и пустыни Америки. Вся внѣшняя обрядовая сторона христіанства, выработавшаяся въ средѣ различныхъ вѣроисповѣданій, всѣ догматическія тонкости и различія, возбуждающія столько вражды и ненависти въ средѣ христіанъ, не существуютъ для братской церкви, игнорируются систематически ею. Какъ старые, такъ и новые братья не признавали иного источника истинной вѣры кроме священнаго писанія. Они учили, что есть лишь одинъ ходатай и посредникъ, Христось, и что не подобаетъ призывать на ряду съ Нимъ святыхъ. Они объявляли, что чистилище есть вымыселъ папистовъ. Они признавали лишь два таинства: крещеніе и причащеніе, отвергали мессу въ особенности заупокойную, не соблюдали постовъ, отрицали монашество и внѣшніе обряды. Они учили, что священники и епископы и діаконъ установлены Христомъ и апостолами и посему должны существовать и въ ихъ общинахъ. Они раздавали причащеніе подъ обоими видами, считали римскую церковь Вавилономъ, а папу антихристомъ, возставали противъ безбрачія священниковъ и противъ католическаго ученія объ отпущеніи грѣховъ²⁾.

Во всей этой догматической и отрицательной сторонѣ своего ученія, старые Моравскіе братья и гернгутеры стояли на той-же раціоналистической почвѣ, какъ и другія протестант-

¹⁾ См. Kurzgefasste Nachricht etc стр. 13.

²⁾ Такъ изложены главные догматы Моравскихъ братьевъ въ Geschichte der alten Brüderkirche.

скія секты, шли одинаково далеко противъ самыхъ законныхъ традицій христіанства. Но не въ этой сторонѣ заключалась главная сущность гернгутерской секты, не въ ней коренились тѣ элементы, которые могли дѣйствовать такимъ чарующимъ образомъ на людей, выросшихъ подобно Александру, внѣ установленной, традиціонной Церкви. Внутренняя сущность ученія гернгутеровъ заключалась въ томъ мистическомъ духѣ христіанской любви, который по ихъ вѣрованію соединялъ въ едино тѣло и въ единъ духъ членовъ ихъ братства съ невидимымъ главою Церкви, съ источникомъ всякой любви и жизни, Христомъ. Такая любовь являлась прямымъ результатомъ воздѣйствія свыше, непосредственнаго сошествія святаго духа. Этотъ духъ приходилъ и посѣщаль внезапно душу бѣднаго грѣшника, онъ освѣщаль, подобно молніи, мракъ внутренней ночи, онъ просвѣщаль и возраждалъ человѣка безъ всякаго внѣшняго содѣйствія или приготовленія; онъ проявлялся въ беззавѣтной любви къ Богу и человѣчеству, въ дѣлахъ благочестія и милосердія, не стѣснявшихся предѣлами секты, церкви, религіи. Съ точки зрѣнія такой всеобъемлющей, всепроникающей, всевозсоединяющей любви, теряются, разумѣется, всякое значеніе всѣхъ внѣшнихъ дѣйствій и обрядовъ, всякія вѣроисповѣдныя различія и разграниченія. Истинные христіанские братья могутъ обрѣтаться во всякой христіанской церкви, да имъ и нѣтъ нужды покидать ее, ибо они стоятъ выше всякихъ внѣшностей и символовъ. Уже старые Моравскіе братья говорили такъ: „Кто обладаетъ правую, истинною и живою вѣрою, тотъ обладаетъ и силою искоренить въ себѣ всякое зло. Кто усвоиваетъ себѣ заслугу Христа, тотъ пріобрѣтаетъ черезъ нее прощеніе грѣховъ, а черезъ сіе и силу своего воскресенія, ибо онъ любитъ Христа, преданъ Ему, и возраждается, такъ сказать, вновь изъ сѣмени божественнаго слова. Всякое-же внѣшнее благочестіе и добрыя дѣла, содѣлываемыя въ смыслѣ плоти, не ведутъ ко спасенію, ибо не достаетъ имъ духа“¹⁾. Они предостере-

¹⁾ Эти слова мы находимъ въ первомъ „исповѣданіи“ Моравскихъ братьевъ, составленномъ въ 1467 или 1468 году. См. *Geschichte der alten Brüderkirche*, стр. 86.

гаютъ отъ опасности обманывать себя и народъ, говоря о присвоеніи заслуги Христа безъ истиннаго божественнаго духа и пребывая при семъ въ старомъ Адамѣ, т. е. въ грѣховной жизни міра сего. Тотъ, кто спроситъ о данныхъ имъ свыше чрезвычайныхъ откровеніяхъ, да знаетъ, что они считаютъ высочайшимъ откровеніемъ то, что они въ духѣ истины познаютъ Христа и усматриваютъ въ семъ познаніи залогъ своего спасенія. Да не думаютъ, что они осуждаютъ всѣхъ тѣхъ, кои не принадлежатъ къ нимъ. Кто пребываетъ въ живой вѣрѣ во Христа, тотъ спасется, къ какой-бы церкви ни принадлежалъ онъ; со всѣми таковыми они желаютъ оставаться въ единеніи вѣры ¹⁾.

Таковы были основные принципы Моравскихъ братьевъ, перешедшіе всецѣло и къ позднѣйшимъ гернгутерамъ. Каковы же должны были быть ихъ практическія послѣдствія, ихъ результаты для земной жизни? И на этотъ вопросъ даютъ намъ одинаковый отвѣтъ и старые Моравскіе братья, и гернгутеры. Мы соединились прежде всего для того, чтобы сохранять себя взаимно въ чистотѣ вѣры во Христа, утверждаться въ справедливости проистекающей изъ самаго Бога, пребывать въ любви другъ къ другу и возлагать всѣ упованія наши на Бога живаго. Сіе должны мы исповѣдывать вѣрно и словомъ и дѣломъ, поддерживать другъ друга въ духѣ любви, вести честную жизнь, преуспѣвать въ смиреніи, скромности, кротости, воздержаніи и терпѣніи и тѣмъ доказывать, что мы обладаемъ и истинною вѣрою и истинною любовью и вѣрою надеждою ²⁾.

Таковы были основные принципы братьевъ, такова была ихъ мораль. Кто же станетъ отрицать, что въ этихъ принципахъ, что въ этой морали, императоръ Александръ могъ найти всѣ тѣ элементы, изъ которыхъ слагалось его собственное религиозное міровоззрѣніе? Императоръ могъ думать, что онъ прозрѣлъ внезапно, подобно тому какъ про-

¹⁾ См. Geschichte der alten Brüderkirche, стр. 86.

²⁾ Такъ формулировали цѣль и основные принципы своего братства Моравскіе братья еще въ 1464 г. См. Geschichte der alten Brüderkirche, стр. 66.

зрѣвали братья, и онъ могъ считать свое религиозное возрожденіе такимъ же непосредственнымъ результатомъ воздействия высшей благодати, снисхожденія Святаго Духа, какъ утверждали это братья о самихъ себѣ. И онъ такъ же укрѣпился въ вѣрѣ единственно при содѣйствіи Священнаго Писанія. Онъ читалъ и изучалъ Писаніе самостоятельно безъ помощи, безъ руководства лица, облеченнаго духовною властью. Что же почерпнулъ онъ въ Писаніи? Непокосимую вѣру во Христа, какъ единственнаго ходатая и убѣжище грѣховной души, и всеобъемлющую любовь, любовь соединяющую людей и другъ съ другомъ и съ Божествомъ, любовь, которая побуждала его относиться съ одинаковымъ милосердіемъ и къ страждущимъ друзьямъ и врагамъ, любовь, на неизбѣжныхъ основахъ которой хотѣлъ онъ построить и свою внутреннюю, правительственную систему и свои международныя отношенія. Александръ встрѣтилъ въ гернгутерахъ цѣлую общину вѣрующихъ, не придававшихъ, подобно ему, никакого значенія внѣшней обрядовой сторонѣ религіи и догматическимъ различіямъ между исповѣданіями. Александръ говорилъ, что все христіане братья и что для Бога безразлично, на какомъ языкѣ и по какому обряду чтутъ его; гернгутеры утверждали, что истинные христіане, христіане по духу и любви, а не по имени, не по формѣ, могутъ встрѣчаться во всякой церкви, во всякомъ исповѣданіи, что всѣхъ такихъ они считаютъ себѣ равно братьями, и что они готовы пребывать съ ними въ союзѣ мира и любви.

И такъ, Александръ имѣлъ основаніе думать, что въ гернгутерахъ онъ обрѣлъ, наконецъ, людей вполне согласныхъ съ нимъ въ рѣшеніи высшихъ вопросовъ жизни, въ опредѣленіи отношеній христіанина къ Богу и къ ближнимъ. Такое открытіе должно было укрѣпить императора еще болѣе въ его общехристіанской, чуждой всякой вѣроисповѣдной и національной почвы, религіозной системѣ. Идея священнаго союза между государями и народами, державшимися различныхъ и даже враждебныхъ между собою христіанскихъ учений, должна была показаться ему послѣ этого открытія еще болѣе удобоисполнимою, нежели какъ казалось ему прежде.

Пусть держатся народы и ихъ вожди своихъ религіозныхъ особенностей, но если эти особенности относятся лишь къ внѣшности, не имѣющей никакого значенія, то что же можетъ помѣшать имъ слиться во едино въ духѣ христіанской любви, и образовать тотъ высшій союзъ, ту высшую духовную Церковь, которая обниметъ собой все челоуѣчество? Въ данный моментъ, въ моментъ приближающейся рѣшительной борьбы съ силами невѣрія, зла, разрушенія, подобное отношеніе Александра къ идеѣ христіанства, подобное пониманіе сущности религіи Христовой могло имѣть, по его убѣжденію лишь самыя благотворныя послѣдствія; особенно когда въ чудесномъ сплетеніи всемірно-историческихъ событій до очевидности отрывалось руководство Божественнаго Провидѣнія, когда, по словамъ знаменитѣйшаго изъ германскихъ историковъ, Леопольда Ф. Ранке, являлась воюю рукою Божія надъ народами и ихъ судьбами.

И въ самомъ дѣлѣ, Александръ напрягалъ всѣ силы своего генія, чтобы сплести вокругъ себя въ одну коалицію разноплеменные и разноисповѣдныя народы Европы. Коалиція направлялась противъ той міровой силы, которая являлась отрицаніемъ всякой религіи, и всякой національности: въ чемъ же, съ точки зрѣнія Александра, должна была заключаться при подобныхъ обстоятельствахъ ея внутренняя сила, ея руководящая идея? Въ чемъ иномъ, какъ не въ самой внутренней сущности христіанства, какъ не въ идеѣ всеобщей, очищенной отъ всякихъ случайныхъ примѣсей, христіанской любви? Прежнія коалиціи не имѣли никакого успѣха, главнымъ образомъ потому, что онѣ основывались на духѣ, явнымъ образомъ противоположномъ духу христіанской любви, что государи и министры, составлявшіе ихъ, имѣли въ виду лишь свои исключительныя, эгоистическія интересы, что они относились съ недовѣріемъ и подозрительностью другъ къ другу, что, чуждые духа взаимной любви, они впадали въ отчаяніе при первой же неудачѣ, оставляли союзниковъ и искали спасенія и выгодъ въ частной сдѣлкѣ съ врагомъ. Теперь во главѣ вновь возникающей коалиціи становился государь, убѣдившійся тяжелымъ опы-

томъ во всеспасающей силѣ христіанской вѣры и любви, государь, поборовшій въ самомъ себѣ тяжелою борьбою духъ эгоизма, духъ лукавства и недовѣрія, государь, проникнутый до глубины души духомъ святой, безпредѣльной любви, властелинъ, подававшій всѣмъ другимъ примѣръ высокаго самоотверженія, смотрѣвшій на самого себя, какъ на орудіе Провидѣнія, готовый относиться съ истинно христіанскимъ смиреніемъ, съ невѣроятною уступчивостью къ своимъ союзникамъ, но въ тоже время твердый и непоколебимый какъ скала; тамъ, гдѣ дѣло касалось главной цѣли борьбы, не способный ни въ какихъ уступкамъ и компромиссамъ съ царствомъ зла, и убѣжденный до энтузіазма въ побѣдоносномъ исходѣ борьбы, поднятой за святое и правое дѣло, во имя высочайшихъ интересовъ религіи и челоуѣчности. Только такая личность, только такой герой, непонятый и неоцѣненный доселѣ неблагоприятнымъ потомствомъ, только такой новый Агамемнонъ могъ создать всеевропейскую коалицію 1813 года, могъ устранить, движимый всепобѣждающей силой любви, безчисленныя затрудненія, громоздившіяся на пути къ ея осуществленію. Только онъ одинъ могъ изгнать въ рѣшительную минуту духъ эгоизма, недовѣрія, зависти, вражды и соединить въ одномъ великомъ союзѣ такіе разнородные элементы, какъ императора Франца и его Меттерниха, этихъ представителей эгоизма въ его грубѣйшей формѣ, какъ англійскихъ торіевъ, этихъ узкихъ поборниковъ національнаго и сословнаго интереса, какъ интригана Вернадота, эту странную смѣсь эгоизма, легкомыслія и коварства, какъ прусскаго короля, это олицетвореніе прямоты и честности, какъ героизмъ Блюхера и дипломатическую стратегію князя Шварценберга. Все наше послѣдующее изложеніе покажетъ до очевидности, что уже созданіе коалиціи сопряжено было съ величайшими трудностями и, что эти трудности устранены были единственно, благодаря тому духу кротости, любви и самоотверженія, въ которомъ дѣйствовалъ императоръ Александръ. Мы покажемъ далѣе, что созданная съ такими невѣроятными трудностями коалиція готова была нѣсколько разъ распасться, что духъ эгоизма и малодушія неоднократно

пытался совратить ее съ прямого пути, и что во всѣхъ та-
кихъ случаяхъ единственнымъ ея хранителемъ и спасителемъ
являлся императоръ Александръ. Не напрасно же лучшіе и
проницательнѣйшіе люди той эпохи восклицали вмѣстѣ съ
Штейномъ: „Богу и императору Александру обязана Европа
своимъ спасеніемъ и освобожденіемъ“.

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

ЯЗЫЧЕСТВО И ИУДЕЙСТВО

къ времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа.

(Продолженіе *).

Б. ИУДЕЙСТВО.

ГЛАВА I.

Страна и народъ іудейскій.

Палестина, отечество народа іудейскаго, лежавшая на востокъ отъ Средиземнаго моря, окруженная на сѣверѣ Ливаномъ и примыкающими скалистыми горами, на восточной сторонѣ—пустынею сирійскою, а на южной—аравійскою, отъ Дана до Вирсавіи едва имѣла 160 римскихъ или около 32 географическихъ миль въ длину, а въ ширину—только около половины этого разстоянія. По сую сторону Іордана (западную) страна эта заключала въ себѣ приблизительно только 340 квадратныхъ миль, а вмѣстѣ съ восточно-іорданскою окрестностью—около 460 квадратныхъ миль. И эта столь небольшая страна, по волѣ Промысла, должна была сдѣлаться исходнымъ мѣстомъ религіи, побѣдившей міръ.

По своему физическому устройству Палестина вообще страна гористая. На ея сѣверной границѣ, какъ мы сказали, возвышается хребетъ Ливанскихъ горъ, отъ котораго идутъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 24.

двѣ параллельныя горныя цѣпи даже по всей почти Галилеи; на югъ отъ него, также тянутся непрерывныя незначительныя возвышенности до самой южной границы страны; на западъ отъ него спускаются онѣ почти до Средиземнаго моря, между тѣмъ какъ на востокъ, по Иордану, именно въ странѣ Мертваго моря онѣ оканчиваются крутыми обрывами. По ту сторону Иордана—восточную также тянется длинный хребетъ скалистыхъ горъ съ сѣвера на югъ. Между горами уютно стелются плодородныя долины и равнины, каковы—у моря западная, на сѣверо-востокъ отъ Кармила—долина Ездзелонская. Въ высшей степени по мѣстамъ идиллическая, долина Иорданская орошается единственною значительною рѣкою Иорданомъ, текущею съ сѣвера на югъ, образующею многія озера, какъ, напр., Самохонитское и Геннисаретское, и впадающею наконецъ въ Мертвое море. Такимъ образомъ Палестина съ разнообразіемъ своей поверхности, произведеннымъ горами, равнинами и долинами, является страной, которая на небольшомъ пространствѣ объединяетъ самыя разнovidныя почвенныя образованія и характеры мѣстностей.

Въ этой разнovidности почвы для населенія сама собою сказала необходимость различнаго рода занятій. Узкая береговая полоса, отдѣленная горами отъ центра страны, указывала ему на море; долины и равнины были весьма годны для земледѣлія; къ нимъ-же можно отнести и черноземныя предгорья, хотя болѣе они были удобны для разведенія винограда и смокви. Степи и весь югъ Іудеи давали возможность въ обширныхъ размѣрахъ заниматься скотоводствомъ, а горныя хребты и въ особенности ихъ склоны представляли собою богатая пастбища для скота мелкаго. Такимъ образомъ, по своей почвѣ и физическому устройству, Палестина по-истинѣ была „садомъ Божиимъ“, какъ рогъ изобилія разнообразнѣйшихъ произведеній (срвн. Второз. VIII, 7—9), и уже въ Ветхомъ Заветѣ она называется поэтому доброю, тучною землею (Исх. III, 8. Неем. IX, 25. 35), въ которой течетъ медь и млеко (Исх. III, 8. XIII, 5); во времена земной жизни Господа нашего Іисуса Христа почва Пале-

стины также представляется весьма способною къ плодородію ¹⁾. Но благословенія этой страны были соединены однако-же неразрывною связью съ постояннымъ трудомъ, усердіемъ, прилежаніемъ и разсудительностію; глинистый и песчаный мергельный грунтъ (смѣсь глины съ извѣстнякомъ) нуждался въ удобреніи, а недостатку естественныхъ водныхъ источниковъ нужно было помогать искусственнымъ орошеніемъ и заботою о сбереженіи лѣсовъ. Вотъ почему, когда въ позднѣйшіе вѣка мѣсто усерднаго воздѣлыванія земли заняли лѣность и нерадѣніе, палестинская почва перестала быть плодородною и вмѣсто цвѣтущихъ нѣкогда полей тамъ нынѣ встрѣчаются, взгляду путешественника лишь мѣстности пустынные и бесплодныя.

Только чрезвычайнымъ плодородіемъ Палестины мы можемъ объяснить себѣ и то, какимъ образомъ эта небольшая страна могла питать многочисленныхъ жителей. Во времена Давида въ Палестинѣ на одну квадратную милю приходилось до 10,000, а во всей странѣ жило, слѣдовательно, отъ четырехъ до пяти милліоновъ человѣкъ; во времена земной жизни Господа нашего Иисуса Христа народонаселеніе Палестины было также весьма значительно, быть можетъ, даже подобное же по своему количеству народонаселенію временъ Давида.

Если мы взглянемъ теперь на *положеніе* этой страны, то нѣтъ, кажется, мѣстности болѣе удобной, чѣмъ Палестина, для служенія указанной ей цѣли—образовать народъ Божій и дать возможность выйти изъ него спасенію. Отдѣленная своимъ естественнымъ устройствомъ отъ всего сосѣдняго міра, она находилась въ то же время въ самомъ центрѣ міра культурнаго. По своему замкнутому положенію она дѣйствительно какъ-бы была виноградникомъ (Ис. V), который отвнѣ былъ защищенъ стѣною и заборомъ. Такими огражденіями были Ливанъ, сирійско-аравійская пустыня, каменистая Аравія; даже Средиземное море замыкало ее, потому что уклоняющееся въ сторону боковое теченіе препятствовало

¹⁾ Iosephus, bell. jud. 3, 3, 1. Tacitus, Hist. 5, 6. Срви. Мате. XIII, 23.

свободѣ корабельнаго плаванія, а потому и гавани находились въ чужихъ рукахъ. Мало того, не было даже и рѣчныхъ путей сообщенія за предѣлы Палестины, потому что единственная палестинская, значительная рѣка Иорданъ, по своему свойству и своему положенію, была совершенно непригодна для этого. Даже сосѣдніе народы, слишкомъ враждебные къ Израилю во всѣ прежніе вѣка, представляли собою твердую стѣну вокругъ страны и народа. Но при всемъ томъ Палестина, какъ мы сказали, находилась въ самой срединѣ древняго культурнаго міра, въ срединѣ извѣстныхъ тогда трехъ частей земнаго шара. Вблизи ея границъ проходили четыре главные торговые пути: на сѣверѣ—путь шедшій отъ финикійскихъ гаваней Тира и Сидона въ Дамаскъ и далѣе къ Евфрату; на востокѣ путь велъ отъ Дамаска въ Аравію, на западѣ—изъ Египта въ Сирію и Финикію и на югѣ отъ Газы въ Египетъ и къ Персидскому заливу. Подобнымъ образомъ, "окруженная" извѣстными культурными народами древняго міра—египтянами и финикіянами, ассиріянами и вавилонянами, Палестина находилась также и въ срединѣ политическихъ народныхъ сношеній, какъ доказываетъ исторія Египта, Вавилона, Персіи, и какъ свидѣтельствуется судьба іудейской страны и народа каждой эпохи. Вотъ почему страна эта скорѣе всякой другой страны и могла стать мѣстомъ исторіи нашего спасенія; вотъ почему народъ замкнутый легко могъ все-таки вступить въ сношеніе съ внѣшнимъ міромъ и сообщить ему свою вѣру; вѣстники Евангелія, какъ проповѣдники спасенія, могли выйти изъ него въ мѣстности всѣхъ странъ свѣта.

Иудейскій коренной народъ Палестины составляли первоначально потомки тѣхъ двѣнадцати сыновей патриарха Іакова, которые, по волѣ Божіей, стали представителями многолюдныхъ поколѣній. Продолжительное время и въ особенности плѣнъ вавилонскій произвели въ іудейскомъ народѣ много измѣненій и путаницъ, сплетеніе родовъ и даже смѣшеніе съ иноплеменниками, такъ что жители Палестины, имѣвшіе обыкновеніе гордиться своими праотцами, въ дѣйствительности были уже отчасти иными, чѣмъ въ царствованіе, напр.,

Давида. Прежде всего это случилось въ Самаріи. Жители Іудеи и Галилеи, во времена земной жизни Господа нашего Іисуса Христа происходили также не отъ всѣхъ уже первоначальныхъ, колѣнъ израильскихъ, но отъ колѣнъ только Іуды и Вениамина, которыя лишь одни, за исключеніемъ священниковъ и левитовъ, возвратились изъ вавилонскаго плѣна, и затѣмъ отъ остававшихся въ Палестинѣ израильтянъ, которые тотчасъ примкнули къ возвратившимся изъ плѣна соплеменникамъ. Даже языкъ, на которомъ говорили жители этой страны, въ сравненіи съ прежнимъ языкомъ послѣ вавилонскаго плѣна получилъ свой особый отпечатокъ. Древній еврейскій языкъ, на которомъ первоначально были написаны книги Ветхаго Завѣта, болѣе и болѣе терялъ теперь значеніе языка народнаго, а въ концѣ концовъ онъ остался только языкомъ богослужебнымъ и языкомъ ученыхъ, который для обыкновенныхъ евреевъ становился понятнымъ лишь при посредствѣ перевода и толкованія. Вмѣсто него, съ теченіемъ времени, въ народное употребленіе вошелъ изъ Сиріи языкъ *арамейскій* съ еврейскимъ оттѣнкомъ. Уже Ездра (IV, 8—6, XVІІІ, 7, 12—16) и Даниилъ (II, 4—7, 28) писали отчасти на арамейскомъ языкѣ; а Новый Завѣтъ ясно даетъ видѣть, что во времена земной жизни Господа нашего Іисуса Христа народнымъ языкомъ былъ языкъ арамейскій, ибо онъ полонъ арамеизмами, напр., Голгоѳа (Мат. XXVІІ, 33), Авва (Марк. XIV, 36), Мессія — вмѣсто Мешіахъ (Іоан. I, 41), Киѳа (Іоан. I, 42) „Илѣ, Илѣ“ — на крестѣ (Марк. XV, 34) и т. д.

Кромѣ того, едва-ли можно сомнѣваться, что и греческій языкъ и даже греческіе нравы и обычаи были не чужды палестинцамъ какъ на западѣ, такъ и на востокѣ страны. Прибрежные города были населены по преимуществу греками, — и если масса іудейскаго народа была знакома съ греческимъ языкомъ, конечно, только по нуждѣ, то тѣмъ болѣе знали его іудейскіе высокопоставленные и ученые люди. Главный городъ Самаріи во времена земной жизни Іисуса Христа носилъ даже греческое названіе Севастіи, имѣлъ греческія монеты и даже греческія богослуженія. Въ царствованіе Тиверіа большую часть жителей Галилеи также состав-

ляли именно греки. Даже въ Іудеѣ и въ особенности въ Іерусалимѣ греческій языкъ былъ хорошо извѣстенъ. Иродъ держалъ при своемъ дворѣ многихъ эллиновъ; Римъ сносился съ Палестиною на греческомъ языкѣ; въ высшей степени вѣроятно также и то, что императорскія монеты были греческаго чекана (Срвн. Матѣ. XXII, 19); наконецъ, въ храмъ іерусалимскій стекались многочисленныя іудеи, говорившіе только по эллински, іудейскіе единовѣрцы изъ различныхъ народовъ и даже язычники (Іоан. XII, 20); эллинисты имѣли въ главномъ городѣ свои собственныя синагоги (Дѣян. VI, 9; срвн. IX, 29), а нерѣдко они имѣли тамъ-же и свое постоянное мѣстопрѣбываніе; наконецъ, такъ какъ у западныхъ предѣловъ страны проживали греко-восточные язычники, то сосѣдство это также немало способствовало къ тому, чтобы греческій языкъ, нравы и религія не оставались неизвѣстными палестинскимъ іудеямъ.

Тѣмъ не менѣе къ чести туземнаго іудейства нужно сказать, что оно, конечно, въ общемъ и не принимая въ расчетъ нѣкоторыхъ исключеній, сохранило себя отъ языческаго вліянія и твердо держалось отеческой вѣры и отеческихъ нравовъ. Чтобы не допускать увлеченія служеніемъ языческимъ идоламъ, въ Палестинѣ особенно настаивали на соблюденіи второй заповѣди (Исх. XX, 4) и не допускали въ храмъ никакихъ изображеній, а однажды не допустили даже и того, чтобы въ Іерусалимѣ были внесены римскіе орлы съ изображеніемъ императора ¹⁾. Сношеніе съ язычниками іудеямъ было строго воспрещено, а въ особенности — во время празднествъ; запрещено было даже пользоваться языческимъ виномъ и деревьями изъ священныхъ идолопоклонническихъ рощъ. Всякая встрѣча съ язычникомъ оскверняла іудея (Дѣян. X, 28; Іоан. XVIII, 28); въ то время, какъ іудей, впрочемъ, могъ еще пригласить къ своему столу язычника, — было бы совершенно противузаконно, если-бы іудей сѣлъ за столъ у язычника (Дѣян. XI, 3; Гал. II, 12). Языческо-римское владычество надъ Палестиною считалось несправедливымъ и

¹⁾ Iosephus, Bell. jud. 18, 3, 1.

незаконнымъ, вслѣдствіе чего во времена земной жизни Господа нашего Иисуса Христа для всѣхъ палестинскихъ іудеевъ было дѣйствительно серьезнымъ вопросомъ, — слѣдуетъ ли платить дань кесарю или нѣтъ; (Матѣ. XXII, 15; Марк. XII, 13—17; Лук. XX, 20—26). За то какою величайшею радостію было для тогдашняго іудея обращеніе язычника въ Моисеевому закону (Матѣ. XXIII, 15)!

Въ описываемую эпоху Палестина уже не сохраняла болѣе дѣленія, какъ раньше, на двѣнадцать израильскихъ колѣнъ. Изъ евангельскихъ повѣствованій, какъ и изъ другихъ не-христіанскихъ историческихъ памятниковъ мы знаемъ, что во времена земной жизни Господа нашего Иисуса Христа по сю сторону Іордана (западную) она была раздѣлена только на три провинціи Іудею, Самарію и Галилею; по ту сторону Іордана находилась Перія; къ ней примыкали Батанея, Трахонитида, Аврантида и Итурея — провинціи, которыя за нѣсколько лѣтъ до рожденія Иисуса Христа снова всѣ были объединены Иродомъ Великимъ подъ одною властію. Разсмотримъ ихъ поближе намъ необходимо для того, чтобы яснѣе обрисовать страну и народъ іудейскій.

Самую южную изъ трехъ западно-іорданскихъ провинцій Палестины была Іудея, называемая въ Священномъ Писаніи „страною іудейскою“ (Матѣ. II, 1. III, 1. IV, 25; Лук. II, 4; Іоан. III, 22). По своему физическому устройству, страна эта большею частію была гориста (Лук. I, 65); тѣмъ не менѣе горы ея были плодородны, и не было недостатка въ прекрасныхъ долинахъ, какъ не было недостатка и въ скалистыхъ пустыняхъ. Въ Іудеѣ національно-іудейское народонаселеніе было наиболѣе чистымъ; это та именно часть Палестины, которая прежде всего снова заселена была послѣ плѣна вавилонскаго и притомъ — лицами, принадлежавшими въ колѣну Веніамина и въ особенности — Іуды, вслѣдствіе чего и весь народъ еврейскій, со времени возвращенія изъ плѣна, сталъ называться главнымъ образомъ „іудеями“. Послѣ смерти Ирода Великаго Іудея перешла подъ власть Архелая, затѣмъ была причислена къ римской провинціи Сиріи и была управляема прокураторами, пока Агриппа I снова не

соединилъ ея подъ своимъ скипетромъ съ остальными палестинскими провинціями.

Иудея и въ особенности, находившійся въ ней главный городъ Палестины, Іерусалимъ имѣли весьма важное значеніе въ жизни всего израильскаго народа. Іерусалимъ, отдаленный на восемь часовъ разстоянія на западъ отъ сѣвернаго берега Мертваго моря и на двѣнадцатичасовое разстояніе на востокъ отъ гавани Іоппіи (Яффа) при Средиземномъ морѣ, былъ расположенъ на плоской возвышенности и съ трехъ сторонъ окруженъ долинами: на востокъ—долиною Іосафата, по которой протекалъ потокъ Кедронъ, на западъ—долиною Гіонъ, на югъ—долиною Гинновою; обѣ послѣднія долины были орошаемы Гіонскимъ потокомъ, впадавшимъ въ Кедронъ. Самый городъ былъ раздѣленъ Тиронеонскимъ ущельемъ: на западный *верхній* городъ съ горою Сіономъ и на восточную, гораздо ниже лежавшую половину, съ горою храма Моріа. Ограниченный двумя этими частями Іерусалима на югъ и востокъ, лежалъ *нижній* городъ—Акра, и на сѣверъ отъ горы Моріа и Акры—*новый* городъ—Везеа. Во времена земной жизни Господа нашего Іисуса Христа Іерусалимъ окружали двѣ стѣны: первая, начатая еще Давидомъ, обнимала собою Сіонъ и гору храма,—вторая, устроенная Іезекіею, охватывала отчасти даже и Акру; третья, построенная Иродомъ Агриппою I лишь за тридцать лѣтъ до разрушенія Іерусалима, обнимала впоследствии уже и Везеа.

Тѣсныя переулки и широкія улицы, низкія хижины и огромныя великолѣпныя зданія въ Іерусалимѣ перемѣшивались между собою на каждомъ шагу. Между послѣдними выдавался въ особенности величественный и роскошный дворецъ Ирода Великаго—дѣло самой безразсудной расточительности и въ то же время верхъ архитектурнаго искусства того причудливаго вѣка. По описанію Фаррара ¹⁾, дворецъ этотъ былъ расположенъ въ верхней части города, къ юго-западу отъ храмовой горы. „Это было, говоритъ Фарраръ, одно изъ тѣхъ „превосходящихъ всякое описаніе“ зданій, которыя вполнѣ

¹⁾ Жизнь Іисуса Христа. Сиб. 1885, стр. 421.

соотвѣтствовали требованіямъ того вѣка и на которыхъ Иосифъ Флавій останавливается съ восторгомъ умиленія. Между двумя волоссальными флигелями изъ бѣлаго мрамора, называвшимися въ духѣ обычной иродіанской лести императорскому дому—одинъ Caesareum, другой — Agrippaeum, находилось открытое пространство, откуда открывался великолѣпный видъ на Іерусалимъ; оно было украшено скульптурными портиками и разноцвѣтнаго мрамора колоннами, вымощено богатой мозаикой и снабжено фонтанами и резервуарами, смѣнявшимися зелеными аллеями, въ которыхъ находили для себя великолѣпное убѣжище цѣлыя стаи голубей. Совнѣ это, была масса высшихъ стѣнъ, башенъ и сверкающихъ кровлей, представлявшихъ изысканную смѣсь разнообразнаго блеска; внутри—его пышныя залы, достаточно помѣстительныя для сотни гостей, были убраны роскошною мебелью и сосудами изъ золота и серебра... Построенный тѣмъ-же Иродомъ, вопреки отеческимъ обычаямъ іудеевъ, театръ въ южной части верхняго города; Триумфъ или крытая галерея на столбахъ и Домъ суда, находившійся вблизи храма, также служили большимъ украшеніемъ для города; последнее зданіе, быть, можетъ, и было тѣмъ именно мѣстомъ, гдѣ помѣщалась зала засѣданій верховнаго совѣта, или синедріона, и гдѣ некогда долженъ былъ оправдываться предъ іудейскими судьями св. апостоль Павелъ (Дѣян. XXII, 30. XXIII, 1, 10). Но больше всего обращалъ на себя вниманіе національный храмъ іерусалимскій, построенный на горѣ Моріа и приводившій въ восхищеніе сердца всѣхъ іудеевъ. Съ восемнадцатаго года своего царствованія Иродъ Великій, старавшійся первоначально снискать расположеніе къ себѣ со стороны іудеевъ, началъ перестраивать его, и послѣ предварительнаго окончанія, десять лѣтъ спустя послѣ начала его реставрированія, снова приказалъ обновить его и такимъ образомъ реставрація храма іерусалимскаго продолжалась еще и послѣ смерти Ирода; надъ украшеніемъ его, впрочемъ, іудеи работали до самаго разрушенія Іерусалима. Почти непосредственно къ храму примыкалъ расширенный и укрѣпленный Иродомъ замокъ Антонія, названный такъ царемъ въ честь его друга,

римскаго полководца Антонія. Здѣсь имѣлъ свое постоянное пребываніе сильный римскій гарнизонъ, потому что мѣстность эта была господствующею какъ надъ мѣстностью храма, такъ и надъ всѣмъ городомъ. Сюда-же, между прочимъ, приводили и апостола Павла, когда во время возмущенія, происшедшаго на храмовой площади, онъ былъ схваченъ римскими солдатами (Дѣян. XXI, 31). Тамъ-же, быть можетъ, слѣдуетъ искать также и „преторію Пилата“, хотя нѣкоторые изслѣдователи ¹⁾ полагаютъ, впрочемъ, что мѣсто это находилось будто-бы во дворцѣ Ирода, — преторію (Матѣ. XXVII; Марк. XV, 16; Иоан. XVIII, 28), куда былъ приведенъ предъ Пилата Иисусъ Христосъ и откуда потомъ (Лук. XXIII, 7, 15) Его отвели во дворецъ Ирода, находившійся въ верхнемъ городѣ, чтобы позже Онъ претерпѣлъ крестную смерть на Голгоѣѣ (Матѣ. XXVII, 33), на сѣверо-западѣ Іерусалима.

На востокъ отъ Іерусалима, противъ горы храма, находилась гора „Елеонская“ съ садомъ Геосиманскимъ (Матѣ. XXVI, 30; Марк. XIV, 26, 32), Виванія (Матѣ. XXVI, 6; Лук. X, 38) и Вивефагія (Матѣ. XXI, 1). Вивелеемъ (Матѣ. II) находился въ семи верстахъ отъ Іерусалима на югъ; Эммаусъ (Лук. XXIV, 13) въ четырехъ верстахъ на сѣверо-западѣ, Іерихонъ (Лук. XIX) въ двадцати верстахъ на сѣверо-востокъ.

Въ самомъ Іерусалимѣ повсюду проявлялось всегда весьма живая и возбужденная жизнь и дѣятельность. Большое вліяніе имѣла на это особенная любовь іудеевъ къ странствованіямъ, равно какъ и ихъ сношенія съ своими „единовѣрцами“, жившими въ другихъ странахъ, въ особенности во время празднествъ. Деличъ въ своемъ сочиненіи— „Handwerkerleben zur Zeit Iesu“ и Прессель въ— „Priscilla an Sabina“— рисуютъ предъ нами живую картину кипучей и безустанной дѣятельности въ отдѣльныхъ кружкахъ іерусалимскаго населенія и въ особенности—среди рабочаго класса. Въ теченіи шести будничныхъ дней Іерусалимъ становился похожимъ на

¹⁾ Срви. Winer, Biblisches Realwörterbuch, Richtbaus. Этого-же мнѣнія придерживается въ числѣ другихъ и Фарраръ. Жизнь Іисуса Христа. 1885 года, стр. 421.

огромный пчелиный улей; все въ немъ находилось въ самой возбужденной дѣятельности. Въ домахъ и передъ домами работа положительно кипѣла: стучали молотами и пилили, убивали скотъ и варили, пряли и мыли. Около открытыхъ подваловъ, торговыхъ рядовъ и лавокъ тѣснились толпы людей, пришедшихъ изъ провинціальныхъ городовъ и деревень, чтобы купить мяса и овощей, хлѣба и вина, платье и сандалии, равно какъ и для покупки различныхъ привозныхъ товаровъ и другихъ рѣдкихъ произведеній природы и искусства—ковровъ и занавѣсей, прянныхъ, кореньевъ и благовоній. При этомъ звуками перемѣшанныхъ веселыхъ и серьезныхъ голосовъ, шумомъ и „гвалтомъ“, возможными только среди евреевъ, были наполнены всѣ городскіе дома и промысловыя заведенія: пирульни и куцальни, рестораны и кухмистерскія, школьныя помѣщенія и синагоги раввиновъ. Хотя большинство рукодѣлій было производимо въ самой срединѣ города, но не мало ихъ было и по его окраинамъ; такъ горшечники проживали на южной сторонѣ города, валяльщики—на западной, а кожевники имѣли свои мастерскія даже за самымъ городомъ. Вообще нужно сказать, что въ Иерусалимѣ промысловая жизнь была развита въ обширныхъ размѣрахъ. Среди населенія ремесленники составляли даже особые классы и общины, которыя были управляемы точными узаконеніями. У іудеевъ трудъ былъ въ такомъ великомъ уваженіи, что и каждый ученый долженъ былъ знать какое-нибудь ремесло. Вслѣдствіе этого самый простой ремесленникъ въ глазахъ іудейскаго общества нерѣдко могъ быть самымъ авторитетнымъ лицомъ и всегда могъ получить мѣсто и голосъ даже въ засѣданіяхъ верховнаго совѣта.

Религіозная жизнь яснѣйшимъ образомъ проявлялась въ Иерусалимѣ во время большихъ празднествъ. Къ національному іудейскому святилищу, храму, стекались толпами жители провинцій обѣтованной земли во всякое время; но въ дни великихъ празднествъ въ Иерусалимъ являлись и іудеи разсѣянія со всего тогдашняго міра, дабы послужить Господу во святомъ Его храмѣ (Лук. II, 42; Дѣян. II, 8—11), такъ что по временамъ, какъ рассказываетъ Флавій, въ Иеру-

салимѣ бывало до трехъ милліоновъ однихъ постороннихъ по-сѣтителей. И іудейскіе пилигримы не только оживляли религіозную жизнь въ народѣ, но приносили съ собою также и большія суммы для храмоваго фонда, равно какъ деньги и имущество—для городскаго населенія. Но если иностранцевъ бывало особенно много въ Іерусалимѣ во время великихъ празднествъ, то не было въ нихъ недостатка и во всякое другое время; потому что постояннымъ странствованіямъ іудеевъ не было конца (Іоан. VII. 37). Въ Іерусалимѣ іудей получалъ все, что хотѣлъ и что нужно было для него, какъ іудей. Кромѣ храма здѣсь еще были и многочисленныя синагоги, въ которыхъ читали и изъясняли Священное Писаніе, а также возносили и общественную молитву (Дѣян. VI, 9); здѣсь были и воспитательныя учрежденія для изученія и усвоенія іудейской науки; здѣсь былъ синедрионъ, высшая духовная и судебная инстанція для іудеевъ всего міра. Однимъ словомъ,—Іерусалимъ былъ мѣстомъ, въ которомъ жизнь іудеевъ была ключомъ во всеѣхъ жилахъ.

Внѣ главнаго города въ Іудеѣ, само собою понятно, жизнь была спокойнѣе и тише. Пастухи пасли свои стада; земледѣльцы воздѣлывали свои поля и виноградники; торговля стояла на второмъ планѣ. Но при всемъ томъ и для жителя провинціи главнѣйшее и наивысшее въ жизни составлялъ „Іегова и Его храмъ“, а одна изъ его важнѣйшихъ задачъ состояла въ томъ, чтобы научить юношество закону и сообщить ему „преданія старцевъ“. Впрочемъ, при строгомъ соблюденіи законнаго благочестія, іудейскій народъ былъ однако-же несвободенъ отъ суевѣрія и даже не былъ чуждъ насилія,—онъ не считалъ, напр., для себя постыднымъ при посредствѣ грабежа завладѣть имуществомъ путешествовавшихъ по Іудеѣ. Въ войнѣ и возмущеніяхъ онъ всегда обнаруживалъ крайне фанатическую ревность. Вотъ почему и Иродъ Великій всегда обращалъ свое особенное вниманіе на провинціальныхъ іудеевъ и, имѣя ихъ въ виду, строилъ свои неприступныя крѣпости.

Въ евангельскихъ повѣствованіяхъ о земной жизни Господа нашего Іисуса Христа объ Іудеѣ упоминается часто. Въ маленькомъ Вилеемѣ, лежавшемъ на югъ отъ Іерусалима, Онъ

родился (Мате. II, 1, Лук. II, 4 и дал.); съ двѣнадцатилѣтняго возраста своего Онъ, часто бывалъ въ главномъ городѣ и его храмѣ; въ особенности евангелистъ Іоаннъ много разсказываетъ намъ объ Его путешествіяхъ на праздники и объ Его дѣятельности въ Іерусалимѣ, (Іоан. II, 13, VI, 4, XIII, 1); евангелисты повѣствуютъ подробно также и о происходившихъ тамъ Его страданіяхъ, смерти и воскресеніи.

Средняя провинція западно-іорданской части Палестины называлась Самарією. Это была прекрасная равнина пространствомъ около сорока квадратныхъ миль, богатая лугами и лѣсами, состоявшими изъ дубовъ, оливковыхъ и орѣховыхъ деревьевъ. На возвышенностяхъ и горахъ Самаріи жители занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ; на западной границѣ процвѣтала торговля и потому населеніе Самаріи всегда находилось въ постоянной и самой оживленной связи съ иностранцами. Подобно Іудеѣ, страна эта сначала также была подъ властію Ирода Великаго, позже—Архелая, пока не раздѣлила судьбы Іудеи и не стала составною частью римской провинціи Сиріи.

Жители Самаріи были потомки того народа, который прозвѣщель изъ смѣшенія израильтянъ, оставшихся въ странѣ послѣ переселенія ихъ единоплеменниковъ въ Вавилонъ, и языческихъ колонистовъ, выселенныхъ Салманассаромъ и Асардадомъ (1. Езд. IV, 2); изъ ассирійскихъ провинцій въ Палестину, которые съ теченіемъ времени мало по-малу примкнули къ религіозному общенію съ оставшимися въ Палестинѣ іудеями. Съ іудеями, возвратившимися изъ вавилонскаго плѣна, самаряне охотно желали соединиться снова и принять участіе въ построеніи храма и іерусалимскомъ богослуженіи (1 Езд. IV); но іудеи сами грубо ихъ оттолкнули отъ себя. Изъ мести за это оскорбленіе самаряне рѣшились затруднять іудеямъ построеніе храма и укрѣпленіе Іерусалима (Неем. IV). Раздраженіе дошло до открытой вражды съ обѣихъ сторонъ. Мало того, при Санбаллатѣ и Манасіи жители Самаріи, лишеныя религіознаго общенія съ Іерусалимомъ и его храмомъ, построили свой собственный храмъ Іеговѣ на горѣ Гаризимъ у главнаго города Сихема. Храмъ этотъ послѣ двухсотлѣтняго суще-

ствованія своего былъ, впрочемъ, разрушенъ Іоанномъ Гирканомъ, племянникомъ Іуды Маккавея, правившимъ Іудеею отъ 135 до 105 г. предъ Р. Х. Но если святилище и было разрушено, то во временаъ земной жизни Господа нашего Іисуса Христа для самарянъ мѣстомъ молитвы оставалась еще все-таки гора, на которой находился этотъ храмъ (Іоан. IV, 20). Религію самарянъ составляло неполное откровеніе, потому что изъ книгъ Ветхаго Завѣта они признавали только Пятокнижіе и отвергали всякое преданіе и всѣ фарисейскія ученія. Тѣмъ не менѣе, какъ и всѣ другіе жители Палестины, самаряне также ожидали Мессію (Іоан. IV, 25) и извѣстно, что многіе изъ нихъ охотно переходили въ христіанство (Дѣян. VIII, 5—12. IX, 31. XV, 3).

Въ общемъ самаряне были характера болѣе тихаго, чѣмъ іудеи,—и Господь воздалъ имъ полную справедливость и создалъ имъ несокрушимый и драгоцѣнный памятникъ въ притчѣ о милосердомъ самарянинѣ (Лук. X, 30; срвн. Лук. XVII, 16). Но застарѣлая вражда и ненависть между іудеями и самарянами не были все-таки уничтожены еще и во время земной жизни Господа нашего Іисуса Христа (Іоан. VIII, 48). Когда іудеи проходили чрезъ Самарію, въ гостинницахъ они находили для себя далеко недружелюбный пріемъ (Лук. IX, 53); такіе путешественники по всей Самаріи были осыпаны насмѣлками, а иногда даже должны были переносить и побои. Вслѣдствіе этого, а съ другой стороны и потому, что вмѣстѣ съ язычниками это смѣшанное населеніе Самаріи считалось нечистымъ, іудеи съ своей стороны, насколько возможно, избѣгали всякаго общенія съ нимъ (Іоан. IV, 9); чтобы добратъся до Іерусалима помимо ненавистной Самаріи, галилеяне, какъ это сдѣлалъ однажды, между прочимъ, и Іисусъ Христосъ, ходили на враздники окольнымъ путемъ, обыкновенно—чрезъ Перею по іорданской долинѣ и затѣмъ чрезъ Іерихонъ (Лук. XIX, 1); равнымъ образомъ этого-же пути держались и іудеи, путешествуя изъ своей страны на сѣверъ (Іоан. IV, 9). Такою непримиримою враждебностію и нетерпимостію между іудеями и самарянами объясняется и вопросъ, предложенный самарянкою Іисусу Христу у колодца Іакова: „какъ Ты, бу-

лучи іудей, просишь пить у меня, самарянки?" (Іоан. IV, 9), а также и удивленіе учениковъ, что Учитель ихъ вообще говоритъ съ самарянкою (Іоан. IV, 27). Но что Самъ Іисусъ Христосъ не одобрялъ этого ригористическаго воззрѣнія іудеевъ, доказываютъ намъ Его путешествія по Самаріи (Лук. XVII, 11) и посольство Его учениковъ, какъ проповѣдниковъ Евангелія, именно въ эту страну (Дѣян. I, 8).

На сѣверъ отъ Самаріи лежала третья палестинская провинція—Галилея (Лук. VIII, 26; XVII, 11. Дѣян. IX, 31 и др.), „околу язычниковъ“, „Галилея языческая“. *Галиль* по еврейски означаетъ „округъ“ и названіе это первоначально прилагалось къ двѣнадцати городамъ въ округѣ Кедеса—Нефеалимова, который Соломономъ былъ отданъ Хираму въ вознагражденіе за его услуги по перевозкѣ строеваго лѣса и которому Хирамъ, въ крайнемъ недовольствѣ, далъ названіе *Кабулъ* или „презрѣнный“, „освратительный“. Такимъ образомъ, „презрѣніе“ къ Галилеѣ имѣеть для себя и глубокіе историческіе корни. Въ географическомъ отношеніи Галилея раздѣлялась на двѣ части—верхнюю и нижнюю. Верхняя Галилея это—неравномѣрно расположенная гористая мѣстность, гдѣ въ пестротѣ перемеживаются между собою горы и долины,—мѣстность едва проходима и весьма удобная для укрытельства разбойническихъ шаекъ, почему, насколько возможно, всѣ иностранцы и избѣгали по ней путешествовать. Болѣе приятно была такъ называемая Нижняя Галилея, лежавшая на югъ отъ Верхней, начинавшаяся приблизительно путемъ, который велъ отъ Акко (Акра) въ Тиверіаду и который назывался „путь моря“ (Матѣ. IX, 9), гдѣ нѣкогда сидѣлъ Маттеей у сбора пошлинъ. По своему положенію она ниже Верхней Галилеи, хотя и изобилуетъ рядомъ возвышенныхъ равнинъ, которыя террасами слѣдуютъ одна за другою, а на востокъ и югъ оканчиваются болѣе или менѣе крутыми склонами. Вообще же нужно сказать, что Нижняя Галилея принадлежала къ самымъ плодороднѣйшимъ частямъ Палестины и была преимущественно богата произведеніями земледѣлія, лѣсами, состоявшими изъ дубовъ, смородины и тутовыхъ деревьевъ, а также изобиловала и зелеными лугами. Но самую

плодороднѣйшею и прелестнѣйшею мѣстностію въ этой странѣ былъ безспорно западный берегъ „Галилейскаго моря“ (Матѣ. IV, 18) или—какъ оно также называется еще—„Геннисаретскаго озера“ (Лук. V, 1), „моря у города Тиверіады“ (Іоан. VI, 1),—полоса земли, гдѣ всѣ роды зерноваго хлѣба всегда давали обильный урожай и гдѣ ягоды, смоквы и другіе овощи и фруеты можно было имѣть безъ перерыва въ теченіи десяти мѣсяцевъ. Прекрасное описаніе Геннисаретскаго озера и его окрестностей можно читать въ сочиненіи Фаррара—„Жизнь Іисуса Христа“ 1). „Когда путешественникъ, поднявшись изъ долины Голубиной (въ Нижней Галилеѣ), старается съ жадностію уловить первый блескъ Геннисарета“, говоритъ Фарраръ, „онъ видитъ передъ собою небольшое, въ видѣ арфы, озеро—верстъ въ двадцать съ небольшимъ въ длину и десять верстъ въ ширину. По ту или восточную сторону его тянется зеленая полоса съ полверсты шириной, за которой поднимаются на высоту 900 футовъ надъ поверхностію озера откосы обнаженныхъ холмовъ, безрѣзанныхъ мрачными оврагами; на нихъ нѣтъ ни дерева, ни поселенія, ни вообще слѣда какой нибудь обработки. Сюда-то часто удалялся Спаситель, когда послѣ тяжкихъ трудовъ хотѣлъ освѣжиться душой въ уединеніи съ Богомъ. Озеро, съ своими сверкающими водами и съ опушкой цвѣтущихъ олеандровъ, въ зеленыхъ вѣтвяхъ которыхъ блещутъ яркородубыя крылья сизоворонки, а надъ зеркальной поверхностію во множествѣ носятся чайки, бросающіяся на всякую неосторожно всплывающую наверхъ рыбку,—лежитъ на днѣ большаго углубленія или бассейна, болѣе чѣмъ на 500 футовъ ниже уровня Средиземнаго моря. Отсюда палящій и расслабляющій зной этой долины; но отсюда также и разнообразіе ея деревъ, плодородіе ея почвы, пышность ея растительности, богатство жатвы, созрѣвающей мѣсяцемъ раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и множество ручьевъ, стремящихся по склонамъ горъ къ озеру. Берега озера теперь почти совсѣмъ пустыньны; за исключеніемъ маленькаго, видимо умирающаго и разлагающагося городка Тиверіады, и ужасной де-

1) Спб. 1885, стр. 81—82.

ревни „Медждель“ (древняя Магдала), дикость населенія которой лучше всего доказывается тѣмъ, что дѣти на улицахъ играютъ совершенно нагими, — на его нѣкогда густо населенныхъ берегахъ нѣтъ ни единого обитаемаго мѣста. Одна жалкая, заброшенная лодка, — да и той не всегда можно достать, — замѣнила его нѣкогда богатый и многочисленный флотъ. Такъ какъ озеро все еще изобилуетъ рыбой, то это яснѣе всего доказываетъ отвратительную беспечность и полный упадокъ энергии и предприимчивости въ теперешнихъ обитателяхъ его береговъ. Но черты природы остаются все тѣ же. Озеро все еще неизмѣнно лежитъ въ нѣдрахъ холмовъ, подобно опалу, оправленному въ смарагды, отражая на себѣ все свѣтовые переливы атмосферы; воды его все также прекрасны въ своей прозрачности, какъ и тогда, когда лодка апостола Петра колыхалась на его, зыблющихся волнахъ и Иисусъ задумчиво смотрѣлъ въ ихъ прозрачную глубь; чашеподобный бассейнъ все еще переполняется потоками солнечнаго свѣта; воздухъ еще дышетъ своимъ естественнымъ благоуханіемъ; горлица еще воркуетъ въ долинахъ и пеликанъ ловить рыбу въ волнахъ; повсюду тѣ же пальмы, зеленые поля и журчащіе потоки; — только рядомъ съ ними угрюмо смотрятъ сѣрыя кучи развалинъ. Но насколько оно потеряло въ населеніи и оживленности, настолько же выиграло въ торжественности и интересѣ. Если бы всякій слѣдъ человѣческаго обитанія исчезъ съ его береговъ и только-бы унылый вой шакаловъ и гіенъ раздавался надъ разбросанными развалинами тѣхъ синагогъ, въ которыхъ нѣкогда училъ Христосъ, уже одно то, что Онъ избралъ окрестности этого озера мѣстомъ для начала своего общественнаго служенія, будетъ придавать священный и трогательный смыслъ его пустыннымъ водамъ до конца временъ. Общій видъ его однако-же во времена Христа былъ совершенно иной, — онъ былъ гораздо болѣе поразителенъ и прекрасенъ, потому что мѣстность эта была болѣе населена и обработана. Иосифъ Флавій въ одномъ мѣстѣ восторженно говоритъ объ этомъ озерѣ и, описавъ восхитительную красоту его водъ и мягкость воздуха, богатство его пальмъ, виноградниковъ и смоковницъ, апельсинныхъ, миндальныхъ и граватовыхъ де-

ревъ и его теплые источники, говорить, что времена года какъ-бы спорили за честь обладанія имъ и природа создала въ немъ какъ-бы образцовое свое произведеніе, на которое она потратила всю свою мощь и всю свою силу. Въ томъ, что эта равнина—„гордость природы“—принадлежала колѣну Неффалимову, талмудисты видятъ исполненіе Моусеева благословенія, по которому это колѣно будетъ „насыщено благоволеніемъ и исполнено благословенія Господня“ (Втор. XXXIII, 23); вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ была пословица, истинная въ болѣе глубокомъ смыслѣ, чѣмъ они предполагали, именно, что „Богъ создалъ семь озеръ въ землѣ ханаанской, но только одно—озеро Галилейское. Онъ избралъ для Себя Самого“...

Послѣ смерти Ирода Великаго надъ Галилеею владычествовалъ Иродъ Антипа; позже она передана была Агриппѣ I, пока, подобно всѣмъ другимъ палестинскимъ провинціямъ, не была присоединена къ Сиріи.

Послѣ вавилонскаго плѣна народонаселеніе Галилеи сильно переимѣнилось съ различными языческими элементами, откуда произошло и ея названіе „Галилея языческая“ (Матѣ. IV, 15); во время земной жизни Спасителя въ Галилеѣ также проживало еще множество язычниковъ—финикіянь, арабовъ, сирійцевъ и грековъ. Вообще народонаселеніе этой провинціи было весьма многочисленно; Иосифъ Флавій ¹⁾ насчитывалъ 204 галилейскихъ мѣстечка, изъ которыхъ самое незначительное имѣло 15,000 жителей; въ общемъ-же народонаселеніе Галилеи простиралось до четырехъ милліоновъ жителей ²⁾. Это простое, но трудолюбивое и усердное народонаселеніе занималось главнымъ образомъ земледѣліемъ и торговлею съ сосѣдними народами. Торговымъ занятіямъ галилеянъ много способствовало самое положеніе ихъ страны и прекрасное устройство путей сообщенія. Черезъ Нижнюю Галилею къ Геннисаретскому озеру шли четыре торговыхъ дороги. Изъ нихъ одна вела внизъ по іорданской долинѣ, по западной сторонѣ озера; другая, перейдя мостъ на южной части озера, шла черезъ Перею къ бро-

¹⁾ Bell. II, 20, 6.

²⁾ Срвн. Горскаго Ист. Еванг. 1883 г. стр. 124.

дамъ Иордана близъ Иерихона; третья вела чрезъ Сепфориду, красивую столицу Галилеи, къ знаменитому порту Аккѣ на берегу Средиземнаго моря („путь моря“); четвертая лежала черезъ горы Завулонскія къ Назарету и черезъ долину Ездрилонскую въ Самарію и Иерусалиму. Этою областью проходили большіе караваны на своемъ пути изъ Египта въ Дамаскъ ¹⁾. Кромѣ того, Иосифъ Флавій ²⁾ восхваляетъ эту провинцію еще и за то, что въ галилейскихъ мущинахъ никогда не было недостатка въ храбрости; страна никогда не нуждалась въ трудолюбивыхъ людяхъ, и что въ лѣности никогда нельзя было упрекнуть галилеянина. Тѣмъ не менѣе жители Галилеи имѣли и свои недостатки; такъ, они были вообще склонны къ непостоянству, переменамъ, и любили возмущенія (Срвн. Лук. XIII, 1. Дѣян. V, 37). Хотя они были всегда вѣрными національному своему храму и ежегодно большими толпами ходили въ Иерусалимъ на главные праздники (Лук.: II, 41, 44), но въ религіозномъ отношеніи они все-таки были первоначально и самостоятельныѣ, чѣмъ жители Иудеи; фарисеи имѣли среди нихъ гораздо меньшее вліяніе, чѣмъ среди іудеевъ, хотя по временамъ они приходили и на сѣверъ въ качествѣ посланниковъ отъ Иерусалима (Мате. XV, 1). Испорченный провинціальный галилейскій диалектъ всегда выдавалъ галилеянь, какъ выдавалъ оныя и въ устахъ апостола Петра, которому говорили: „ты—галилеянинъ; ибо рѣчь твоя обличаетъ тебя“ (Мате. XXVI, 73; Марк. XIV, 70; Лук. XXII, 59). Въ глазахъ остальныхъ іудеевъ галилеяне не пользовались особеннымъ уваженіемъ какъ вслѣдствіе своей отсталости въ образованіи, такъ и вслѣдствіе ихъ сомнительной религіозной чистоты по причинѣ ихъ смѣшенія и близкаго знакомства съ язычниками (срвн. Иоан. I, 46. VII, 52. Дѣян. II, 6). „Смѣшеніе израильтявъ съ язычниками въ Галилеѣ, говоритъ А. В. Горскій ³⁾, и отдаленность ихъ отъ столицы ихъ вѣры оставляло ихъ по большей части въ невѣжествѣ въ отношеніи къ своей вѣрѣ. Это были люди, сѣ-

¹⁾ Срвн. Фаррара Жизнь Иисуса Христа. Спб. 1885, стр. 83.

²⁾ Bell. I, 16, 5.

³⁾ Ист. Еван. М. 1883, стр. 124—125.

дѣшіе во тьмѣ и сѣни смертной. Собственные іудеи смотрѣли на нихъ съ презрѣшіемъ: *Отъ Галилеи пророкъ не приходитъ*, изъ города Галилейскаго *можетъ-ли что добро быти?* Это были всеобщія поговорки между чистыми іудеями. Галилеяне не богаты были учителями; за то учителя іудейскіе не передали имъ всѣхъ своихъ заблужденій. Правда, они раздѣляли съ прочими іудеями нѣкоторые предразсудки относительно Мессіи; но ихъ предразсудки, какъ предразсудки невѣжества, легче могли сглажаться, нежели предразсудки ложнаго просвѣщенія. Явленіе между ними Мессіи тѣмъ болѣе должно было ихъ привлекать къ Нему, чѣмъ на высшей степени стояли они прежде въ мнѣніи своихъ соотчичей іудейскихъ.

Своимъ величайшимъ значеніемъ въ исторіи развитія всего человѣчества эта палестинская провинція всецѣло обязана „Иисусу Галилеявину“ (Матѣ. XXVI, 69). Въ Назаретѣ Онъ возросъ и имѣлъ тамъ Своихъ родныхъ (Іоан. IV, 44; Матѣ. II, 23); ученики Его болѣею частью также были галилеяне (Дѣян. I, 11; II, 7); на бравѣ въ Канѣ Галилейской Онъ сотворилъ Свое первое чудо (Іоан. II, 1—11); у городскихъ воротъ Наина Онъ возвратилъ скорбящей матери ея умершаго сына (Лук. VII, 11); Онъ часто и охотно проживалъ въ Капернаумѣ при Геннисаретскомъ озерѣ (Матѣ. IX, 11); вообще Онъ любилъ прелестную мѣстность западнаго берега Галилейскаго моря и совершилъ тамъ большую часть Своихъ дѣлъ (Матѣ. XI, 20 и дал.); три первые евангелиста много повѣствуютъ намъ о Его тамошнихъ дѣлахъ и рѣчахъ.

На востокъ отъ этой части Палестины находилась *восточно-іорданская* страна. У нея не было тѣхъ красотъ природы и той обильной производительности почвы, какія были въ западно-іорданскихъ провинціяхъ святой земли. Дикая и неплодная *Перея* на югѣ имѣла лишь незначительное количество жителей; ей принадлежало значеніе только пограничной защиты отъ хищническихъ набѣговъ дикихъ и воинственныхъ арабовъ, и именно въ этихъ цѣляхъ Иродомъ Антипою тамъ было устроено сильное укрѣпленіе—Махеронъ, въ которомъ вѣкогда злодѣйски умерщвленъ былъ Іоаннъ Креститель (Матѣ. XIV, 1 и дал.). Обширное сѣверное пространство восточно-іорданской

страны занимали мѣстности—*Гавлонитида*, *Аврантида*, *Траконитида*, *Итурея* и *Батанея*. Страны эти были уже покрыты нивами и пастбищами и усѣяны великимъ множествомъ пещеръ; но жители ихъ не были слишкомъ изнѣжены культурою; какъ дикое, воинственное племя номадовъ, они любили проводить свою жизнь на свободѣ, въ кочевьяхъ, безъ продолжительнаго владѣнія опредѣленною землею и безъ постоянныхъ жилищъ. Часто предпринимали они хищническіе набѣги на сосѣднія страны и награбленную добычу скрывали въ своихъ многочисленныхъ, глубокихъ и скалистыхъ пещерахъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ и для нихъ самихъ служили мѣстами убѣжищъ отъ ихъ враговъ. Иродъ предпринималъ противъ нихъ нерѣдко походы и отчасти умѣлъ обуздывать ихъ силою своего меча и заселеніемъ ихъ страны іудейскими и идумейскими колонистами. Вотъ почему ко времени земной жизни Господа нашего Іисуса Христа здѣсь проживали повсюду также и многочисленные іудеи, сильно однако же смѣшавшіеся съ сирійскимъ и греческимъ языческимъ элементомъ, которыхъ удерживало въ связи съ Іудеею только могущество Иродовъ. Послѣ смерти Ирода Великаго Переея перешла подъ власть Ирода Антипы вмѣстѣ съ Галилеєю и раздѣлила впоследствии ея судьбу; сѣверная же часть восточно-іорданской страны составила область Филиппа, а позже перешла въ собственность Агриппы.

Итакъ, вотъ та земля и тотъ народъ, среди котораго возросъ и проживалъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Такимъ образомъ, если Римъ былъ средоточнымъ пунктомъ тогдашняго всемірнаго политическаго господства, то Палестина была тою страной, изъ которой должна была выйти религіозная сила, чтобы побѣдить весь міръ и покорить его Единому истинному Богу. Въ описываемое нами время въ политическомъ отношеніи она находилась въ зависимости отъ Рима, верховной власти котораго были подчинены ея вассальные цари и народоправители, пока она не перешла подъ его непосредственное владычество и пока наконецъ римскимъ мечемъ у нея не была отнята и та призрачная самостоятельность, которою она пользовалась при Иродахъ. Но политическое положеніе Пале-

стины имѣло весьма сильное вліяніе на развитіе ея народной жизни во всѣхъ отношеніяхъ. А потому мы прежде всего и обратимъ свое вниманіе именно на политическое состояніе Палестины, при чемъ, однако-же для болѣе яснаго уразумѣнія положенія и судьбы іудейскаго народа ко времени земной жизни Господа нашего Іисуса Христа, мы должны будемъ сдѣлать нѣкоторое отступленіе.

Свящ. М. Буткевичъ.

(Продолженіе будетъ).

РАЗЛИЧНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ НѢМЕЦКОЙ ФИЛОСОФІИ ПОСЛѢ ГЕГЕЛЯ

ВЪ

ОТНОШЕНІИ ЕЯ КЪ РЕЛИГІИ.

Система философіи Гегеля представляетъ послѣднюю и вмѣстѣ съ тѣмъ крайнюю ступень развитія того односторонне умозрительнаго направленія новой философіи, которому начало положено еще въ системѣ Декарта и выражено въ извѣстной формулѣ ея: *cogito, ergo sum*. Въ этихъ словахъ впервые такъ рѣшительно и сознательно была высказана мысль о томъ, что послѣднее основаніе и ручательство достовѣрности философскаго знанія даны только въ мышленіи. Что согласно съ законами и формами мышленія, что съ необходимостію вытекаетъ изъ методическаго хода его, то уже по этому самому безспорно достовѣрно, такъ что и самая первая истина, познаваемая нами, истина нашего собственнаго бытія съ полною непрекаемою достовѣрностію познается только въ мышленіи. Такова точка зрѣнія, лежащая въ основаніи философіи Декарта. Само собою понятно, что философское, какъ и всякое знаніе, не иначе можетъ быть достигнуто, какъ только посредствомъ мышленія, потому что мышленіе есть необходимый органъ познанія. Но когда указываемъ на то направленіе философіи, которое, продолжаясь чрезъ всю исторію ея, какъ мы сказали, возникло и развилось на основаніи гносеологическаго начала, положеннаго для нея въ системѣ Декарта,—какъ направленіе особенное, односторонне умозрительное, то особенность этого направленія

философіи полагаемъ не просто въ признаніи мышленія необходимымъ орудіемъ для приобрѣтенія вполне достовѣрнаго знанія, но,—что особенно важно для характеристики этого направленія,—въ признаніи мышленія и самымъ источникомъ достовѣрнаго познанія существа вещей, такъ что при этомъ требуется полная самобытность мышленія, отрѣшенность его отъ чувственнаго наблюденія, признаваемого только нарушающимъ чистоту и самодѣятельность мышленія. Легко понять, къ чему должно было привести наконецъ такое направленіе философіи. Если только въ мышленіи и чрезъ мышленіе достигается познаніе дѣйствительности, или бытія, то прямое отсюда заключеніе то, что законы и формы мышленія въ сущности суть законы и формы самаго бытія, познаваемого чрезъ мышленіе. Такое заключеніе, хотя оно, какъ скрытое предположеніе, и прежде уже заключалось въ основаніи чисто умозрительныхъ системъ, съ ясностію и рѣшительностію высказано и послѣдовательно проведено чрезъ всю систему въ философіи Гегеля. Эта основная мысль гегелианской системы выражена въ томъ положеніи ея, что основная форма бытія есть логическая форма понятія, и что поэтому абсолютная идея, т. е. нѣкоторое общее, только чрезъ мышленіе познаваемое начало есть основа и сущность всякой дѣйствительности. Въ этомъ положеніи непосредственно дано другое, именно то, что опредѣляя моменты (т. е. степени) развитія идеи, или понятія, мы опредѣляемъ въ то же время моменты развитія самой дѣйствительности. А такъ какъ развитіе идеи, какъ высшей формы мышленія, можетъ быть познаваемо только въ чистомъ мышленіи, то посему законы и условія отвлеченнаго мышленія тождественны съ законами бытія, суть самые эти законы. Отсюда логика, опредѣляющая законы и формы развитія понятія, въ системѣ Гегеля заступаетъ мѣсто метафизики; она познаетъ абсолютную идею,—сущность всякаго бытія—въ ея подлинной натурѣ или, по Гегелю, такъ какъ эта идея дана въ чистомъ мышленіи (въ противоположность мышленію эмпирическому, т. е. наполненному представленіями взятыми изъ опыта). Затѣмъ, такъ какъ абсолютная идея есть основа и сущность всѣхъ формъ бытія; то ясно, что развитіе дѣйствительности, всю совокупность суще-

ствующаго, должно выводить изъ постепеннаго развитія абсолютной идеи, которая, какъ начало основное и ни отъ чего независимое, должна начать это развитіе изъ самой себя, т. е. въ силу необходимости своей собственной чисто логической природы. Мысль, или идея, вообще проявляется въ двойной формѣ, въ формѣ *утвержденія* и *отрицанія*. Отсюда и развитіе абсолютной идеи состоитъ вообще въ томъ, что отъ самоутвержденія она переходитъ къ самоотрицанію, и наоборотъ. Поэтому философія природы показываетъ, какимъ образомъ идея, вслѣдствіе отрицанія самой себя, является какъ-бы внѣ себя, т. е. внѣшнимъ образомъ существующею, именно какъ природа и какъ раскрывается она въ разнообразныхъ формахъ жизни природы; а философія духа рассматриваетъ ту-же идею, какъ она по силѣ новаго отрицанія себя, или по обращеніи изъ отрицанія себя къ себѣ самой, слѣдовательно, чрезъ самоутвержденіе, является духомъ самосознающимъ и абсолютно личностію. Такимъ образомъ, Гегель всю совокупность существующаго сводитъ къ отвлеченной формѣ понятія. Далѣе философія въ томъ-же абстрактно умозрительномъ направленіи не могла развиваться. Въ философіи Гегеля, такъ сказать, обоготворяется отвлеченное понятіе; всякое различіе между бытіемъ и мышленіемъ исчезаетъ: мышленіе, отвлеченное, чистое мышленіе, является здѣсь не только уже органомъ и источникомъ философскаго знанія, но и предметомъ познаваемымъ и при томъ не какъ извѣстный психологическій процессъ, но какъ основная форма бытія, самая сущность бытія. Вотъ послѣднее слово односторонне и крайне развивавшагося абстрактно умозрительнаго направленія философіи.

Но чѣмъ рѣшительнѣе выступаетъ въ философіи Гегеля исключительно отвлеченное логическое начало ея, по которому все разнообразіе дѣйствительности сводится къ отвлеченному понятію, бѣдному содержаніемъ, даже совершенно пустому: тѣмъ съ большею энергіею высказывается ясное сознаніе потребности новаго начала въ философіи, на основаніи котораго возможно было-бы болѣе широкое и полное разумѣніе дѣйствительности и, какъ скоро опредѣлено такое начало, тѣмъ съ большею силою была защищаема необходимость и закон-

ность его для философии, такъ что при свѣтѣ его со всею ясностію обнаруживалась односторонность и потому несостоятельность исключительно умозрительнаго, отвлеченно логическаго направленія философіи. Естественно, что тамъ, гдѣ это направление достигаетъ вершины своего развитія, тамъ очевидно должна была открыться его несостоятельность. Абсолютная идея Гегеля составляетъ краеугольный камень системы его, но въ ней же заключается и основной недостатокъ ея, обличающій несостоятельность какъ самой системы Гегеля, такъ еще болѣе и цѣлаго направленія, по отношенію къ которому она представляетъ окончательное и наиболѣе рѣшительное его выраженіе. Непонятно, какимъ образомъ возможно развитіе абсолютной идеи изъ самой себя, какимъ образомъ первоначально пустое логическое понятіе въ дальнѣйшемъ развитіи изъ самого себя постепенно наполняется содержаніемъ и является бытіемъ со всѣмъ разнообразіемъ его качествъ и явленій. Возможно ли такое развитіе идеи? Вотъ что говоритъ относительно этого пункта гегельянской философіи Шеллингъ: „Логическое движеніе понятія продолжается, какъ это можно предвидѣть, до тѣхъ поръ, пока система развивается въ границахъ логическаго. Такъ какъ для нея затруднителенъ переходъ отсюда къ дѣйствительности, то она обрываетъ нить діалектическаго движенія; является необходимость ни на чемъ не основанной гипотезы, что идея, (вѣроятно для того только, чтобы покончить съ своимъ логическимъ бытіемъ, соскучившись имъ), вдругъ разрѣшается въ противоположность своихъ моментовъ, вслѣдствіе чего происходитъ природа“. Такимъ образомъ доведенный до крайности принципъ безусловной достовѣрности знанія, достигаемаго логическимъ ходомъ мысли, и соединенная съ нимъ увѣренность въ безусловномъ значеніи самаго мышленія въ дѣлѣ познанія истины рѣшительно были поколеблены яснымъ не предубѣжденнымъ сознаніемъ дѣйствительности. Такъ какъ крайность направленія философіи, выходявшаго изъ тако-го принципа, выразилась въ томъ, что основаніемъ и сущностью всякаго бытія было признано отвлеченное логическое понятіе: то рѣшительный поворотъ къ другому направленію естественно могъ обнаружиться въ томъ, что стали вы-

ставлять вопреки этому, абстрактному началу, болѣе жизненное, именно такое, которое давало бы болѣе полное и цѣлостное понятіе о бытіи вещей. Такова именно идея абсолютнаго личнаго существа, какъ первооснованіе личной дѣйствительности. А чтобы такая идея не превратилась въ отвлеченное, безжизненное понятіе общей сущности вещей, то настояла необходимость признать абсолютное личное существо имѣющимъ независимое отъ существованія міра бытіе. Такимъ образомъ пантеизму Гегеля противопоставляется философскій теизмъ. Должно замѣтить однакожь, что теистическое направленіе философіи послѣ Гегеля не есть совершенно новое: система Гегеля, какъ сказано, была только продолженіемъ и высшимъ выраженіемъ односторонне умозрительнаго направленія философіи; подобно тому и философскій теизмъ, выступившій противъ пантеистической системы Гегеля, представляетъ только дальнѣйшее развитіе прежде уже выраженнаго въ философіи направленія; теперь только яснѣе стали проводить то самое, что прежде было высказано неопредѣленно и имѣло значеніе какъ-бы протеста хотя сильнаго, но непосредственнаго чувства, возмущеннаго узкою и притязательностію односторонне умозрительнаго или отвлеченно логическаго направленія философіи. Отличительная и важнѣйшая черта этого направленія философіи заключается въ требованіи систематически выводить понятія, имѣющія цѣлью изъясненіе познаваемой дѣйствительности, — одно изъ другаго. А такое требованіе приводило къ той мысли, что въ дѣйствительности все находится во внутренней связи между собою и вся совокупность вещей или явленій есть порожденіе или обнаруженіе одного общаго начала. Вотъ почему Якоби могъ сказать, что всякая строго послѣдовательная философская система неминуемо ведетъ къ пантеизму, а пантеизмъ въ сущности мало различается отъ атеизма. Въ виду этого, Якоби пришелъ къ тому заключенію, что истину, т. е. дѣйствительное познаніе абсолютнаго, должно искать не въ мышленіи, но въ непосредственномъ чувствѣ. Однако, то, что было высказано Якоби, сначала не имѣло значительныхъ послѣдствій. Теперь же, когда односторонне умозрительное направленіе философіи послѣ системы Гегеля не могло далѣе развиваться, ко-

гда окончательно обнаружилась несостоятельность его, естественно долженъ былъ совершиться поворотъ философіи къ развитію тѣхъ воззрѣній, которыя отчасти высказали уже Любк и Фихте;— послѣдній въ позднѣйшей своей философіи. Дѣйствительно; Штраусъ противопоставляетъ пантеизму Гегеля свой пантеизмъ;— сущность котораго состоитъ въ примиреніи пантеизма съ деизмомъ. Затѣмъ попытку ея продолжаетъ Шеллингъ въ своей новѣйшей философіи; наконецъ, къ этому-же направленію, принимаятъ послѣдователи гегелианской философіи, преимущественно Фихте-младшій и Вейсе. Въ то-же время другіе изъ послѣдователей гегелианской философіи, не расположенные въ деизму, какъ такому направленію, которое не можетъ быть приведено въ ясность и котораго нельзя представить въ видѣ стройной и послѣдовательной системы понятій,— продолжаютъ развивать понятіе гегелианской философіи, доводя ихъ до послѣднихъ крайностей и преимущественно прилагая эти понятія къ разъясненію основныя истины христіанства, а затѣмъ сущности религіи вообще. Поодѣдствіемъ такого направленія философіи, вышедшаго изъ системы Гегеля, могло быти только отрицательное отношеніе къ христіанству. Биде Марпейнеке (дѣла въ попытку представить догматику христіанства въ духѣ гегелианской философіи; однако у него не такъ ясно обнаруживается отрицательное отношеніе къ христіанству, какъ необходимо вытекавшее изъ пантеистической философіи Гегеля. Дѣла въ томъ, что у него все вниманіе сосредоточивается пока на приложеніи философскихъ понятій Гегеля къ христіанскому вѣроученію. Но невозможность примиренія философіи Гегеля съ христіанскими догматами, если разумѣть послѣдніе въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ принимаетъ ихъ христіанская Церковь, ясно сознава Штраусомъ, а потому отрицательное отношеніе къ христіанству выступаетъ у него уже открыто. Указывая на это открытое выступленіе Штрауса противъ христіанства, какъ на заслугу, Бауръ замѣчаетъ, что онъ, т. е. Штраусъ, первый, такимъ образомъ, положилъ начало рѣшительному разграниченію несходныхъ между собою направленій и началъ; разграниченію ихъ въ самомъ ихъ основаніи, что составляетъ, по мнѣнію Баура, ха-

рактическую черту нашего времени. Дѣйствительно, Штраусъ ясно ставитъ задачу для своей критики христіанства и неуклонно рѣшаетъ ее, не отступая ни предъ какими выводами. Дальнѣйшій шагъ въ этомъ отрицательномъ направленіи до отношенію въ христіанству былъ сдѣланъ Бруно Бауромъ. Имѣетъ съ тѣмъ это отрицательное направленіе переходить въ отрицаніе самой системы Гегеля, такъ что Фейербахъ, который применилъ взглядъ на христіанство, высказанный Бруно Бауромъ къ изъясненію религіи вообще, прямо указываетъ при этомъ на то, что его философія ничего общаго не имѣетъ съ философіею Гегеля, что она противоположна послѣдней, и потому философію Гегеля онъ относитъ къ „ветхому завѣту“ философіи. Наконецъ, съ философіею Фейербаха тѣсно связывается материализмъ, который служитъ окончательнымъ выраженіемъ отрицательнаго отношенія къ религіи, существующаго въ настоящее время. Такимъ образомъ, въ связи съ системою Гегеля возникли два различныя направленія философіи, сущность которыхъ характеризуется противоположнымъ отношеніемъ къ религіи; направленія эти выразились въ философскомъ теизмѣ съ одной стороны и материалистическомъ атеизмѣ съ другой. Первое изъ названныхъ направленій—положительное, а другое—отрицательное. Отрицать легче, чѣмъ представить положительное изъясненіе предмета, въ особенности когда требуется изъяснить предметъ такой всеобъемлющей важности и столь глубокаго жизненнаго значенія, какова религія. Поэтому и неудивительно, что много неяснаго и неопредѣленнаго представляется въ философскихъ попыткахъ изъясненія религіи, имѣющихъ цѣлью философское обоснованіе теизма. Въ этомъ отношеніи безспорно преимущество на сторонѣ отрицательнаго направленія, отличающагося совершенно плоскою ясностію. Но за то самое усиліе мысли по возможности овладѣть такимъ предметомъ, какъ религія, вытекающее конечно изъ сознанія величайшей важности предмета, заслуживаетъ полнаго вниманія и сочувствія. Отрицательное же направленіе не только ничего не даетъ, но силится обнажить, такъ, сказать, человѣческое существо отъ всего, что возвышаетъ достоинство его, отъ чего существенно зависитъ смыслъ

и значеніе жизни человѣческой, а потому и ясность, свойственная отрицательному направленію, есть слѣдствіе его пустоты.

I. Примиреніе теизма съ пантеизмомъ въ философіи послѣ Гегеля.

Мы замѣтили выше, что указаніе односторонности и несостоятельности исключительно умозрительнаго, или отвлеченно логическаго направленія философіи, высказанное Якоби, не оставило глубокихъ и рѣшительныхъ слѣдовъ въ исторіи философіи. Это потому, между прочимъ, что такое указаніе выражено имъ довольно смутно и не было развито въ видѣ систематическаго ученія. Онъ указывалъ только на свидѣтельство непосредственнаго чувства противъ крайностей схоластически логической философіи, давалъ на органъ общечеловѣческихъ убѣжденій религиозныхъ болѣе крѣпкихъ и жизненныхъ, нежели какія даются методическимъ ходомъ абстрактнаго или такъ называемаго чистаго мышленія, утверждая, что истина предопредѣляется лишь этимъ непосредственнымъ чувствомъ, но не познается отвлеченнымъ логическимъ мышленіемъ¹⁾. Философская система Гегеля, все свое значеніе полагающая въ законномъ ходѣ мышленія, замкнутаго въ самомъ себѣ, — могла служить яснымъ доказательствомъ этой мысли Якоби, потому что она не достигла своей цѣли — познанія абсолютнаго. Такимъ образомъ было очевидно, что смутно высказанная мысль Якоби, заключающая въ себѣ безспорную истину. Но и философская система Гегеля, при несостоятельности своей въ извѣстномъ, хотя существенномъ, отношеніи, именно въ томъ, что основное понятіе ея — абсолютная идея, — не могло служить къ изясненію дѣйствительнаго бытія вещей; слѣдовательно, при

¹⁾ Прекрасно Шеллингъ характеризуетъ Якоби. Онъ говоритъ: Якоби подобенъ одинокому мыслителю, который раннимъ утромъ нашелъ древній іероглифъ, изсѣченный на вѣчныхъ скалахъ. Онъ вѣритъ въ таинственный іероглифъ, но тщетно старается разгадать его. Онъ носитъ съ іероглифомъ цѣлый день, толкуетъ про его важный смыслъ, изясняетъ его въ рѣчахъ и образахъ, которые приводятъ слушателей въ умиленіе, воодушевляютъ ихъ благородными желаніями и надеждами, но разгадка не дается, и онъ ложится вечеромъ съ надеждою, что божественное сновидѣніе или ближайшее пробужденіе назовутъ ему желанное слово, въ которое онъ такъ крѣпко вѣруетъ. *Historische Entwicklung der Specul. Philos. von Kant bis Hegel von Chalybaeus. 576.*

недостаточности своей относительно содержания, представляетъ безъ всякаго сомнѣнія важныя достоинства въ формальномъ отношеніи, зависѣвшія, впрочемъ, отъ самого направленія философіи, которое она замыкаетъ собою. Безспорно, ни одна система философіи, не можетъ идти въ сравненіе съ системою Гегеля по утонченной гибкости и неуклонной послѣдовательности мысли. Но тѣмъ очевиднѣе была недостаточность средствъ одного мышленія, замкнутого въ самомъ себѣ, для достиженія той цѣли, которую главнымъ образомъ имѣла въ виду философія Гегеля, именно для познанія абсолютнаго бытія, если, при неоспоримыхъ достоинствахъ философскаго мышленія, система Гегеля не выполнила своей задачи. Такимъ образомъ у Якоби вся сила и значеніе его философіи, непосредственнаго чувства заключается въ самомъ содержаніи ея, но притомъ ей недостаетъ опредѣленнаго метода и строгой выдержанности мысли; у Гегеля же мы видимъ, наоборотъ, господство самаго строгаго, неуклонно, всюду проводимаго метода, но по основнымъ своимъ взглядамъ, вообще по содержанію своему, эта философія представляется далеко неудовлетворительною. Она не состоятельна именно по бѣдности и монотонности своихъ возврѣній, несоотвѣтствующихъ разнообразію живой дѣйствительности и превращающихъ ее въ безжизненное формированіе отвлеченныхъ, логическихъ понятій, или категорій, но съ другой стороны, это бѣдное содержаніе философіи Гегеля развивается по строго научному методу. Ясно, что сами по себѣ, каждая въ отдѣльности, философія Гегеля и философія Якоби представляютъ такого рода недостатки, которые могутъ быть устранены соединеніемъ достоинства одной философіи съ преимуществами другой. Отсюда задача дальнѣйшаго развитія философіи послѣ Гегеля состоитъ въ томъ, чтобы, при посредствѣ діалектическаго мышленія, составляющаго важное преимущество философіи Гегеля, дать научную форму идеямъ, высказаннымъ Якоби, и такимъ образомъ представить теизмъ въ формѣ систематическаго ученія, построеннаго съ методическою правильностію, въ которомъ въ противоположность односторонне логическому направленію философіи, интересъ вѣры, внушаемой свидѣтельствомъ непосредственнаго чувства, былъ-бы согласованъ съ тре-

бованиями логическаго, послѣдовательнаго мышленія. Абстрактное мышленіе, замкнутое въ самомъ себѣ, какъ сказано, неизбежно ведетъ въ пантеизму, потому что мышленію нашему свойственно стремленіе придать нашимъ представленіямъ дѣйствительности такой характеръ единства, въ силу котораго все представляемое и познаваемое связывалось бы въ нашемъ сознаниіи одно съ другимъ и вытекало одно изъ другаго, такъ чтобы *все было въ одномъ и одно во всемъ*; между тѣмъ непосредственное чувство, вопреки такому свойству мышленія сглаживать всякіе слѣды индивидуальности въ существующемъ; говорить въ пользу теизма. Поэтому соглашеніе этихъ двухъ сторонъ цѣлостнаго человѣческаго сознанія—соглашеніе объективной силы мышленія и субъективной силы чувства—не должно ли состояться въ видѣ примиренія пантеизма съ теизмомъ. Такова дѣйствительно задача и существенный характеръ того направленія новѣйшей философіи послѣ Гегеля въ отношеніи ея къ религіи, въ изложеніи котораго мы должны теперь перейти.

А) Пантеизмъ Краузе.

Въ своей философіи Краузе является рѣшительнымъ противникомъ Гегеля, противопоставляя идеалистическому пантеизму его системы понятие личнаго Существова Бoga, которое, какъ основаніе и сущность всего существующаго по его представленію, *обнимаетъ въ самомъ себѣ міръ*, слѣдовательно не сливается съ міромъ и не поглощается имъ, но имѣетъ независимое отъ него бытіе. Свою систему Краузе называетъ по этому основному воззрѣнію ея *пантеизмомъ*, въ противоположность гегеліанскому пантеизму, т. е. такимъ ученіемъ, которое признаетъ, что не Богъ заключенъ въ міръ и объемлетъ имъ, а наоборотъ міръ пребываетъ въ Богѣ, и слѣдовательно Богъ не только вмѣстѣ съ міромъ существуетъ, но и внѣ его. Исходнымъ пунктомъ для этой системы служить субъективная дѣйствительность нашего духа: саморазсмотрѣніе нашего я, по Краузе, есть единственный способъ обосновать и утверждать научнымъ образомъ истину личнаго бытія Бога, равно какъ и человѣческой личности. Найденныя этимъ способомъ, т. е. чрезъ разсмотрѣніе нашего я, существенныя оп-

редѣленія или свойства этого я Краузе разсматриваетъ первоначально, какъ опредѣленія Божественнаго Существа, такъ что познаніе личнаго существа человѣческаго, по его системѣ, ведетъ къ познанію личности Божественной; одно личное бытіе познается чрезъ другое или, по выраженію Краузе, созерцается въ другомъ, именно человѣческое существо, какъ ограниченное; въ божественномъ, какъ абсолютномъ. При этомъ Краузе полагаетъ, что и методъ діалектическій, которымъ онъ пользуется для рѣшенія поставленной имъ задачи — изъяснить Божественную личность чрезъ разсмотрѣніе человѣческой, — выражаетъ не законъ мышленія, данный въ самомъ мышленіи, но законъ бытія, съ которымъ сообразуется философское мышленіе; равно и опредѣленія личнаго Существа, или категоріи, должны быть признаны не отвлеченными понятіями, но реальными сущностями. Такимъ образомъ, удерживая въ своей системѣ способъ построенія ея, близкій къ діалектическому методу Гегеля, Краузе придаетъ ему иной смыслъ, отличный отъ того, въ какомъ понимается діалектическій методъ у Гегеля. Въ этомъ случаѣ Краузе очевидно только сообразуется съ основнымъ своимъ опредѣленіемъ сущности вещей, совершенно отличнымъ отъ пониманія ея у Гегеля. Гегель опредѣляетъ сущность вещей какъ чистое понятіе, идею, и потому составляетъ цѣлю своей философіи — представить все существующее въ видѣ стройной системы логическихъ понятій, или моментовъ, идей, развивающейся по логическимъ законамъ. Краузе, напротивъ, сущность и основаніе всѣхъ вещей полагаетъ въ *многъ* Существовѣ Бога, а потому и задачу свою онъ опредѣляетъ такъ: представить систему сущностей, познаваемыхъ не отвлеченнымъ мышленіемъ, но цѣлостнымъ созерцаніемъ нашего я. Итакъ Краузе, съ одной стороны, хочетъ дать своей системѣ научный характеръ, удерживая въ ней діалектическій методъ построенія, съ другой стороны, смотря на этотъ методъ, какъ на законъ самаго бытія, онъ думаетъ познать бытіе изъ него самаго, а не изъ мышленія. вмѣстѣ съ тѣмъ, полагая въ основу міровой дѣйствительности личное Существо Божества и въ тоже время признавая независимое отъ міра бытіе Бога, Краузе пытается такимъ образомъ примирить пантеизмъ съ теизмомъ.

Исходнымъ пунктомъ философіи Краузе, какъ сказано, служитъ разсмотрѣніе нашего я. Посему, при изложени ея, представляется прежде всего слѣдующій вопросъ: какимъ образомъ изъ разсмотрѣнія нашего я возникаютъ и развиваются, съ одной стороны, познаніе о Существовѣ Божіемъ, какъ первоосновѣ міра, съ другой, — понятіе о самомъ мірѣ?

Наше я, по Краузе, непосредственно достоверно для себя самого, потому что, будучи субъектомъ, оно въ то же время есть объектъ для себя, оставаясь тождественнымъ съ собою и какъ субъектъ и какъ объектъ. Субъектъ познающій и предметъ познаваемый въ нашемъ я, и только здѣсь совпадаютъ, а потому познаніе, данное чрезъ самопознаніе нашего я, непосредственно вѣрно. Отсюда и тѣ созерцательныя формы, или категоріи, которыя наше я открываетъ чрезъ разсматриваніе себя, должны имѣть безусловную важность для философіи. Какъ познаніе нашего я есть первоначальное и непосредственно вѣрное, такъ и тѣ существенныя опредѣленія, которыя открываетъ въ себѣ наше я посредствомъ разсмотрѣнія «себя», суть первоначальныя и непосредственно достоверныя опредѣленія существа, какъ существа и свѣд. суть необходимые принципы познавательной дѣятельности нашего духа, безъ которыхъ не можетъ произойти познаніе ни одного существа. Даже само-созерцаніе нашего я, не смотря на то, что оно служитъ исходнымъ пунктомъ философіи, основывается однако на существенныхъ категоріяхъ, которыя опредѣляются ими. Только аналитическій выводъ категорій изъ самосозерцанія нашего я сообщаетъ объективную достоверность познанію міра и Бога, которое при этомъ получается. И такъ предварительно должны быть найдены опредѣленія, или категоріи существа, т. е. общіе признаки бытія, дабы при посредствѣ ихъ достигнуть философскаго знанія о существующемъ. Первоначально и непосредственно познаваемое нами существо есть существо нашего духа, посему и принципы познаванія, или категоріи, мы можемъ получить только чрезъ самосозерцаніе нашего я. Вотъ какъ этимъ способомъ Краузе выводитъ необходимыя для познанія сущности вещей категоріи: наше я, какъ скоро обращается къ познанію самого себя, то прежде всего сознаетъ,

что оно есть какъ существо. Что же есть существо—въ этомъ оно удостоверяется чрезъ непосредственное созерцаніе себя; Мы различаемъ, далѣе, въ нашемъ я, какъ существѣ, и притомъ также непосредственно: 1) сущность; 2) форму, — или образъ его существованія, состоящій въ томъ, что оно полагаетъ себя или сознаетъ себя существующимъ (Satzheit); и 3) бытіе его или существованіе. Первая категория, категория сущности, получается какъ скоро мы спрашиваемъ себя: что есть существо? Существо есть прежде всего, сущность (essentia). Сущность тѣмъ отличается отъ существа, что существо имѣетъ бытіе въ самомъ себѣ; между тѣмъ какъ сущность есть только въ существѣ) и слѣдовательно въ немъ только, а не въ себѣ существуетъ. Опредѣлить, что такое сущность — невозможно, потому, что она есть нѣчто первичное основное въ существѣ, нѣмъ опредѣляется и отъ него зависитъ все, относящееся къ существу; само же нѣмъ инымъ опредѣлено быть не можетъ. Итакъ непосредственно въ самосозерцаніи нашего я мы имѣемъ категорию сущности, категорию формы и категорию бытія или существованія; послѣдняя есть единство первыхъ двухъ категорій, или опредѣленій. По этимъ категоріямъ, каждое существо мы должны мыслить: во 1) какъ заключенное въ себѣ самомъ, т. е. неизмѣнно пребывающее въ своей сущности, въ которой содержится изобилующій жизнью вѣчатокъ его субъективности, т. е. внутренняго бытія; 2) какъ выступающее въ бытіи, полагаясь имъ для себя, т. е. формирующееся и потому являющееся объектомъ, полагающимъ себя для себя же; наконецъ въ 3) какъ единство бытія внутренняго съ вѣшнимъ, т. е. бытія въ себѣ замкнутого, — сущности, съ бытіемъ, являющимся во вѣ, или формой. Въ этихъ трехъ моментахъ, или отношеніяхъ существа состоитъ полное реальное существованіе его, дѣйствительная его истина. Далѣе Краузе, слѣдуя діалектическому методу, аналитически разлагаетъ каждое изъ показанныхъ уже нами опредѣленій или категорій существа на содержащіяся подъ нимъ частнѣйшія категоріи. А такъ какъ для нашей цѣли важны только категоріи сущности, потому что на нихъ основывается ученіе Краузе о Богѣ, то мы ограничимся указаніемъ только этихъ категорій, не упоминая о другихъ.

Въ сущности мы соображаемъ! по Краузе, 1) единство, которое какъ первоначальное и непосредственное, можетъ быть только указано, но не можетъ быть выведено, 2) самостоятельность (Selbstheit) и цѣлостность, по которымъ существо наше и я мыслятся какъ самостоятельное и цѣлостное; наконецъ въ 3) объединенность, по которой существо есть сущность, соединяющая въ себѣ единство съ самостоятельностью и цѣлостностью. Такимъ образомъ слѣдующія категории различаемы въ сущности:

1) Единство (Einheit), 2) Самость (Selbstheit), 3) Цѣлостность (Ganzheit), 4) Объединенность (Vereingestztheit).

Первая категория выражаетъ тезисъ сущности (единство безъ противоположности); вторая антитезисъ, т. е. единство положеніе себя какъ бы противъ себя, противоположеніе своему единству своего же равнообразія, тѣмъ чѣмъ обуславливается сознание себя какъ сущности, наконецъ третья категория есть синтезъ первыхъ двухъ — соединеніе единства съ противоположностью.

На первый взглядъ самоотношеніе нашего «я» категоріи естественно по тому, что оно имѣетъ ближайшее приложеніе въ существе нашего «я». Но, въ этомъ случаѣ что относится въ существу нашего «я» оно имѣетъ также безусловное значеніе и по отношенію своимъ въ другимъ существамъ, въ которыхъ находимся; потому что категории, какъ непосредственно данныя въ самосознаніи нашего «я», естественно лежатъ въ основаніи познавательной дѣятельности, такъ что, по замѣчанію Краузе, даже вервь горчишное необходимо познается какъ имѣющее сущность, форму или образъ существованія, — и самое бытіе какъ единство и взаимная связь первыхъ двухъ. Не смотря на то, каждое органическое и условное существо представляетъ принадлежащія ему опредѣленія сущности, формы и существованія далеко не съ тою безусловною положительностію и полнотою, съ какими созерцаются эти опредѣленія въ категоріяхъ т. е. отвлеченно; поэтому естественно мысль наша отъ одного существа переходитъ къ другому существу, въ которомъ усматривается основаніе первого, и такое движеніе познающей мысли впередъ продолжается до тѣхъ поръ, пока она не остановится на бытіи Существа безусловнаго, въ которомъ только и

возможна полная иотинность категорій и которое по сему познается какъ воеобщее основаніе всего существующаго. И такъ категорія основанія есть та руководящая категорія, посредствомъ которой мы приходимъ въ мысли о Богѣ, какъ о Существѣ безусловномъ, какъ скоро найденныя чрезъ самосознаніе нашего я категоріи начинаемъ практиковать въ познавательной нашей дѣятельности. Вотъ какъ изображается у Краузе переходъ нашего сознанія отъ міросозерцанія къ Богосозерцанію.

Наше я сознаетъ себя существомъ, состоящимъ изъ тѣла и души. Какъ отъ тѣлесности нашего существа мысль наша переходитъ въ безконечно условной природѣ, съ которою состоятъ въ связи наше тѣлесное существо, такъ и духъ нашъ ведетъ къ заключенію о безконечномъ мірѣ духовномъ. По сему мы находимъ въ себѣ: 1) мысль о конечной природѣ, которая представляется нашему внутреннему созерцанію какъ единое, субстанціональное и цѣлостное существо, 2) мысль о противоположномъ природѣ существѣ духа, которое равнымъ образомъ познается нами какъ единое, самобытное и цѣлостное существо, и притомъ такое, которое заключаетъ въ себѣ всѣ другіе индивидуальныя духовныя существа. Природа и духъ предъ нашимъ внутреннимъ созерцаніемъ нѣкоторымъ образомъ противоположны; они взаимно ограничиваютъ другъ друга: природа не то, что духъ, и духъ не то, что природа. Въ природѣ менѣе активности и самобытности, чѣмъ въ духѣ, она болѣе пассивна, чѣмъ дѣятельна. Напротивъ, духъ — по преимуществу дѣятельное существо и конечная цѣль его дѣятельности заключается въ развитіи и обнаруженіи разума. Тѣмъ не менѣе обѣ противоположныя сферы міровой дѣйствительности образуютъ единое цѣлое, которое напр. здѣсь на землѣ обваруживается въ тѣлесно-духовной жизни человѣчества. Эта связь тѣлесности и духовности простирается, какъ мы предъугадываемъ, и на всѣ прочія космическія системы міра. Но эта гармонія между природою и духомъ есть только относительное единство и потому зависимое отъ чего-то высшаго. Такимъ образомъ, въ міросозерцаніи, выведенномъ чрезъ самосознаніе нашего я, мы видимъ, съ одной стороны, противоположность двухъ областей міра, съ другой, — единство, и при-

томъ такъ, что единство и противоположность соединены вмѣстѣ, не исключаются одно другимъ. Такой порядокъ въ мірѣ, очевидно, самъ по себѣ, существовать не можетъ: если мы видимъ природу и духъ соединенными между собою, такъ однакожь, что притомъ не уничтожается ихъ противоположность другъ другу, то это значитъ, что должно быть абсолютное единство, въ которомъ всякая противоположность, познаваемая въ міровой дѣйствительности, исчезаетъ. Такимъ образомъ наше я, по Краузе, приходитъ въ познанію Бога, какъ такого перваго Существа, которое возвышается надъ всѣми противоположностями міровой дѣйствительности, примарая ихъ въ себѣ. Не слѣдуетъ однако думать, что мысль о Богѣ какъ первосущество, какъ общемъ основаніи всего существующаго, получается нами посредствомъ умозаключенія, есть мысль выведенная изъ известнаго основанія. Напротивъ, — идея, или созерцаніе Бога, такъ содержится въ самой глубинѣ нашего духа, что предшествуетъ всякому познанію и только для разъясненія означенной идеи требуется конечная выводъ. Даже къ познанію себя мы приходимъ врѣвь созерцаніе Бога, какъ Существа вообще. Посему нѣтъ нужды доказывать бытіе Бога; ибо Богъ необходимо познается нами, какъ первооснованіе всего существующаго, слѣд., какъ предшествующее всему и заключающее въ себѣ все. Отсюда уже ясно, что категорія основанія, посредствомъ которой сознаніе наше возвышается до созерцанія Бога, не есть положительное доказательство бытія Божія, но служитъ только вспомогательнымъ средствомъ припоминанія для нашего духа о томъ, что онъ въ существѣ своемъ тѣсно соединенъ съ Богомъ. Можно сказать даже, что мысль о Богѣ, или созерцаніе Существа Божія, данное въ нашемъ сознаніи, производится въ насъ Самимъ-же Богомъ; слѣд., есть откровеніе Самого Бога въ нашемъ конечномъ духѣ. Итакъ, если посредствомъ категоріи основанія мы приходимъ къ мысли о Богѣ, то это не значитъ, чтобы мысль эта не была дана въ нашемъ духѣ непосредственно; напротивъ того, она лежитъ въ основаніи всѣхъ созерцаній нашего я. Посему и категоріи, безъ которыхъ не можетъ состояться никакое созерцаніе существующаго, полное значеніе свое и истину могутъ имѣть только въ созерцаніи

Бога, какъ основномъ и самомъ первоначальномъ созерцаніи нашего духа; а это значитъ, что полное познаніе о Богѣ возможно только при помощи категорій; посредствомъ категорій основанія или причины мы приходимъ только къ мысли о Богѣ; полное же созерцаніе Существа Божія можетъ быть приобрѣтено только чрезъ употребленіе категорій найденныхъ чрезъ самосозерцаніе нашего я. Вотъ какъ ближе опредѣляетъ Краузе свое понятіе о Богѣ по категоріямъ.

Существо вообще, или Богъ, познается непосредственно въ Себѣ Самомъ по категоріямъ *единства, субстанціональности и цѣлостности*, какъ единое, самобытное и цѣлостное Существо. Цѣлостность Существа Божія есть положительное выраженіе его безконечности, самобытность обозначаетъ безусловность, а единство показываетъ, что всѣ противоположности и различія уничтожаются, или примиряются въ немъ. *Цѣлостность и самобытность* — ближайшія опредѣленія самой сущности Божества. А потому эти опредѣленія показываютъ, что такое Богъ Самъ по Себѣ, или Самъ въ Себѣ. Онъ есть Существо совершеннѣйшее или самое полное, а потому полносущность (*Vollwesenheit*) есть то свойство, которое мы усматриваемъ, когда Богъ познается Самъ по Себѣ. Далѣе *единство* означаетъ, что Богъ, обнимая въ Себѣ всю совокупность существъ и сущностей, чрезъ то не отдѣляется отъ Себя Самого, но остается при Себѣ Самомъ, существуетъ для Себя и въ Себѣ Самомъ; не переходя во что либо иное. Богъ есть Богъ для Себя Самого (*Deus sibi Deus*). Такимъ образомъ мы получаемъ слѣдующія опредѣленія, выражающія Существо Божіе: 1) Богъ есть Существо вообще; 2) Онъ есть первое Существо (въ отношеніи къ другимъ), которое выше міра и всего, что есть въ мірѣ; 3) Онъ есть Существо, объемлющее въ себѣ противоположность природы и духа, слѣд., содержащее въ себѣ міръ; наконецъ 4) Существо единое, не смотря на то, что содержитъ въ себѣ всѣ другія существа. Отсюда, изъ этихъ опредѣленій Существа Божія слѣдуетъ далѣе, что Богу принадлежатъ самопознаніе, чувство и воля. Самопознаніе Бога соотвѣтствуетъ самобытности Существа Божія и есть ея форма. По силѣ своего самопознанія Богъ созерцаетъ не только Себя Самого, но и міръ

со всѣмъ, что содержится въ немъ, вѣчнаго и временнаго. Богъ
 знаетъ, видитъ, чувствуетъ и видитъ современную жизнь каждого.
 Чувство въ Богѣ, есть выражение цѣлостности Существа Божія,
 такъ что Богъ есть, поэтому, чувствующее Себя Существо, какъ
 Существо цѣлостное, и въ этомъ отношеніи Богъ блаженъ. Онъ
 есть блаженная душа (Gemuth), безконечное сердце. Наконецъ,
 воля принадлежитъ Богу потому, что Онъ, какъ имѣющій ос-
 нованіе своего бытія и жизни въ Самомъ Себѣ, безусловно сво-
 бодно опредѣляетъ Себя въ дѣятельному проявленію своей жиз-
 ни. Богъ есть, такимъ образомъ, *единое*, безусловное, въ без-
 конечномъ времени, равнымъ Себѣ, остающееся, всеобъемлю-
 щее, *хотѣніе* (хотѣніе, слѣдъ, таже! соотвѣтствуетъ, единству
 Божественнаго Существа, какъ чувство — цѣлостности, а само-
 познаніе или разумъ — самобытности) и одною, благою и только
 благою, равной, яже форма Божественной воли есть святость. Этою
 безусловно, и свободно, волей Своею Богъ объемлетъ единую,
 самостоятельную и цѣлостную жизнь, и слѣдовательно цѣлостъ жизни
 всѣхъ, вѣчныхъ существъ, господствуетъ надъ нею, съ муд-
 ростию, справедливостию и любовью, руководитъ ее и управляетъ
 ею. Въ этомъ свойствѣ, яже, какъ последующій, надъ
 жизнью и управляющій ею, Богъ есть Провидѣніе, а такъ какъ
 Онъ, будучи Провидѣніемъ, говоря образно, уничтожаетъ Себя
 не, *отечески*, вѣчного существа, дабы посредствомъ міроваго
 порядка (свободнаго вѣчныхъ) существъ, отъ того, яже, против-
 но, какъ порождъ, тже, отъ зла, и дабы силою своего беско-
 нечнаго милосердія, мудрости и святости, воссоединитъ ихъ съ
 Собою, то Онъ есть, яже, съ тѣмъ Спаситель и Избавитель
 міра. (что я) (аггредіи) возри твои гнѣ (2) (свѣдѣніе) (свѣдѣніе)
 . . . Слѣдуетъ замѣтить здѣсь, что Краузе въ нѣкоторыхъ мѣ-
 стахъ своей „Religionphilosophie“ не еще иначе учитъ о Боже-
 ственной волѣ, именно онъ отрицаетъ безусловное могущество
 ея и свободу, когда говоритъ, что всѣ сущности не зависятъ
 отъ нея, яже, напротивъ, сама воля Божественная зависима отъ
 Существа Божественнаго, какъ-бы отъ природы Божіей и ею
 опредѣляется въ своемъ дѣйствіи. Краузе утверждаетъ, что бы-
 тіе каждого существа, даже существованіе былинки, происхо-
 дитъ отъ Бога, не какъ Существа хотѣнаго, но какъ Перво-

существа и Существа вообще. Мы увидимъ въ послѣдствіи, что такое ограниченіе Божественной воли, болѣе гармонируетъ съ цѣлою системою Краузе, нежели выше изложенное понятіе о ней. И гдѣ же полное познаніе существа Божія происходитъ, по Краузе, и на основаніи категорій, или, какъ утверждаетъ онъ, въ самихъ категоріяхъ совершается, Существо Бога непосредственно. Но если категоріи суть коренныя начала познания, безъ которыхъ не можетъ быть познано, въ одно существо, и потому имѣютъ объективное значеніе по отношенію къ дѣйствительности, подлежащей нашему познанію, то слѣдуетъ ли отсюда, что такое значеніе должны имѣть они и по отношенію къ безусловному Существому Бога? Правда, что ни къ одному, и конечному Существому, нельзя примѣнять категорій во всей ихъ полнотѣ, ибо ни одно конечное существо не обладаетъ бытіемъ совершеннымъ, безусловнымъ, къ которому, только одному совершенно относятся категоріи. Но нельзя, смотря на категоріи, которыми пользуется въ своей философіи Краузе, какъ на опредѣленія общаго понятія о существѣ, не относить ли категоріи Краузе къ цѣлой совокупности существъ, мыслимой, какъ одно существо въ отвлеченномъ понятіи существа? Эта приложимость категорій къ отвлеченному понятію существа тѣмъ болѣе приходитъ на мысль, что самъ Краузе, употребляетъ это понятіе, признавая его тождественнымъ съ понятіемъ Бога. Посему, чтобы доказать, что существо безусловное мыслимое нами не есть только отвлеченное понятіе, а существо реальное, Краузе настаиваетъ на томъ, что категоріи его суть не отвлеченныя понятія, а сущности, только совершаемыя въ нашемъ духѣ, потому что наше я есть существо, носящее въ себѣ эти сущности. Но что категоріи, найденныя Краузе, имѣютъ такое значеніе, это можно только утверждать, но ничѣмъ доказать этого нельзя. Краузе не можетъ сослаться на то, что выведенныя имъ категоріи существа познаются не путемъ логическаго отвлеченнаго мышленія, а чрезъ непосред-

1) Потому что въ системѣ Краузе понятіе существа и понятіе Божества замѣняются одно другимъ какъ понятія тождественныя. Категоріи—опредѣленія существа.

ственное самовозрѣніе нашего я, потому что такое самосозерцаніе я, коль скоро оно должно дать намъ категоріи, необходимыя для познанія вещей, только посредствомъ мышленія можетъ происходить, и тѣ опредѣленія существа, которыя указываетъ Краузе, какъ данныя чрезъ самосозерцаніе нашего я, на самомъ дѣлѣ безъ всякаго сомнѣнія не самопознаніемъ данны, также точно какъ и категоріи, выведенныя Гегелемъ изъ чистаго мышленія, на самомъ дѣлѣ не могли быть добыты этимъ способомъ. Непосредственное самосозерцаніе нашего я не даетъ тѣхъ категорій, какія находитъ въ немъ Краузе, потому что онѣ напоминаютъ болѣе схоластическія тонкости, нежели живое конкретное самосознаніе, имѣющее дѣло не съ категоріями, а съ разнообразными состояніями и дѣйствіями нашего духа. Точно также неудачна попытка Краузе познать Существо Божіе и сдѣлать выводъ понятія о личности этого Существа. Почему и какимъ образомъ изъ опредѣлений Существа Божія, данныхъ посредствомъ приложенія къ нему категорій, слѣдуетъ представленіе личной жизни Божества—этого Краузе не разъяснилъ.

Между тѣмъ разсмотрѣніе отношенія Бога къ міру, какъ оно представляется въ системѣ Краузе, покажетъ намъ, что понятіе личности Существа Божественнаго не только является въ системѣ Краузе не обоснованнымъ надлежащимъ образомъ, но даже, можно сказать, прямо отрицается ею.

По своему отношенію къ міру, такъ учитъ Краузе, Богъ—Первосущество, т. е. такое Существо, въ которомъ заключается основаніе всѣхъ другихъ существъ. Поэтому міръ не есть Самъ Богъ, но онъ есть однакожъ необходимый образъ проявленія Божественнаго Существа и въ этомъ смыслѣ существованіе міра не зависитъ отъ воли Божественной. Вотъ почему Краузе не говоритъ о твореніи міра и началѣ его. Ясно само собою, какъ невозможно, принимая то положеніе Краузе, что Богъ заключаетъ въ себѣ міръ и каждое индивидуальное существо въ отдельности,—изяснить происхожденіе и значеніе зла въ мірѣ, которое Краузе самъ признаетъ противнымъ сущности конечныхъ существъ, равно какъ неяснымъ остается при этомъ и понятіе его о спасеніи, или искупленіи. Нужно-ли говорить,

что не возможна сверхъ того самостоятельность конечныхъ существъ при томъ отношеніи Бога къ міру, какое полагаетъ Краузе.

Міръ есть, по Краузе, явленіе Самого Существа Божественнаго. Богъ живетъ въ мірѣ, какъ-бы раздѣляясь въ Самомъ Себѣ на противоположности природы и духа, но въ самомъ этомъ раздѣленіи, сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ Свое единство. И если для субъективнаго созерцанія міръ представляется въ троякомъ образѣ существованія, именно: какъ природа, разумъ или духъ и наконецъ какъ человѣчество, — то высшая философская точка зрѣнія усматриваетъ въ такомъ расчлененіи міра необходимое послѣдствіе самой Божественной жизни. Ибо Божественное Существо, какъ первичное, хотя и познается прежде всего подъ категорією безусловнаго единства, однако вмѣстѣ съ тѣмъ столь-же необходимо въ немъ долженъ быть элементъ противоположности, такъ что процессъ синтеза происходитъ въ немъ вмѣстѣ съ антитезомъ, т. е. съ противоположеніемъ. Здѣсь очевидно теизмъ Краузе превращается въ акосмическій пантеизмъ и требуемое ямъ понятіе личности Божественной на дѣлѣ отрицается.

Существо Божіе троякимъ образомъ проявляется въ мірѣ: цѣлостно въ природѣ, съ сознавіемъ своей самости въ разумѣ, или духѣ и соединительно въ человѣчествѣ. Въ каждой изъ этихъ трехъ сферъ міровой жизни содержится совокупность всѣхъ категорій и потому каждая вмѣстѣ съ тѣмъ заключаетъ въ себѣ подобіе сущности Божіей, какъ соподчиненная часть цѣлаго. Ближайшее отношеніе между собою трехъ міровыхъ сферъ, въ которыхъ Самъ Богъ тройственно проявляется, состоитъ въ слѣдующемъ: два соподчиненныя низшія существа: природа и духъ противоположны другъ другу, потому что хотя въ обихъ имѣютъ мѣсто всѣ категоріи, но осуществляютъ ся въ нихъ не одинаково, а противоположнымъ образомъ съ преобладаніемъ при томъ, какъ въ томъ, такъ и другомъ существѣ одной изъ нихъ. Въ природѣ преобладаетъ категорія цѣлостности и потому характеръ ея преимущественно выражается въ чувствѣ; въ разумѣ, или духѣ, преобладаетъ, напротивъ, категорія самостности, ибо сущность духа заключаетъ

ся въ мышленіи *самосознательномъ*. И разумъ и природа живутъ въ самихъ себѣ и осуществляютъ въ бесконечно многихъ индивидуумахъ, имѣющихъ до бесконечности разнообразныя формы. Но сущность всего индивидуальнаго въ природѣ заключается въ ея цѣломъ, тогда какъ сущность существа индивидуальнаго, принадлежащаго къ области разума, заключается въ самости его. Природа и разумъ по сему совершенно противоположны другъ другу, но именно по причинѣ этой противоположности, на всѣхъ степеняхъ своего существованія они соединены между собою и проникаютъ взаимно другъ друга, такъ что всѣ проявленія и существа міра съ одной стороны тѣлесны, съ другой духовны и натуральны и вмѣстѣ съ тѣмъ разумны. Наиболѣе же внутреннимъ образомъ этотъ союзъ природы и духа обнаруживается въ общемъ существѣ человѣчества, потому что, хотя и въ царствѣ животныхъ мы видимъ тотъ же союзъ природы и разумности, но здѣсь этотъ союзъ останавливается на самихъ низшихъ ступеняхъ жизни, не простираясь далѣе, и только въ человѣкѣ онъ достигаетъ высшей степени своего проявленія.

Что касается дальнѣйшаго развитія идеи, человѣчества и обнаруженія общаго существа его въ индивидуумахъ: то, по Краузе, каждое я, какъ соподчиненный членъ въ организмѣ цѣлаго человѣчества, т. е. единого царства разумныхъ существъ, обитающихъ на бесконечно многихъ міровыхъ тѣлахъ и въ теченіи бесконечно многихъ періодахъ времени, существуетъ также въ бесконечно многихъ мѣстахъ, и переживаетъ бесконечно многіе періоды жизни, или цѣлую полноту времени. При этомъ каждое конечное существо, въ каждомъ отдѣльномъ періодѣ своей жизни на какомъ либо изъ міровыхъ тѣлъ, и слѣдовательно и человѣческое я въ теченіи земной своей жизни проходитъ три различныя степени развитія. На первой степени развитія, или въ первоначальномъ возрастѣ жизни своей оно пребываетъ въ состояніи неразвитаго единства, въ которомъ силы его пока еще остаются нераздѣленными. Во второй стадіи жизни разумнаго существа развитіе его открывается противоположеніемъ (антитезисомъ) другъ другу различныхъ силъ его и направленій жизни, и бо-

рющееся за самостоятельность сознательное существо на этомъ пунктѣ своего развитія противостоять не только остальному человечеству, но и Божественному первосуществу, какъ субъектъ противостоять объекту. Наконецъ въ третьей стадіи конечное существо достигаетъ относительной полноты своего развитія въ жизни. Жизнь его теперь вступаетъ въ (сознательную) связь съ жизнью всѣхъ конечныхъ существъ, а также съ жизнью Самого Бога какъ Первосущества. Вмѣстѣ съ тѣмъ индивидуальное существо вступаетъ въ періодъ синтеза, завершающаго теченіе его жизни. Въ дальнѣйшемъ движеніи, въ границахъ этого третьяго возраста жизни, конечное существо достигаетъ такого пункта развитія, отъ котораго оно въ обратномъ порядкѣ возвращается въ состояніе первоначальнаго непосредственнаго единства своего существованія въ союзѣ съ Богомъ; затѣмъ, такъ какъ невозможенъ въ жизни покой, опять начинается движеніе жизни индивидуума впередъ, такъ что моментъ смерти есть въ то же время моментъ новаго рожденія его. Конечное существо, по Краузе, именно путемъ смерти вступаетъ въ новую связь со всечеловѣчествомъ (такъ онъ называетъ всю совокупность существъ разумныхъ, существующихъ въ мірѣ), но уже въ другой космической мѣстности, при иномъ союзѣ разума и природы, тѣла и духа. Въ этой новой жизни индивидуума иначе только повторяются тѣ же три эпохи его жизни, эпохи цѣльнаго антитетичнаго и гармоническаго существованія, пока опять не наступитъ смерть, какъ переходъ въ новый періодъ жизни. Такой ходъ индивидуальной жизни продолжается въ безконечность и потому каждое индивидуальное существо проходитъ, какъ сказано, безконечно многіе виды жизни во времени и въ безконечно многихъ пространствахъ. Какъ послѣ cadaго періода жизни съ его тремя возрастами будутъ слѣдовать безконечно многіе другіе періоды жизни: такъ точно каждый періодъ жизни, по Краузе, предполагаетъ позади себя въ прошедшемъ столь же безконечно многіе періоды жизни одного и того же индивидуума, поэтому наше я было уже безконечно много разъ прежде настоящаго своего существованія, хотя мы этого и не знаемъ. Между тѣмъ цѣлый безконечный рядъ этихъ періодовъ жизни индивидуаль-

наго существа опять стоитъ подъ категоріями: положенія, противуположенія и соединенія, но уже въ высшемъ смыслѣ.

Что сказано о всѣхъ отдѣльныхъ существахъ человѣчества, то же самое имѣетъ значеніе и относительно хода развитія всего человѣчества въ цѣломъ. Въ своемъ развитіи оно также проходитъ три ступени, или возраста жизни. Первый возрастъ жизни общечеловѣческой характеризуется какъ состояніе единства различныхъ силъ и направленій ея, второй возрастъ состоитъ въ раскрытіи внутренняго органическаго разнообразія единой человѣческой жизни въ различныхъ народностяхъ и расахъ, послѣ чего слѣдуетъ наконецъ возрастъ зрѣлости человѣчества, — эпоха соединенія всѣхъ племенъ и народовъ въ полную цѣлостность общаго человѣческаго существа на землѣ. Мысль о непрерывной, продолжающейся въ безконечность, смѣнѣ отдѣльныхъ цикловъ жизни какъ индивидуумовъ, такъ и цѣлаго человѣчества нельзя не признать величественною и даже увлекательною, а то представленіе, что земное человѣчество есть только отдѣльный членъ какой либо одной системы изъ многихъ системъ царства духовнаго во вселенной, быть можетъ, заключаетъ въ себѣ догадку о великой истинѣ. Невозможно однако согласиться съ тѣмъ предположеніемъ, что каждое конечное, разумное существо переживаетъ *безконечно* многіе періоды жизни, и что поэтому каждое человѣческое я переживало три стадіи развитія безконечно много разъ до времени земнаго своего существованія; при такомъ возрѣніи на жизнь конечнаго существа дѣйствительность и тождество индивидуальнаго самосознанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ истинное понятіе о человѣческомъ я, какъ созданной Богомъ личности, а равно и личное безсмертіе немислимы. Если для настоящаго нашего самосознанія не осталось воспоминанія, хотя бы смутнаго, о нашемъ прежнемъ существованіи, то по аналогіи съ этимъ фактомъ слѣдуетъ допустить, что и настоящая наша личная жизнь превратится въ темный моментъ безконечнаго развитія. Правда, Краузе, повидимому, устраняетъ эту несовмѣстимость возрѣнія его на жизнь конечнаго существа съ истинною будущаго безконечнаго и притомъ сознательнаго существованія такого существа, тѣмъ, что

весь безначальный, рядъ отдѣльныхъ періодовъ, предшествующихъ настоящей жизни, признаеть состояніемъ непосредственнаго единенія съ Богомъ, при которомъ еще невозможна была самость нашего я. Но вмѣстѣ съ тѣмъ предсуществованіе нашего я становится призрачнымъ, теряетъ всякое значеніе, потому что только тогда наше я подлинно существуетъ, когда сознаеть себя, но самосознанія очевидно не могло быть въ первомъ возрастѣ существованія нашего я. Если же предсуществованіе я понимать какъ такое состояніе его, въ которомъ оно не было еще личностію въ собственномъ смыслѣ, а заключало въ себѣ только зародышъ личной самосознательной жизни: то въ такомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о безначальной исторіи развитія нашего я, совершившейся будто до времени его земнаго существованія. Вообще мысль о безначальности жизни конечныхъ существъ, равно какъ и цѣлой совокупности разумныхъ духовныхъ существъ—есть предположеніе въ системѣ Краузе, тѣсно связанное съ положеніемъ его о безначальности существованія міра, а это послѣднее положеніе въ свою очередь основывается на томъ, что Божество представляется у него не творцемъ міра, но только первооснованіемъ его, первосуществомъ относительно всѣхъ другихъ существъ. Но будучи первооснованіемъ міра, заключающимъ его въ Себѣ, Богъ очевидно уже не есть Существо личное. Можетъ-ли быть личнымъ такое Существо, которое заключаетъ въ себѣ безконечное множество другихъ существъ? Возможно-ли даже такое Существо? Не есть-ли оно только коллективное понятіе цѣлаго міра существъ?

Итакъ задача, поставленная Краузе для своей философіи, осталась не разрѣшенною. Желая противупоставить абсолютной идеѣ Гегеля, какъ абстрактному понятію, представленіе о личномъ Существоѣ Бога, возвышающемся надъ міромъ, Краузе впалъ въ противуположную сравнительно съ односторонностію гегеліанской философіи крайность. У Гегеля абсолютное есть не что иное, какъ безконечно продолжающійся процессъ конечнаго бытія, слѣдовательно, абсолютное поглощается конечнымъ, исчезаетъ въ немъ. У Краузе, наоборотъ, конечное полагается въ безконечномъ, какъ своемъ первооснованіи и утра-

чиваетъ всякую самостоятельность своего существованія; Божество оказывается у Краузе Существомъ, имѣющимъ бытіе на счетъ существованія другихъ конечныхъ существъ. Итакъ вопросъ состоялъ въ томъ, какимъ образомъ избѣгнуть обѣихъ крайностей представляемыхъ, съ одной стороны, пантеистическою системою Гегеля, а съ другой, — панентеизмомъ Краузе. Казалось необходимымъ признать реальную связь между Существомъ Божества и существованіемъ міра. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эту связь не слѣдуетъ-ли повать такимъ образомъ; чтобы ни міръ не исчезалъ въ пучинѣ бытія Божественнаго, ни Божество не поглощалось міромъ. Эту задачу предпринялъ рѣшить Шеллингъ въ своей позднѣйшей философіи откровенія.

И. Петровъ.

(Продолженіе будетъ).

ПСИХОЛОГІЯ И МЕТАФИЗИКА.

(Окончаніе *).

IV.

Какимъ образомъ можно доказать, что духъ, умъ, свобода не суть химеры? Надобно-ли, для сохраненія выводовъ Кузена, отказаться отъ его метода, признать психологию наукою точною, и *конструировать* (построить), какъ говорятъ, сознание, вмѣсто того, чтобы его анализировать? Но подобнымъ образомъ можно построить только отвлеченныя понятія; между тѣмъ сознание, со всѣмъ своимъ содержаніемъ, есть фактъ, и этотъ фактъ самъ служитъ условіемъ той спекулятивной дѣятельности, посредствомъ которой пытаются его построить. Итакъ, волею или неволею, мы снова приходимъ къ анализу сознанія; остается узнать, не можетъ-ли быть сдѣланъ этотъ анализъ съ точки зрѣнія совершенно отличной отъ той, на которой мы до сихъ поръ стояли.

Въ своемъ предъидущемъ изслѣдованіи мы старались опредѣлить содержаніе сознанія; теперь мы знаемъ это содержаніе, или, по крайней мѣрѣ, отъ насъ зависитъ знать его; теперь мы имѣемъ, если можно такъ выразиться, сознаніе о своемъ сознаніи. Оно есть то рефлексивное познаніе фактовъ, которое составляетъ нашу внутреннюю жизнь, то идеальное или лучше — интеллектуальное созерцаніе нашего реального и чувственнаго сознанія, которое мы хотѣли-бы теперь подвергнуть анализу.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 24.

Вѣроятно насъ остановятъ въ самомъ началѣ нашего анализа замѣчаніемъ, что это новое сознание не отличается отъ того, которое мы сами опредѣлили уже, и есть только болѣе ясная и болѣе раздѣльная форма его. Мы-же, напротивъ, утверждаемъ, что оно отличается отъ него совершенно, хотя содержитъ его въ себѣ и хотя можно указать точку, гдѣ оба они сливаются одно съ другимъ. Воля, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы понимаемъ это слово, конечно, не содержитъ въ себѣ сознания о себѣ самой; такъ какъ мы замѣтили, что она проявляется въ слѣдствіе нашихъ возбужденій. Но скажутъ: чувствовать и знать то, что чувствуешь, не одно-ли это и то же? Прежде всего, то фактъ, что можно чувствовать, не зная того, что чувствуешь; такъ что въ настоящее время всѣ психологи согласны въ томъ, что въ насъ происходитъ множество возбужденій, которыхъ мы не замѣчаемъ въ себѣ и о которыхъ большинство людей не имѣетъ никакого представленія. Но даже и тогда, когда мы знаемъ то, что чувствуемъ, наше состояніе и наше познаніе, которое мы имѣемъ о немъ, суть двѣ вещи очень различныя. Знаніе боли не болѣзненно для насъ, но истинно; оно можетъ предшествовать этой боли въ формѣ предвидѣнія и можетъ сохраняться въ формѣ воспоминанія; наконецъ оно не необходимо существуетъ у человѣка терпящаго боль, и ничего не теряетъ въ своей истинности, когда человѣкъ дѣлится свѣдѣніемъ о немъ съ другимъ человѣкомъ. Сверхъ того, можно замѣтить, что наши чувствованія становятся для насъ объектами познанія не непосредственно, а по своей связи съ представленіями. Отвлекитесь, когда вы терпите боль, отъ всѣхъ обстоятельствъ времени и мѣста, удалите всякій образъ внѣшней дѣйствительности и органическаго страданія: вы не уменьшите этимъ вашей боли, но вы не найдете уже въ вашемъ страданіи ничего, что могли-бы воспринять мыслью и выразить въ словѣ.

Итакъ, намъ остается спросить, ощущеніе бываетъ-ли, или можетъ-ли быть рефлексивнымъ познаніемъ о себѣ самомъ? Попытаемся сознать ощущеніе такимъ, каково оно есть въ самомъ себѣ и безъ всякой примѣси мысли; цвѣтъ очерчиваетъ въ пространствѣ фигуру; звуки, запахи, осязательныя

качества группируются около нея; во всемъ этомъ обнаруживается только видоизмѣненіе нашего сознанія, столько-же мимолетное, и столько-же исключительно индивидуальное, какъ и удовольствіе, или боль. Такъ, по всей вѣроятности, это происходитъ у животнаго; такъ это происходитъ и у насъ самихъ, при извѣстныхъ состояніяхъ крайней разсѣянности, когда мы видимъ внѣшніе предметы плывущими мимо насъ, какъ въ мечтаніи. Но мысль изъ этого мечтанія дѣлаетъ реальность; и не только наше ощущеніе становится для насъ, какъ сей-часъ и наше возбужденіе, фактомъ истиннымъ и навсегда остается истиннымъ, но и кажется намъ, что извѣстная совокупность чувственныхъ качествъ, не остается только въ сознаніи, но приурочивается къ определенному пространству, внѣшнему для сознанія; совокупность этихъ качествъ становится для насъ вѣчно бытиемъ, существующимъ въ себѣ самомъ, существовавшимъ прежде нашего ощущенія, и имѣющимъ существовать и послѣ того, какъ мы перестанемъ его ощущать. Итакъ, мысль не менѣе отлична отъ ощущенія, какъ и отъ чувствованія и воли; не мечтаніе превращаетъ себя самого въ бодрственное состояніе, не чувственное ощущеніе измѣняетъ себя самого въ бытіе абсолютное и превращаетъ свой предметъ въ бытіе независимое отъ него самаго. Итакъ, дѣйствительно, въ насъ существуетъ сознаніе интеллектуальное, которое ничего не прибавляетъ къ содержанію сознанія чувственнаго, но которое налагаетъ на его содержаніе печать объективности; надобно только признать, что это второе (т. е. интеллектуальное) сознаніе пробуждается лишь вслѣдствіе ощущенія и что только посредствомъ ощущенія оно сообщается съ первымъ; лишь представляя пространство, мы выступаемъ изъ себя самихъ, чтобы дойти до абсолютности мысли.

Скажутъ, что это абсолютное есть иллюзія, что идея бытія есть лишь смутный образъ того, что есть самаго общаго въ нашихъ ощущеніяхъ, и что этотъ образъ, связываясь съ воспріятіемъ даннымъ, образуетъ собою только мимолетное состояніе нашего индивидуальнаго сознанія? Пусть-же исторгнутъ изъ духа человѣческаго всеобщую вѣру въ реальность міра внѣшняго, пусть сдѣлаютъ невозможнымъ признавать за

своими собственными состояніями: сознанія внутреннюю истину, которую они сохраняютъ относительно прошедшаго, и будутъ сохранять относительно будущаго! Поэтому, если чувственный міръ кажется всѣмъ людямъ реальностію, независимо отъ ихъ ощущеній; то безъ сомнѣнія, это не потому, что этотъ міръ есть вещь въ себѣ, обладающая бытіемъ внѣ всякаго сознанія: но потому, что онъ есть объектъ для интеллектуальнаго сознанія, которое, при мышленіи о немъ, освобождаетъ его отъ субъективизма чувственнаго сознанія. Если всѣ люди увѣрены, что ихъ внутреннія состоянія соотвѣтствуютъ предметамъ въ себѣ самихъ; «не только въ настоящее время; но и въ прошедшемъ и будущемъ;» то не потому, что эти состоянія имѣютъ въ основаніи бытіе эмпирическое и существованіе ихъ ограничивается только настоящимъ временемъ; но потому, что они служатъ объектомъ мысли, которая, возвышаясь надъ всякимъ временемъ, видитъ ихъ такими, какими они существуютъ теперь, какими существовали въ прошедшемъ и какими должны существовать въ будущемъ. Если мысль есть интеллектуальная, то надобно уничтожить все науки; потому что нѣтъ ни одной изъ нихъ, которая не говорила-бы о томъ, что такое вещи сами въ себѣ, внѣ всякаго настоящаго ощущенія и, слѣдовательно, внѣ всякаго времени, — что наука вѣчна, и что вѣчное въ ней, при отождествленіи его съ простымъ отвѣщеніемъ, было-бы хорошо составленнымъ сборникомъ возможныхъ въ ней заблужденій. Надобно даже уничтожить и самую эмпирическую психологію; потому что психологъ увѣряющій меня, что я имѣю сознаніе лишь о моемъ настоящемъ состояніи, выражаетъ этимъ нѣчто другое, а не настоящее состояніе своего собственнаго сознанія; онъ говоритъ о происходящемъ въ моемъ сознаніи какъ о чемъ-то истинномъ въ себѣ самомъ, и желаетъ признанія этого со стороны всѣхъ людей въ томъ видѣ, какъ я это понимаю; итакъ, онъ поставляетъ себя и меня на точку зрѣнія абсолютную, и это дѣлаетъ даже тогда, когда желаетъ лишить меня этой абсолютной точки. Но если онъ не хочетъ говорить лишь о томъ, что происходитъ въ немъ самомъ; то онъ не имѣетъ права выступать изъ области своего мечтанія для (научнаго) утвержденія и убѣжденія меня въ своемъ меч-

таніи; его обязанность, какъ и всякаго скептика, отъ котораго онъ въ концѣ концовъ ничѣмъ не отличается, отказаться отъ знанія.

Быть можетъ было-бы меньше повода отвергать существованіе интеллектуальнаго элемента въ нашемъ сознаніи, если-бы замѣчали, что изъ трехъ измѣреній пространства, существуетъ одно, которое рѣшительно не дается намъ какимъ либо воспріятіемъ и которое есть произвольное предположеніе нашей мысли. Съ перваго взгляда пространство представляется намъ длиннымъ и широкимъ, или лучше — широкимъ и высокимъ; но какимъ образомъ мы узнаемъ, что оно, кромѣ того, и глубоко, или что содержимые имъ предметы размѣщены въ различныхъ разстояніяхъ отъ насъ? Ясно, что мы не можемъ прямо видѣть глубины; потому что, при прямомъ созерцаніи ея, ее надобно было-бы видѣть въ видѣ поперечника, что превратило-бы ее въ длину. Скажутъ, что мы видимъ одинъ предметъ скрывающимся за другимъ? Но гдѣ ручательство, что первый изъ двухъ предметовъ въ направленіи отъ насъ продолжается предъ вторымъ? Скажутъ, что проходя мимо предметовъ, мы начинаемъ сознавать разстояніе, отдѣляющее насъ отъ нихъ? Но какъ понимаемъ мы самое наше движеніе? Мы знаемъ рядъ мускульныхъ измѣненій и въ тоже время видимъ, что одинъ предметъ, находящійся предъ нами, болѣе и болѣе увеличивается, между тѣмъ какъ другіе предметы, представляющіеся намъ смѣжными съ первымъ, постепенно удаляются и наконецъ совершенно исчезаютъ, съ правой и съ лѣвой стороны. Что-же во всемъ этомъ можетъ удостовѣрить насъ, что это мы перемѣщаемся за предметы идя впередъ, а не самые предметы увеличиваются и перемѣщаются по сторонамъ предъ нами? Скажутъ, что для пріобрѣтенія идеи глубины намъ достаточно провести нашею рукою по двумъ поверхностямъ твердаго тѣла, по поверхности предъ собою, и по другой поверхности подъ прямымъ угломъ къ первой? Но вопросъ именно и состоитъ въ томъ, направленіе второго движенія перпендикулярно-ли къ направленію перваго движенія; и эти два направленія, образуя уголъ, не составляютъ-ли въ сущности одно и то-же направленіе при всемъ различіи одного отъ дру-

гало; а этого не можетъ опредѣлить намъ никакое чувственное указаніе, никакое сопротивленіе или треніе. Такимъ образомъ, ни прямо, ни не прямо мы не воспринимаемъ глубины; мы только предполагаемъ, что она существуетъ, и предполагаемъ потому, что приписываемъ вѣшнымъ предметамъ бытіе абсолютное и независимое отъ нашего. Реальный предметъ, въ самомъ дѣлѣ, представляется намъ предметомъ твердымъ, или тѣломъ; онъ представляется также помѣщеннымъ въ пространство, поскольку кажется твердымъ и вѣшнымъ въ отношеніи къ намъ, или въ равстояніи отъ насъ. Но, наоборотъ, — твердость тѣла есть только реальность, которую мы представляемъ въ тѣлахъ за ихъ чувственную видимость; и пространство, по сему, отличается отъ протяженія, видимого и осязаемаго, есть только представляемая нашимъ умомъ возможность единства тѣла и міра реального. Глубина, въ концѣ концовъ, есть фантомъ существованія, иллюзія нашихъ чувствъ, которая видятъ и осознать то, что на самомъ дѣлѣ составляетъ собственный предметъ нашего разума. Спрашиваютъ, что можетъ мысль прибавить къ ощущенію, но при этомъ не замѣчаютъ, что то, что называютъ ощущеніемъ, есть уже, въ наибольшей части, производное мысли, и не въ томъ смыслѣ, въ которомъ мы употребляемъ слово «ощущеніе». Что же такое есть эта мысль, которая связывается въ насъ съ ощущеніемъ, не смѣшиваясь съ нимъ, и свѣтъ которой отражается въ некоторомъ образомъ отъ ощущенія на чувствѣ и волю? Прежде всего устранимъ всякую идею субъекта въ специальномъ и мистическомъ смыслѣ этого слова, идею я трансцендентнаго и вѣшняго, по отношенію къ чувственному сознанію. Подобный субъектъ, на самомъ дѣлѣ, все-же былъ бы объектомъ, который могъ бы существовать для нашей мысли, какъ эта была-бы объектомъ для новой, и такъ въ безконечность. Сверхъ того, какимъ образомъ мысль, реализуемая подобнымъ образомъ внѣ нашихъ состояній сознанія, проявлялась бы при ихъ познаніи? Познаніе не есть дѣйствіе вѣшнее и механическое, производимое однимъ бытіемъ на другое; чтобы познать вещь надобно быть, нѣкоторымъ образомъ, этою самою вещію, а для этого надобно прежде всего не быть этой вещи бытіемъ въ себѣ по отношенію къ другому бытію. Итакъ,

мысль количественно тождественна съ чувственнымъ сознаниемъ; она отличается отъ него, какъ мы замѣтили уже, въ томъ отношеніи, что превращаетъ простыя субъективныя состоянія въ факты и вещи, существующія въ себѣ самихъ и для всѣхъ разумовъ; она есть сознаніе не явленія вещей, но истины или существованія вещей. Для насъ нѣтъ бытія (предметовъ) безъ дѣятельности мысли, которая знаетъ объ этомъ бытіи и утверждаетъ его; у насъ нѣтъ мысли, которая не знала бы и не утверждала бы этого бытія.

Но что такое бытіе вещи, какъ отличное отъ самой мысли? Что мы хотимъ сказать, когда о внутреннемъ состояніи или о предметѣ внѣшнемъ говоримъ, что онъ *есть*, и не только *есть*, но и *былъ* и *даже* *будетъ*? Этотъ послѣдній случай (утвержденіе о вещи, что она *будетъ*) наиболѣе затруднительный изъ трехъ, (существованія настоящаго, прошедшаго и будущаго) собственно и *есть* тотъ, который даетъ намъ ключъ къ двумъ остальнымъ: потому что сказать о вещи не существующей еще, что она *будетъ* существовать, очевидно, это значитъ сказать, что она *должна* существовать, или что въ настоящее время существуетъ опредѣляющая причина ея бытія. Именно на этой-то самой идеѣ опредѣляющей причины мы безсознательно основываемся, когда утверждаемъ истину какой либо вещи настоящей или прошедшей, и если мы отвергаемъ существованіе мечтательныхъ событій, поражающихъ насъ иногда такъ-же сильно, какъ и дѣйствительныя, то это потому, что они не могутъ быть изъяснены ни нашею жизнію предшествовавшею, ни даже, весьма часто, однѣ изъ другихъ. Итакъ то, что мы называемъ истиною или существующимъ, отличается отъ данныхъ чувственнаго сознанія, и отличается не какъ одинъ фактъ отъ другаго, а вообще какъ истина отъ факта; существующее для насъ не есть то, что мы ощущаемъ и воспринимаемъ, а есть то, что мы *должны* ощущать и воспринимать въ силу законовъ природы и сознанія. Но какимъ образомъ мы узнаемъ, что мы должны ощущать и воспринимать одну вещь не такъ, какъ другую? Почему такая-то послѣдовательность событій намъ кажется законною и, слѣдовательно, истинною; между тѣмъ какъ другая намъ кажется незаконною

и, следовательно, должны? Конечно, опыт можетъ научить насъ, что известная последовательность происходитъ чаще, чѣмъ другая, и можетъ такимъ образомъ устанавливать фактическое различіе между бодрственнымъ состояніемъ и мечтательнымъ; но онъ не можетъ убѣдить насъ, что бодрственное состояніе не есть своего рода мечтаніе, только болѣе последовательное и постоянное; онъ не можетъ превратить факта въ истину, потому что онъ состоитъ только изъ фактовъ и потому что нѣтъ ни одного факта, который отличался бы самъ по себѣ большимъ характеромъ истинности, чѣмъ всѣ остальные. Итакъ надобно, чтобы сознаніе интеллектуальное изъ себя самого извлекало свѣтъ, который не можетъ явиться изъ сознанія чувственного; надобно, чтобы прежде всякаго опыта въ насъ существовала идея бытія должнаго, бытія идеальнаго, какъ того желалъ Платонъ, которая была-бы для насъ типомъ и мѣрою для бытія реальнаго. Эта-то идея и должна быть, и одна только, и можетъ быть субъектомъ сознанія, потому что она не есть вещь, но априорная истина всѣхъ вещей, ибо знаніе ея есть лишь сознаніе того, что эта идеальная истина замѣстуется изъ себя самой, узнавая себя въ вещахъ, реализующихъ ее. Теперь спросимъ: какъ эта идея существуетъ въ насъ? Существуетъ ли она какъ врожденная идея вульгарнаго спиритуализма, какъ „раціональный фактъ“, какъ необъяснимое давнее интеллектуальное сознанія? Если-бы она существовала, подобнымъ образомъ, то она была-бы, называясь идеєю, только вещію новаго рода; быть можетъ она была-бы первымъ объектомъ мысли, но еще не была-бы субъектомъ, и должна была-бы оправдать свою истинность предъ высшею идеєю, прежде чѣмъ выдавать себя за критеріумъ истины чувственныхъ вещей; что же остается заключить, какъ не то, что она сама себя производитъ въ насъ, что она существуетъ и сами мы существуемъ поскольку мы есмы интеллектуальный субъектъ, живая діалектика? Не побоимся-же въ некоторомъ образомъ помѣстить мысль къ этой пустотѣ; потому что она можетъ утверждаться только на себѣ самой, и все прочее можетъ утверждаться только на ней; послѣдняя опора всякой истины и всего существующаго находится въ безусловной самодѣятельности духа.

До сихъ поръ мы пользовались, при своемъ изслѣдованіи интеллектуальнаго сознанія, аналитическимъ методомъ, рекомендованнымъ Кузеномъ, и результатомъ нашего изслѣдованія оказалось то, что самая внутреннѣйшая сторона этого сознанія не можетъ быть объектомъ анализа. Мысль въ отношеніи къ чувственному сознанію является фактомъ, — этотъ фактъ мы рассматривали, какъ данное и старались разложить на его элементы; послѣдній изъ этихъ элементовъ, или чистая мысль, есть идея производящая себя саму, которой подлинную природу мы можемъ узнать не иначе, какъ воспроизводя ее, способомъ построенія, а priori, или посредствомъ синтеза. Этотъ переходъ анализа, въ синтезъ есть въ тоже самое время переходъ психологіи къ метафизикѣ.

Попытаемся-же показать, какимъ образомъ идея бытія или истины логически производить саму себя. Предположимъ, что мы еще ничего не знаемъ о существованіи этой идеи; при допущеніи этой гипотезы мы все-же знаемъ, что она *истинна для насъ*, что она существуетъ, или не существуетъ. Итакъ, нѣчто мыслится нами, какъ истинное и существующее; но сказать, нѣкоторая вещь мыслится существующею, значитъ сказать, что мышленію присуща идея бытія, а сказать, что нѣкоторая вещь мыслится истинною, это значитъ сказать, что мышленію присуща идея истины. Такимъ образомъ, идея бытія, рассматриваемая, какъ содержаніе мысли, имѣетъ своимъ предшествующимъ и своею гарантіею идею-же бытія, рассматриваемую, какъ форму этой, самой мысли. Скажутъ-ли, что идея бытія, рассматриваемая, какъ форма мысли, сама нуждалась-бы въ томъ, чтобы имѣть гарантію въ какой-нибудь формѣ предшествующей ей? Пусть будетъ такъ, именно это и должно быть, потому что эта идея, которой существованіе подвергается теперь вопросу, этимъ самымъ ниспадаетъ въ рядъ предметовъ и становится содержаніемъ мысли; а это новое содержаніе тотъ часъ-же находитъ свою гарантію въ новой формѣ, потому что существуетъ-ли или не существуетъ эта новая форма, все-же она *истинна* для насъ, не смотря на свое существованіе или несуществованіе. Итакъ, идея бытія выводится изъ себя самой, и выводится не одинъ разъ, а сколько

угодно, выводится безконечное число разъ; итакъ, она безусловно производить и оправдываетъ себя саму. Бытіе существуетъ, — могли бы мы сказать еще, восходъ въ данномъ предложеніи вопреки общепринятому объясненію, — отъ атрибута къ субъекту; потому что мышленіе начинается положеніемъ своей собственной формы, т. е. становится атрибутомъ; но этотъ атрибутъ всегда можетъ быть принимаемъ за самый субъектъ, и всему существующему, хотя бы оно было небытіемъ, мы можемъ усвоить имя бытія; итакъ, бытіе существуетъ. Эта идея бытія, существованіе которой мы сей-часъ показали, окажется вѣроятно очень пустою; въ самомъ дѣлѣ, она есть только идея существованія или об-щая форма утвержденія; она имѣетъ лишь одинъ положительный характеръ, который состоитъ въ томъ, что она сама себя опредѣляетъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря этому характеру своему, ея достаточно для яснаго пониманія двухъ элементовъ чувственнаго сознанія, въ которыхъ она отражается нѣкоторымъ образомъ, и которымъ сообщаетъ этимъ самымъ объективное значеніе. Она сама себя опредѣляетъ; итакъ, она одновременно является антеріорною (предшествующею) и постеріорною (послѣдующею) въ отношеніи къ себѣ самой; итакъ, она должна быть представляема въ чувственномъ сознаніи подъ пустою формою антеріорности и постеріорности; а эта форма и есть первое измѣреніе пространства, или его долгота. Чѣмъ больше она выступаетъ въ котораго рода логическимъ движеніемъ изъ себя самой, тѣмъ больше она является и антеріорною въ отношеніи къ себѣ самой и постеріорною; а потому должна также совершить и въ чувственномъ сознаніи чисто формальный переходъ отъ *прежде* къ *послѣ*, должна пріобрѣсти послѣдовательное представленіе долготы; а этотъ переходъ или эта послѣдовательность и есть время. Но идея бытія преобразуется сама отъ соприкосновенія съ своимъ собственнымъ отраженіемъ, или символомъ; и будучи въ началѣ только логическою необходимостію, опредѣленіемъ того-же чрезъ то-же, она становится, при соединеніи съ пространствомъ и послѣдовательностію, опредѣленіемъ однороднаго чрезъ однородное, становится необходимостію механическою, однимъ словомъ, становится причинностію. Причинность — вотъ въ концѣ концовъ

бытіе идеальное; чистая схема причинности, невидимая линія, производимая временемъ—вотъ бытіе реальное, или міръ; все-же остальное должно представляться намъ иллюзією, или мечтаніемъ.

Но въ идеѣ бытія нѣтъ-ли чего-либо больше, кромѣ того, что мы видѣли до сихъ поръ? Разсматриваемая въ себѣ самой и въ своемъ отвлеченіи отъ отношеній къ чувственному сознанию, эта идея для насъ не есть только пустая форма утвержденія, которая при отсутствіи объекта—утверждаетъ себя саму. Но этимъ самымъ она требуетъ, какъ своего дополненія, самаго содержанія, отличнаго отъ этой формы, требуетъ въ нѣкоторомъ родѣ бытія матеріальнаго, которое было-бы, однимъ словомъ, не только фактомъ бытія, но и *сущностію* бытія. Эта вторая идея не только дополняетъ первую, но и объясняетъ и оправдываетъ ее; бытіе абстрактное прикрѣпляется, какъ къ своему корню, къ бытію конкретному, и мы не можемъ уже понимать этого бытія иначе, какъ нѣкотораго рода проявленіемъ того, что существуетъ. Бытіе, скажемъ еще разъ, и на этотъ разъ уже согласно съ общепринятымъ пониманіемъ,—есть обнаруженіе субъекта въ атрибутѣ; бытіе полагаетъ себя сначала въ себѣ самомъ, какъ субъектъ и какъ сущность, и потомъ проявляетъ себя внѣ себя, посредствомъ атрибута существованія. Но на какомъ основаніи бытіе полагаетъ себя подобнымъ образомъ въ себѣ самомъ? Именно на томъ, что оно есть бытіе въ себѣ, или то, что есть; ибо если уже простое понятіе существованія намъ представилось имѣющимъ объективное значеніе, то самое бытіе, служащее основаніемъ этому понятію, во сколько разъ болѣе должно представляться истиннымъ и обладающимъ существованіемъ? Тѣмъ не менѣ здѣсь нѣтъ логической необходимости, и ничто не обязываетъ мысль переходить отъ отвлеченнаго бытія, составляющаго ея подлинную форму, къ существованію субъекта, дающаго этой формѣ содержаніе отличное отъ нея. Но мысль сама собою стремится выйти изъ сферы отвлеченія и пустоты; она самодѣтельно полагаетъ бытіе конкретное, чтобы самой стать, полагая это, мыслию конкретною и живою. Первая идея бытія одновременно есть произведеніе и выраженіе необходимости; вторая же открывается вслѣдствіе желанія и есть собственно

воля. Что-же теперь можетъ въ насъ реализовать вторую идею бытія, какъ время и послѣдовательность (линію) мы должны были признать реализующими первую? Бытію конкретному; которое не есть уже вышнее, но внутреннее для себя; которое не есть уже пустая форма, но положительное содержаніе бытія, долженъ соответствовать видъ сознанія, не имѣющій уже никакой экстенсивности; но наоборотъ, имѣющій интенсивность; и этотъ видъ есть ощущение. Но ощущение, будучи простымъ, всегда можетъ быть рассматриваемо какъ сложное изъ другихъ ощущеній, болѣе и болѣе слабыхъ; итакъ; оно внутренне содержитъ одновременное разнообразіе, и это разнообразіе въ свою очередь отображается въ сознаніи какъ пространство однихъ измѣреній, или поверхность. Наконецъ эти два новые элемента чувственнаго сознанія реагируютъ, какъ и два первые, на идею, которую они реализуютъ, и то, что въ себѣ самомъ было только хотѣніемъ быть, становится, въ соединеніи съ ощущеніемъ (и видимымъ пространствомъ, хотѣніемъ жить, желаніемъ, цѣлью жизни. Мы ованчиваемъ такимъ образомъ конструкцію живаго сознанія, какимъ анализъ уже намъ далъ его; и мы знаемъ теперь, что оно имѣетъ не менѣе объективное значеніе какъ и сознаніе отвлеченное и механическое, которое мы построили прежде его. Цѣль жизни, напротивъ, даже болѣе истинна, чѣмъ причинность; какъ ощущение болѣе истинно, чѣмъ пустое время; а поверхность болѣе истинна, чѣмъ послѣдовательность (линія), потому что всѣ три соответствуютъ формѣ болѣе высокой, соответствующую, такъ сказать, второй мощи идеи бытія.

Эта вторая мощь не есть однако-же послѣдняя. Быть,—въ положительномъ смыслѣ этого слова, то есть быть природою или сущностію, значить болѣе, чѣмъ являться только отвлеченнымъ понятіемъ, или логическою необходимостію бытія; но что еще важнѣе, это значить являться высшимъ въ отношеніи ко всей природѣ и свободнымъ отъ всякой (ея) сущности; это значить быть, такъ сказать, только въ *себѣ самомъ*, то есть, чистымъ сознаніемъ и чистымъ утвержденіемъ себя самаго. Эта третья идея бытія не менѣе необходима для второй, какъ вторая для первой; потому что конкретное бытіе, безъ сомнѣнія, въ

себѣ самомъ истинно и достойно бытія; но кто можетъ подтвердить то, что оно дѣйствительно существуетъ, какъ не сознание, отличное отъ него, которое было бы нѣкоторымъ образомъ свидѣтелемъ его истинности и судьей его права на бытіе? Теперь мы дадимъ предположенію „бытіе есть“ его развитую форму: „бытіе обладаетъ существованіемъ“; и узнавши первую идею бытія въ атрибутѣ, а вторую въ субъектѣ, мы легко узнаемъ третью въ связи, которая относитъ атрибутъ къ субъекту и переводитъ цѣлое предположеніе изъ возможности въ дѣйствительность. Не болѣе затруднительно будетъ для насъ утвердить объективное значеніе и второй и третьей идеѣ; потому что если бытіе конкретное намъ явилось уже болѣе истиннымъ; чѣмъ бытіе отвлеченное, то во сколько разъ еще болѣе истиннымъ должно быть то, въ чемъ завершается истинность того и другаго, и что само по себѣ есть истина и свѣтъ? Безъ сомнѣнія, ничто не обязываетъ мысль восходить къ третьей идеѣ бытія, потому что истинность двухъ первыхъ можетъ оставаться дѣйственной и въ скрытомъ состояніи; нельзя также сказать, что она стремится возвыситься надъ бытіемъ въ себѣ, какъ возвысилась она надъ бытіемъ отвлеченнымъ; потому что чего же она можетъ желать больше бытія и жизни? Но ея истинная воля идетъ гораздо далѣе ея желанія и успокоивается только въ томъ, что превышаетъ самаго ея бытія: въ чистой интеллектуальной дѣятельности; посредствомъ котораго она видитъ это бытіе и утверждаетъ его; самая высшая изъ идей рождаетъ свободную волю и сама въ себѣ есть только свобода. Эта идея не имѣетъ, въ собственномъ смыслѣ, чувственного образа: но она реализуется въ мысли опытной и эмпирической, которая дѣйствуетъ (рефлектируетъ) на чувственное сознание и утверждаетъ бытіе элементовъ его составляющихъ. Первая форма этой мысли есть индивидуальная рефлексія, посредствомъ которой каждый изъ насъ утверждаетъ свою собственную жизнь и свое собственное продолженіе жизни, и отличаетъ себя отъ всего утверждаемаго имъ. Вторая форма есть рефлексивное ощущеніе, посредствомъ котораго мы ставимъ внѣ себя предметы пространства, присоединяя въ двумъ измѣреніямъ видимаго пространства еще глубину, которая есть толь-

во образное (фигуральное) утверждение существованія. Идея идей; свобода, въ свою очередь отражается въ индивидуальной рефлексіи и въ пространствѣ трехъ измѣреній, и становится такимъ образомъ рациональнымъ и философскимъ познаніемъ насъ самихъ и міра. Пространство съ тремя измѣреніями, индивидуальная рефлексія и разумъ, — таковы элементы третьяго сознанія, которое мы уже назвали интеллектуальнымъ, и которое еще болѣе истинно, чѣмъ два прежнія, потому что оно въ собственномъ смыслѣ есть сознаніе и утверждение истины двухъ первыхъ. Это третье сознаніе есть такимъ образомъ послѣднее; прогрессъ мысли останавливается послѣ того какъ ища себя въ необходимости, какъ въ своей тѣни, далѣе — въ волѣ; какъ своемъ тѣлѣ; мысль наконецъ находитъ саму себя въ свободѣ; нѣтъ уже четвертой идеи бытія, какъ нѣтъ четвертаго измѣренія пространства.

Быть можетъ, послѣ настоящей двойной работы аналитической и синтетической, мы уже вправѣ прійти къ окончательнымъ выводамъ, благоприятнымъ для спиритуализма, и притомъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Прежде всего, намъ теперь достоверно, извѣстно, что въ насъ существуютъ факты, или точнѣе — дѣйствія, которые можно охарактеризовать духовными, и которые глубоко отличаются отъ всего матеріальнаго и физическаго. Не надобно однако-же смѣшивать, какъ это часто дѣлаютъ, сознаніе съ духомъ; желаніе, чувствованіе, видимое пространство составляютъ лишь часть сознанія; и они-же сами суть элементы природы; причинность, время, послѣдовательность; тоже существуютъ въ сознаніи, но они существуютъ въ немъ только какъ отвлеченныя условія существованія природы. А то, что въ собственномъ смыслѣ духовно, такъ это то, что, по замѣчанію Боссюэта, интеллектуально, — это третье сознаніе, которое есть рефлексивное познаніе двухъ первыхъ и которое мы послѣдовательно анализировали и конструировали *a priori*. Это сознаніе существуетъ, потому что существованіе его не можетъ быть отрицаемо, или подвергаемо сомнѣнію, иначе, какъ только имъ-же самимъ; оно еще тѣмъ болѣе должно существовать, что есть необходимое развитіе одной изъ возможностей или силъ идеи бы-

тія. Но сознаніе можетъ направляться только къ истинѣ; итакъ, мы приведены въ соединенію двухъ вопросовъ, раздѣленныхъ Кузеномъ, именно въ одновременному утвержденію существованія духа и существованія истины внѣшней для духа и независимой отъ него. Наконецъ мы знаемъ, что такое истина: она не есть ни вещь въ себѣ, ни атрибутъ вещей въ себѣ; она есть идея, самого бытія въ двухъ первыхъ возможностяхъ ея, или силахъ, и обнаруженіе этихъ двухъ возможностей въ механизмѣ и въ жизни. Существованіе этой истины не есть для насъ гипотеза, которая бы служила къ объясненію факта сознанія; мы видѣли, что она сама себя утверждаетъ въ абсолютности, въ силу логической необходимости, и въ силу самодѣтельнаго прогрессивнаго движенія мысли; мы непосредственно знаемъ, и то, что она существуетъ, и то, что она должна существовать. Наконецъ мы понимаемъ отношеніе сознанія къ истинѣ, которое въ то же время есть отношеніе духа къ природѣ. Одинъ и тотъ-же, какъ полагалъ Кузенъ, разумъ, который, будучи безличнымъ самъ по себѣ, становится въ насъ рефлексивнымъ и личнымъ, поэтому есть нечто истинное, если не въ матеріализмѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ натурализмѣ, который полагаетъ, что духъ рождается изъ вещей, и который признаетъ разумъ только высшею формою жизни. Но недостаточно сказать, что духъ существуетъ въ природѣ, въ зародышѣ, надобно еще объяснить, какимъ образомъ онъ освобождается изъ нея, и какимъ образомъ познаніе, не переставая быть тождественнымъ съ истиною, отличается отъ природы и противопоставляетъ себя ей. Это-то мы и попытались сдѣлать, показавши, что познаніе начинается свободнымъ актомъ, и что абсолютная мысль, обнаруживающаяся въ вещахъ и дѣлающая ихъ истинными, послѣднею формою и послѣднимъ словомъ своимъ имѣетъ свободу.

Мы полагаемъ также, вмѣстѣ съ Кузеномъ, что все происходящее въ сознаніи можетъ и должно быть изъяснено извѣстнымъ числомъ законовъ и способностей. Мы уже различили въ себѣ два рода законовъ, изъ коихъ одни выражаютъ отношенія нашихъ способностей между собою, между тѣмъ какъ другіе опредѣляютъ порядокъ нашихъ ощущеній, и слѣдова-

тельно, всѣхъ нашихъ частныхъ состояній. Мы тоже приписываемъ изученіе этихъ послѣднихъ, то есть ощущеній, фізіологіи и физикѣ; но при этомъ замѣчаемъ, что они не суть ничто совершенно матеріальное и чуждое мысли, потому что они тоже опредѣлены *a priori* двойной идеею причинности и цѣли жизни. Что же касается нашихъ способностей, то мы равнымъ образомъ, во многихъ случаяхъ, указали на нѣкоторыя изъ нихъ; быть можетъ даже мы указываемъ и полный перечень ихъ въ этомъ нашемъ сочиненіи, когда мы касались синтеза или конструкціи сознанія. Безъ сомнѣнія, насъ спросятъ: необходимость, время, линейное пространство суть ли способности, или простыя предметы сознанія; мы отвѣтимъ, что для насъ они суть постоянные акты сознанія, которое полагаетъ себя, въ самомъ дѣлѣ, какъ чистый предметъ или чистую истину, прежде чѣмъ становится рефлексивною мыслию и свободнымъ утвержденіемъ себя самого. Сверхъ того, мы думаемъ, что сущность нашихъ способностей состоитъ въ томъ, что онѣ въ одно и то же время суть дѣйствующія начала и неизмѣнные предметы сознанія. Одни изъ нихъ, какъ необходимость, воля, свобода, суть въ собственномъ смыслѣ начала, дѣлающія возможнымъ и истиннымъ *a priori* все существующее, другія, какъ-то: время, чувствованіе, индивидуальная рефлексія, три измѣренія пространства, суть тѣ понятія, или *простыя сущности*, о которыхъ говорятъ Декартъ, и Лейбницъ, и которыя, по нимъ, суть послѣдвіе элементы вещей; такимъ образомъ, теорія способностей совпадаетъ для насъ, во всѣхъ своихъ частяхъ, съ тѣмъ, что недавно стали называть теоріею разума. Мы привимаемъ эти двѣ теоріи почти такими, по крайней мѣрѣ въ ихъ общихъ чертахъ, какими представляетъ ихъ спиритуалистическая психологія; но для оправданія ея, мы должны были пользоваться методомъ не принадлежащимъ ей. Въ самомъ дѣлѣ, легко можно признать существованіе въ себѣ такой, или другой функціи, интеллектуальной, или чувственной; но какъ узнать, что эта функція не есть простой продуктъ привычки, что она существуетъ теперь тождественною у всѣхъ людей, и найдутъ ли ее завтра въ своемъ собственномъ сознаніи? Итакъ надобно показать основныя начала способно-

стей и опредѣлить ихъ *a priori*; а съ другой стороны, какимъ образомъ можно переходить логически отъ одной простой формы сознанія къ другой формѣ, которая, по гипотезѣ, не содержится въ первой? Именно это-то мы и попытались слѣдовать, предположивши, что сознаніе со всѣмъ своимъ содержаніемъ, нѣкоторымъ образомъ, тяготеетъ къ свободѣ и разуму. Если нашъ выводъ не представляется достаточно строгимъ, то пусть извинитъ насъ въ этомъ случаѣ затруднительность проблемы.

Намъ остается въ послѣдній разъ объяснить по двумъ вопросамъ, очевидно, соединеннымъ между собою, именно по вопросу о я и о свободѣ. Мы недавно сказали, что я одновременно есть воля къ жизни и основное возбужденное въ насъ состояніе, служащее непосредственнымъ выраженіемъ этой воли въ каждомъ изъ насъ. Быть можетъ таково, въ дѣйствительности, наше я чувственное, или я животное въ насъ; но истинное я человека должно быть находимо гораздо выше, въ своей рефлексіи на самого себя, или лучше—въ абсолютной рефлексіи мысли въ отношеніи къ себѣ самой. Въ себѣ самихъ мы есмы абсолютный актъ, посредствомъ котораго идея бытія, подъ своею третьею формою, утверждаемъ свое собственное бытіе; а для себя самихъ мы есмы явленіе этого акта, или этой индивидуальной рефлексіи, посредствомъ которой каждый изъ насъ утверждаетъ свое собственное существованіе. Это двойное утвержденіе свободно, не только потому, что оно не имѣетъ другой производительной причины, кромѣ себя самого, но и потому, что для удостовѣряемой имъ истины нѣтъ ничего, что опредѣляло бы эту истину, какъ предсуществующая матерія. Бытіе такое, какъ мы его понимаемъ, не есть сначала слѣпая необходимость, далѣе—воля, движимая впередъ этою необходимостію, наконецъ—свобода, обязанная только удостовѣрять существованіе той и другой. Оно есть всецѣло свобода, поскольку сама себя производитъ, всецѣло—воля, поскольку производитъ нѣчто конкретное и реальное, всецѣло—необходимость, поскольку это произведеніе является понятнымъ и отчетливымъ. Такимъ-же образомъ и каждый изъ насъ не есть сначала—механизмъ внутреннихъ состояній, далѣе характеръ, служащій только выраженіемъ этого механизма, еще далѣе—реф-

лексія, или я, этотъ бесполезный и не отвѣтственный свидѣтель нашей внутренней жизни. Актъ, посредствомъ котораго мы утверждаемъ наше собственное бытіе, напротивъ, устанавливаетъ его всецѣло, потому что именно этотъ актъ реализуется и закрѣпляется въ нашемъ характерѣ; обнаруживается и развивается въ нашей жизни. Итакъ не должно говорить, что мы утверждаемъ себя такими, какими есьмы; но напротивъ, надобно говорить, что мы есьмы такими, какими утверждаемъ себя. Въ особенности не должно говорить, что наше настоящее зависитъ отъ прошедшаго, которое уже не находится въ нашей власти; потому что мы творимъ въ каждую минуту нашей жизни не однимъ первоначальнымъ актомъ, простирающимся на всѣ частныя минуты жизни и возвышающимся надъ всѣми ими. Мы въ каждую минуту имѣемъ сознаніе объ этомъ актѣ и слѣдовательно, имѣемъ сознаніе о свободѣ; а съ другой стороны, когда мы рассматриваемъ эти минуты въ ихъ отношеніи однѣхъ къ другимъ, то находимъ, что они образуютъ непрерывную цѣпь и строгій механизмъ. Однимъ словомъ, мы исполняемъ назначеніе, которое сами избрали; или точнѣе—мы не перестаемъ сами дѣлать выборъ; но почему нашъ выборъ не бываетъ лучшимъ, почему мы свободно предпочитаемъ зло добру, то отъ пониманія этого; по всей вѣроятности, надобно отказаться. Во всякомъ случаѣ извинять это было-бы нецѣлостію, и психологія не должна извинять того, что осуждаетъ мораль.

Своею статьею мы искренно хотѣли защитить спиритуализмъ; и именно поэтому мы не побоялись уклониться отъ традиціоннаго спиритуализма по вопросу о методѣ, который въ сущности есть вопросъ школьный. Какъ узнаемъ мы о существованіи духа? Но прежде всего; что такое духъ, или мысль? Мысль, говорятъ, есть фактъ, и каждый человѣкъ имѣетъ сознаніе о немъ. Пусть будетъ такъ, но что собственно разумѣютъ подъ этими словами? Хотятъ ли сказать, что мысль есть видоизмѣненіе нашего субъективнаго состоянія, въ смыслѣ видоизмѣненія дѣятельности ощущенія и чувствованія? Тогда надобно было-бы, чтобы она имѣла собственное содержаніе, которое отличало-бы ее отъ другихъ нашихъ видоизмѣненій; но она сознаетъ, что не имѣетъ другаго какого либо содер-

жанія, кромѣ содержанія ощущенія и чувствованія; откуда, кажется, слѣдуетъ, что она не отличается отъ этого содержанія, или что она есть болѣе или менѣе точное эхо, или отображеніе его. Мы же, для объясненія природы мысли и выясненія существенныхъ свойствъ ея, вступили на путь болѣе длинный, но болѣе вѣрный. Мы соглашаемся съ эмпиризмомъ, что въ насъ, при окончательномъ анализѣ, существуютъ лишь ощущенія и чувствованія; мы замѣтили только согласно съ общимъ смысломъ, что эти ощущенія дѣйствительно существуютъ, что эти чувствованія истинны и не должны быть признаваемы мечтаніемъ. Мы прибавили, что эта истина нуждается въ доказательствѣ, и можетъ быть доказана только *a priori*; что истина, въ самомъ дѣлѣ, не можетъ состоять въ чемъ-либо другомъ, какъ только въ согласіи вещей съ идеею, или точнѣе, съ дѣятельностію и, такъ сказать, съ жизнію идеи, которая проникаетъ вещи и обнаруживается въ нихъ. Мы попытались, наконецъ, показать, что наивысшая форма этой жизни должна быть актомъ рефлексіи и утвержденія себя; а это утвержденіе идеальной истины и есть, по нашему мнѣнію, мысль. Итакъ, если угодно, мысль есть фактъ, но она не есть фактъ эмпирическій и данный, потому что сама-то она и состоитъ въ утвержденіи объективнаго значенія данныхъ опыта. Мы имѣемъ сознаніе о ней въ то самое время, какъ сознаемъ ея объекты, но мы можемъ возвыситься надъ этими объектами, воспроизводя ихъ, посредствомъ спекулятивной или синтетической дѣятельности въ діалектическомъ движеніи, которое составляетъ предѣлъ мысли. Итакъ напрасно хотятъ примѣнить къ изученію мысли приемы пригодные только для изученія чувственнаго сознанія, и подобнаго рода попытка можетъ привести насъ только къ отрицанію мысли. Истинная наука о духѣ не есть психологія, но метафизика.

Ж. Устолинъ.

ИЗРЕЧЕНІЯ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ МЫСЛИТЕЛЕЙ,

ВЫБРАННЫХЪ ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ

Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др.

(Продолженіе *).

Продолжаемъ изреченія Діогена Синопскаго:

Діогенъ говаривалъ, что онъ подражаетъ учителямъ хоровъ, которые даютъ тонъ, чтобы въ этому тону подлаживались и всѣ остальные надлежащимъ образомъ.

Онъ же говорилъ, что отъ одного пальца зависитъ, что весьма многіе кажутся безумными; такъ напримѣръ, если кто идетъ, протянувъ впередъ средній палецъ, тотъ покажется безумнымъ, а если—указательный, то—нѣтъ ¹⁾.

Самое дорогое, говаривалъ онъ, обыкновенно покупается за ничто, и наоборотъ: такъ, напримѣръ, статуя покупается за три тысячи, а хиникъ ²⁾ муки за двѣ мѣдныхъ монеты.

Купившему его Ксеніаду онъ сказалъ: ну, ты будешь дѣлать то, что я буду приказывать. А когда Ксеніадъ возразилъ ему: это значило-бы, что источники рѣкъ текутъ къ своимъ истокамъ, то Діогенъ сказалъ: но если-бы ты, будучи больнымъ, купилъ врача, то не сталъ ли бы повиноваться ему? а

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 24.

¹⁾ Изъ этого изреченія можно видѣть смыслъ и выше приведеннаго изреченія, въ которомъ Димосеенъ сравниваетъ съ среднимъ пальцемъ.

²⁾ Хиникъ (χοῖνιξ)—хлѣбная мѣра, составляющая по нашему счету $\frac{1}{2}$ осмины

теперь говоришь: это значило бы, что источники рѣкъ текутъ къ своимъ истокамъ?

Когда кто-то сказалъ Діогену: повелѣвай нами, то Діогенъ, отведши его, далъ ему сыру на половолу ¹⁾ и приказалъ носить. Тотъ отказался. Тогда Діогенъ сказалъ: твою и мою дружбу разрушила стоящая половола частичка сыру.

Увидѣвъ однажды отрока, пившаго изъ пригоршней воду, Діогенъ выбросилъ изъ своей сумы чашку, сказавъ: ребенокъ побѣдилъ меня своею простотою. Выбросилъ онъ также и блюдо, подобнымъ-же образомъ увидѣвъ малютку, который, разбивъ нечаянно посудину, сталъ ѣсть чечевичную похлебку съ мясомъ пригоршнею.

Діогенъ дѣлалъ между прочимъ такое умозаключеніе: все—Божіе; мудрецы-же—друзья боговъ; а у друзей все общее; слѣдовательно все принадлежитъ мудрецамъ.

Увидѣвъ однажды женщину, въ неприличномъ видѣ прибѣгавшую къ богамъ, Діогенъ, желая отучить ее отъ этого, сказалъ ей: неужели ты не боишься, что Богъ, стоя позади тебя, — а вѣдь Богомъ все полно, — увидитъ твое неприличіе?

Эокулапу ²⁾ Діогенъ посвятилъ убійцу, который, подбѣгая къ падавшимъ ницъ предъ богомъ, убивалъ ихъ.

Онъ-же имѣлъ обыкновеніе говорить, что на немъ исполнились слова молитвы трагиковъ: не имѣющій города и дома, лишенный отечества, бѣдный, блуждающій, живущій однимъ лишь днемъ.

Говорилъ онъ также, что судьбѣ онъ противопоставляетъ смѣлость, закону—природу, страсти—разумъ.

Когда Діогенъ грѣлся на солнцѣ въ Краніѣ ³⁾, Александръ Македонскій, ставъ предъ нимъ, сказалъ ему: проси отъ меня, чего хочешь. Діогенъ же сказалъ ему: не загараживай мнѣ солнца.

Когда кто-то долго читалъ одну книгу и подъ конецъ ея показалъ нѣчто не написанное въ ней, то Діогенъ сказалъ: будьте покойны, господа; я вижу землю.

¹⁾ Если оволь=4 или 5 коп. то половола, очевидно,=2 или 2¹/₂ коп.

²⁾ Богу врачебнаго искусства.

³⁾ Такъ называлась кипарисная роща съ гимназіею близъ Коринѳа.

Когда нѣкто, составивъ рогаый силлогизмъ, сказалъ, что онъ имѣеть рога, Діогенъ, схватившись за лобъ, замѣтилъ: но я не вижу ихъ.

Подобнымъ образомъ и на заявленіе кого-то, что движеніе не существуетъ, Діогенъ отвѣтилъ тѣмъ, что вставъ началъ ходить.

Когда кто-то началъ разсуждать о томъ, что находится на небесной высотѣ, то Діогенъ обратился къ разсуждавшему, съ вопросомъ: какъ давно ты сошелъ съ неба?

Когда одинъ непотребный евнухъ сдѣлалъ такую надпись на двери своего дома: ничто дурное да не входитъ сюда! то Діогенъ спросилъ: а господинъ этого дома какимъ же образомъ входитъ въ него?

Намазавъ муромъ ноги, Діогенъ сказалъ: съ головы, намазанной муромъ, запахъ уходитъ въ воздухъ, а съ ногъ — къ органу обонянія.

Когда Аѳиняне хотѣли посвятить его въ тайнства и говорили, что въ загробномъ мірѣ посвященные получаютъ предсѣдательство, Діогенъ сказалъ: смѣшно, если Агезилай и Епаминондъ будутъ проводить время въ навозныхъ кучахъ, а нѣкоторые ничтожные люди, но посвященные въ тайнства, будутъ находиться на островахъ блаженныхъ.

Относительно мышей, которыя приползли къ столу Діогена, этотъ послѣдній сказалъ: вотъ и Діогенъ кормитъ паразитовъ ¹⁾.

Когда Платонъ назвалъ Діогена собакою, то послѣдній сказалъ: это вѣрно; потому что я возвратился къ продавшему меня.

Выходя однажды изъ бани, Діогенъ на вопросъ: много-ли человѣкъ мылось въ ней? отвѣтилъ: ни одного; а на вопросъ: много-ли народу? — отвѣтилъ: много.

Когда Платонъ сдѣлалъ такое опредѣленіе: человѣкъ есть животное двуногое безперое, и одобривъ такое опредѣленіе, то Діогенъ, ощипавъ перья у пѣтуха, принесъ его въ школу и сказалъ: вотъ человѣкъ по опредѣленію Платона; въ слѣдствіе чего къ прежнему опредѣленію Платономъ прибавлено было: съ широкими ногтями.

¹⁾ Паразитами у Грековъ назывались прихлѣбатели, проживавшіе на чужой счетъ и на чужомъ пропитаніи, обыкновенно въ домахъ людей богатыхъ.

Спросившему: въ который часъ должно кушать? Діогенъ сказалъ въ отвѣтъ: если ты богатъ, то когда хочешь; а если бѣденъ, то когда можешь.

Въ Мегарѣ, увидѣвъ, что овцы покрыты шкурами, а дѣти гражданъ обнаженными ходятъ, Діогенъ замѣтилъ: у Мегарянъ выгоднѣе быть бараномъ, нежели сыномъ.

Когда кто-то бросилъ въ Діогена бревно и затѣмъ сказалъ ему: берегись! то Діогенъ сказалъ ему: не хочешь ли ты еще меня побить?

Діогенъ называлъ народныхъ ораторовъ служителями толпы, а вѣнки—отцвѣтомъ славы.

Иногда днемъ, зажигая свѣтильникъ, Діогенъ ходилъ по улицамъ и говорилъ: я ищу человѣка.

Когда кто-то далъ Діогену пощечину, то Діогенъ сказалъ: о Ираклъ! какъ это я до сихъ поръ не зналъ того, что лучше мнѣ было-бы ходить съ шлемомъ на головѣ?

Также когда Мидій ударилъ Діогена кулакомъ и сказалъ: три тысячи лежатъ у тебя на столѣ. Діогенъ на слѣдующій день взявъ кестъ¹⁾ и съ помощію его поколотивъ Мидію, сказалъ ему: три тысячи лежатъ у тебя на столѣ.

Когда Лизій, продавецъ лѣкарствъ, спросилъ Діогена, признаетъ ли онъ боговъ, Діогенъ сказалъ: какъ же не признаю, когда даже и тебя считаю врагомъ богамъ?

Увидѣвъ одного человѣка, окропившаго себя по религиозному обряду въ видахъ очищенія отъ грѣховъ, Діогенъ сказалъ: несчастный, неужели ты не знаешь, что какъ отъ грамматическихъ ошибокъ ты не избавишься окропленіемъ посредствомъ чернилъ, такъ и отъ грѣховъ совершаемыхъ въ жизни?

Онъ обвинялъ людей за молитвы, говоря, что они просятъ о такихъ благахъ, которые имъ самимъ кажутся таковыми, а не суть таковы по истинѣ.

О тѣхъ, которые боялись сновидѣній, Діогенъ говорилъ: они надъ тѣмъ, что дѣлаютъ на яву, не останавливаются своимъ

¹⁾ Ремень, которымъ обматывали кисть руки при кулачныхъ бояхъ, чтобы сильнѣе были удары для противника.

вниманіемъ, а о томъ, что представляется ихъ воображенію во время сна, очень беспокоятся.

Послѣ Херонейскаго сраженія ¹⁾ Діогенъ, захваченный въ плѣнъ, приведенъ былъ къ Филиппу (царю Македонскому) и бывъ спрошенъ о томъ, кто онъ таковъ, отвѣтилъ ему: лазутчикъ ненасытности твоей. Удивленный царь отпустилъ его на свободу.

Когда однажды Александръ (Македонскій) посылалъ письмо къ Антипатру ²⁾ въ Аѳины чрезъ Афлія, имя котораго значить: несчастный, то Діогенъ, присутствовавшій при этомъ, сказалъ: несчастный отъ несчастнаго чрезъ несчастнаго къ несчастному.

Когда Пердикка ³⁾ угрожалъ Діогену смертію, если онъ не придетъ въ нему, то Діогенъ сказалъ: не великое дѣло сдѣлаешь, потому что и жувъ съ паукомъ тоже дѣлають. А когда тотъ еще болѣе грозилъ ему, то Діогенъ сказалъ: ты и безъ меня могъ бы жить счастливо.

Діогенъ часто кричалъ, говоря, что жизнь людямъ дана богами легкая и удобная, но что только и при усиленномъ исканіи съ ихъ стороны они не находятъ медовыхъ лепешекъ, мѣра и подобнаго. Поэтому одному человеку, который пользовался услугами раба при обуваніи, онъ сказалъ: ты, вѣроятно, еще не будешь считать себя счастливымъ даже тогда, когда онъ будетъ помогать тебѣ сморкаться; но это будетъ, если у тебя не будетъ рукъ.

Однажды увидѣвъ, какъ іеромнимоны ⁴⁾ несли украденную изъ общественной кладовой шапку, Діогенъ сказалъ: великіе воры уносятъ малую вещь.

И. Ж.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Положившаго конецъ политической независимости древней Греціи въ 338 году до Р. Хр.

²⁾ Намѣстникъ Александра.

³⁾ Полководецъ Александра.

⁴⁾ Іеромнимоны — уполномоченные отъ города для участія въ священномъ Амфиктіоновомъ союзѣ.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Января № 1. 1887 года.

Содержаніе: Опрежденія Святѣйшаго Синода.—Высочайшее определеніе объ особыхъ нагрудныхъ знакахъ отличія для несостоящихъ въ духовномъ санѣ докторовъ и магистровъ православныхъ духовныхъ академій.—Высочайшій указъ преосвященному Амвросію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.

Опрежденіе Святѣйшаго Синода.

I. Отъ 12 ноября—3 декабря 1886 года, за № 1158, въ разъясненіе недоумѣній, вызванныхъ указомъ Св. Синода, отъ 4 марта 1885 г., за № 3, касательно устройства церковныхъ приходовъ и состава причтовъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: дѣло по представленіямъ епархіальныхъ преосвященныхъ и по предложенному г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ представленію Саратовской духовной консисторіи о разъясненіи нѣкоторыхъ недоумѣній, возникшихъ въ епархіальныхъ управленіяхъ при исполненіи циркулярнаго указа Святѣйшаго Синода, отъ 4 марта 1885 года, за № 3, касательно устройства церковныхъ приходовъ и состава причтовъ. И по справкѣ, приказали: Изъ поступившихъ по сему дѣлу отъ нѣкоторыхъ епархіальныхъ преосвященныхъ и изъ Саратовской духовной консисторіи представленій усматривается, что при исполненіи указа Святѣйшаго Синода, отъ 4 марта 1885 года, за № 3, касательно устройства церковныхъ приходовъ и состава причтовъ, возникли въ разныхъ епархіальныхъ управленіяхъ различныя недоумѣнія по слѣдующимъ вопросамъ: 1) распространяется-ли дѣйствіе указа Святѣйшаго Синода, отъ 4 марта 1885 г., за № 3, на причты церквей: столичныхъ, городскихъ соборныхъ, единовѣрческихъ, монастырскихъ, при учебныхъ заведеніяхъ, больницахъ и тюрьмахъ относительно состава причта при помянутыхъ церквахъ; 2) распространяется-ли дѣйствіе вышеозначеннаго указа на поименованныя въ первомъ вопросѣ церкви относительно раздѣла между членами причта сихъ церквей кружечныхъ собственно доходовъ и другихъ мѣстныхъ средствъ содержанія;

3) что слѣдуетъ считать собственно кружечными доходами причта; 4) какимъ порядкомъ слѣдуетъ производить между членами причта раздѣлъ причтовой земли, и какую именно долю изъ сихъ средствъ слѣдуетъ выдѣлять діаконамъ и псаломщикамъ; 5) во всѣхъ-ли причтахъ приходскихъ церквей, при которыхъ положены діаконскія вакансіи, ввести нынѣ-же раздѣлъ доходовъ, установленный указомъ Святѣйшаго Синода, отъ 4 марта 1885 года, да № 3, или-же вводить оный только въ причтахъ тѣхъ церквей, къ коимъ въ дѣйствительности опредѣлены будутъ діаконы, и какъ производить раздѣлъ доходовъ, когда діаконъ еще не опредѣленъ; 6) какъ раздѣлять между членами причтовъ какъ кружечные собственно доходы, такъ и другія мѣстныя средства содержанія при четырехчленномъ, шести-членномъ и восьмичленномъ составѣ причтовъ, а также и въ томъ случаѣ, когда причтъ состоитъ изъ священника и діакона, или изъ 2 священниковъ, діакона и псаломщика, или изъ одного протоіерея, одного священника, одного діакона и 3 псаломщиковъ, или изъ одного протоіерея, 2 священниковъ, 2 діаконъ и 3 псаломщиковъ; 7) слѣдуетъ-ли сверхштатныхъ членовъ причтовъ размѣстить на штатныя мѣста, или-же оставить ихъ въ тѣхъ причтахъ, при коихъ они и нынѣ состоятъ, и какими правами могутъ пользоваться сверхштатные члены причта на полученіе части изъ кружечныхъ доходовъ и изъ другихъ средствъ содержанія мѣстныхъ причтовъ; 8) можно-ли опредѣлять діаконъ въ приходы двухклерные и трехклерные, а также въ приходы, въ коихъ находятся сверхштатные псаломщики, а въ коихъ числится прихожанъ отъ 1,200 до 1,600 душъ мужскаго пола и одна пропорція земли, или-же тамъ, гдѣ прихожанъ болѣе 700 душъ мужскаго пола и земли двѣ пропорціи, въ причтъ священникъ и 2 псаломщика; 9) должны-ли приходы, имѣющіе до 1,400 душъ мужскаго пола, быть непременно двухклерными, а состоящіе изъ 2,100 душъ трехклерными, и не слѣдуетъ-ли увеличивать наличный составъ причтовъ постепенно, по мѣрѣ поступленія заявленій отъ мѣстныхъ причтовъ и прихожанъ о нуждѣ въ новыхъ причтахъ и объ имѣющихся для обезпеченія ихъ средствахъ содержанія; 10) слѣдуетъ-ли испрашивать разрѣшеніе Святѣйшаго Синода на опредѣленіе діаконъ въ приходы, съ населеніемъ въ 750 и болѣе душъ мужскаго пола, а также на востановленіе причтовъ въ приходахъ, которые были прежде самостоятельными, а затѣмъ вошли въ составъ другихъ приходо-въ; 11) слѣдуетъ-ли разумѣть, подъ вновь открываемыми приходами тѣ, которые вошли въ составъ другого прихода, какъ часть его, но впоследствии устроили себѣ церковь и просятъ особый самостоятельный причтъ, или тѣ, кои имѣли приписную церковь, но никогда при ней не было особаго причта, или-же тѣ, въ которыхъ существовали особые причты до 1869 года, но потомъ присоединены къ другимъ приходамъ, и слѣдуетъ ли подъ штатнымъ причтомъ разумѣть штатный составъ причта, установленный въ 1869 году, или указомъ за № 3, и 12) можно-ли изъ остатковъ отъ суммъ, назначаемыхъ на содержаніе приходскихъ причтовъ, производить на бу-

дущее время жалованье причтамъ какъ уже возстановленныхъ приходовъ, такъ и тѣхъ, которые имѣютъ быть возстановлены согласно указу Святѣйшаго Синода, отъ 4 марта 1885 года, за № 3. По соображеніи изложеннаго отъ дѣйствующими нынѣ по духовному вѣдомству постановленіями, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: по каждому изъ вышепроеписанныхъ двѣнадцати вопросовъ преподать епархіальнымъ начальствамъ, для руководства, слѣдующія указанія и разъясненія: 1) при изданіи въ 1869 году новаго положенія о приходахъ и причтахъ, въ пунктѣ 9 ст. II Высочайше утвержденнаго 16 апрѣля 1869 года журнала присутствія по дѣламъ православнаго духовенства было постановлено, что причты каедральныхъ и городскихъ соборовъ, а также всѣхъ церквей, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, великомъ княжествѣ финляндскомъ, закавказскомъ краѣ, варшавской и камчатской епархій, придворныхъ, военно-сухопутнаго и морскаго вѣдомствъ, при казенныхъ заведеніяхъ, единовѣрческихъ и кладбищенскихъ, по своему составу, остаются на существующихъ основаніяхъ. Таковое исключеніе, сдѣланное въ 1869 году для причтовъ вышепоименованныхъ церквей и не отмѣненное Высочайше утвержденными 16 февраля 1885 года новыми о приходахъ и причтахъ правилами, изложенными въ указѣ Святѣйшаго Синода, отъ 4 марта того же года, за № 3, продолжаетъ сохранять обязательное значеніе и до настоящее время. Посему на составъ причтовъ церквей: соборныхъ, столичныхъ, единовѣрческихъ при учебныхъ заведеніяхъ, больницахъ и тюрьмахъ, дѣйствіе указа Святѣйшаго Синода, отъ 4 марта 1885 года, за № 3, не распространяется и, слѣдовательно, штатный составъ причтовъ при тѣхъ церквахъ долженъ быть прежній, какой былъ и до изданія новыхъ о приходахъ и причтахъ правилъ, изложенныхъ въ означенномъ указѣ. Не распространяется также, дѣйствіе сего указа и на причты при церквахъ женскихъ монастырей, потому что штатный составъ сихъ причтовъ всегда опредѣляется особыми постановленіями Святѣйшаго Синода. Если же окажется необходимымъ измѣнить при монастырскихъ и при состоящихъ на особомъ положеніи церквахъ штатный составъ причтовъ, то объ этомъ епархіальные преосвященные должны представлять Святѣйшему Синоду съ указаніемъ причинъ увеличенія или уменьшенія штатнаго состава причтовъ, а также и средствъ обезпеченія новыхъ членовъ въ причтахъ; 2) указомъ Святѣйшаго Синода, 4 марта 1885 года, № 3, не отмѣнены Высочайше утвержденныя 24 марта 1873 года правила о раздѣлѣ мѣстныхъ средствъ содержанія православнаго духовенства, и изъ нихъ одинъ только § 19, о раздѣлѣ сихъ средствъ въ соединенныхъ приходахъ, исключень, въ виду того, что съ признаніемъ тѣмъ-же указомъ самостоятельными всѣхъ приходовъ, соединенныхъ съ другими, означенный параграфъ потерялъ всякое значеніе. Не отмѣненъ симъ указомъ и Высочайше утвержденный 1 марта 1880 года журналъ присутствія по дѣламъ православнаго духовенства, о предоставленіи штатнымъ діаконамъ получать изъ мѣстныхъ средствъ содержанія часть въ половину менѣе настоятеля и о распространеніи

правиль 24 марта 1873 г., относительно раздѣла мѣстныхъ средствъ содержанія, на причты церквей, поименованныхъ въ пунктѣ 9 ст. II Высочайше утвержденного 16 апрѣля 1869 года журнала присутствія по дѣламъ православнаго духовенства, а посему причты церквей: соборныхъ, столичныхъ, единовѣрческихъ, при учебныхъ заведеніяхъ, больницахъ и тюрьмахъ, при раздѣлѣ кружечныхъ доходовъ и другихъ мѣстныхъ средствъ содержанія, должны подчиняться тому порядку, какой указанъ правилами 24 марта 1873 года и означеннымъ журналомъ присутствія 1 марта 1880 года. Что же касается порядка раздѣла кружечныхъ и другихъ доходовъ между членами при церквахъ жевскихъ монастырей, то они въ семь случаевъ должны подчиняться общему для приходскихъ причтовъ порядку, изъясненному какъ въ правилахъ 24 марта 1873 года, такъ и въ указѣ Святѣйшаго Синода, отъ 4 марта 1885 года, № 3, кружечными доходами причта слѣдуетъ считать все, что вносится для храненія въ братскую кружку, записывается въ братскую тетрадь и раздѣляется за истекшее время, помѣсячно или по третямъ года, между всѣми членами причта въ причитающихся имъ доляхъ. Посему кружечными доходами причта слѣдуетъ признавать всѣ виды доходовъ, перечисленныхъ въ § 14 Высочайше утвержденныхъ 24 марта 1873 года правилъ о мѣстныхъ средствахъ содержанія, а именно: добротныя даванія за исправленіе церковныхъ и приходскихъ требъ, церковное девольствіе, производимое прихожанами вмѣсто отвода церковной земли, проценты съ капиталовъ, внесенныхъ въ пользу причта на вѣчное обращеніе въ кредитныя установленія, и арендную плату за отдачу въ наемъ, сообща цѣлымъ причтомъ церковной земли, а также принадлежащихъ причтамъ оброчныхъ статей. Эти доходы должны считаться собственно кружечными доходами въ отличіе а) отъ лично вознагражденія или одного священника за исполненіе исключительно его званію принадлежащихъ требъ, или одного изъ членовъ причта за отправленіе свойственныхъ ему званію обязанностей и б) отъ доходовъ, имѣющихъ опредѣленное назначеніе. За уничтоженіемъ условія, вызваваемаго опредѣленнымъ назначеніемъ дохода, таковой долженъ быть также причисляемъ къ кружечному доходу и дѣлиться между всѣми членами причта, такъ: доходы съ капиталовъ, положенныхъ на содержаніе нештатныхъ, діаконовъ, должны поступать въ общую кружку въ тѣхъ приходахъ, гдѣ, въ силу указа Святѣйшаго Синода, отъ 4 марта 1885 года, за № 3, можетъ быть открыта штатная діаконская вакансія; 4) между причтами всѣхъ церквей слѣдуетъ дѣлить причтовую землю точно такъ же, какъ и кружечные доходы, т. е. священникъ получаетъ три части, діаконовъ двѣ части и псаломщикъ одну часть. Изъ сего исключаются причты церквей, поименованныхъ въ 9 пунктѣ II статьи Высочайше утвержденного 16 апрѣля 1869 года журнала присутствія по дѣламъ православнаго духовенства. Причты сихъ исключительныхъ церквей, какъ выше сказано, должны подчиняться порядку раздѣла земли, указанному правилами 24 марта 1873 года и Высочайше утвержден-

нымъ 1 марта 1880 года журналомъ присутствія по дѣламъ православнаго духовенства. Равнымъ образомъ изложенное въ семь пунктѣ общее правило о раздѣлѣ причтовой земли не распространяется на церковные причты въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ, на основаніи особыхъ законоположеній, въ пользованіе каждаго изъ членовъ церковнаго причта отдѣльно (священника, діакона и псаломщика) отводится опредѣленное количество земли, на примѣръ: на церковные причты въ Донскомъ, Кубанскомъ, Терскомъ и въ другихъ казачьихъ войскахъ; 5) установленный раздѣлъ доходовъ между членами причтовъ слѣдуетъ ввести и при тѣхъ церквахъ, при которыхъ могутъ быть, на основаніи указа Святѣйшаго Синода 4 марта 1885 года, за № 3, открыты штатныя діаконскія вакансіи, но въ дѣйствительности еще не открыты, и не замѣщены; въ семь случаѣ производить раздѣлъ всѣхъ доходовъ земли и другихъ мѣстныхъ средствъ содержанія только между наличными членами причта, въ положенныхъ означеннымъ указомъ доляхъ; если же діаконская вакансія, по открытіи и замѣщеніи ея, сдѣлается потомъ праздною, а постановленія о закрытіи ея не будетъ сдѣлано, то съ причитающеюся на діакона частию мѣстныхъ средствъ содержанія причта поступать на основаніи §§ 26, 27 и 28 Высочайше утвержденныхъ 24 марта 1873 года правилъ; 6) на основаніи новыхъ положеній о приходахъ и причтахъ, изложенныхъ въ указѣ Святѣйшаго Синода, отъ 4 марта 1885 года, № 3, нормальный составъ причта, кромѣ причтовъ церквей, находящихся въ исключительномъ положеніи, можетъ быть двухчленный (священникъ и псаломщикъ), или трехчленный (священникъ, діаконъ и псаломщикъ), или пятичленный (два священника, діаконъ и два псаломщика) и т. д. Если же, по мѣстнымъ условіямъ, потребуется измѣненіе такого нормальнаго штатнаго состава причта, то епархіальные преосвященные представляютъ о семъ Святѣйшему Синоду съ указаніемъ: причинъ, вызывающихъ это измѣненіе средствъ для содержанія причта и порядка раздѣла доходовъ между членами причта при исключительномъ составѣ онаго; 7) въ настоящее время, при разрѣшеніи возстановлять закрытые приходы, епархіальнымъ начальствамъ слѣдуетъ непременно озаботиться размѣщеніемъ сверхштатныхъ членовъ причтовъ на штатныя мѣста, впродъ до размѣщенія ихъ на штатныя мѣста они пользуются средствами содержанія на основаніи оставленнаго въ силѣ и по сіе время п. 2 ст. IV Высочайше утвержденаго 20 марта 1871 года журнала присутствія по дѣламъ православнаго духовенства. Если же сверхштатные члены причта откажутся отъ занятія предложенныхъ имъ епархіальнымъ начальствомъ штатныхъ мѣстъ, то таковыхъ почитать заштатными; 8) на основаніи новыхъ правилъ, изложенныхъ въ указѣ Святѣйшаго Синода, отъ 4 марта 1885 года, № 3, въ приходахъ, имѣющихъ 700 душъ мужескаго пола, положены штатныя вакансіи діаконовъ, причемъ предоставлено преосвященнымъ назначать діаконовъ даже и при меньшемъ числѣ прихожанъ. Слѣдовательно, могутъ быть назначаемы діаконы въ приходы двух-

клирные и трехклирные, и не можетъ, служить препятствіемъ къ назначенію діаконовъ въ приходы то обстоятельство, что въ нихъ находятся сверхштатные члены причта, или имѣется одна пропорція земли, или при одномъ священникѣ состоятъ два псаломщика; 9) слѣдуетъ: однако увеличивать штатный составъ причтовъ въ приходяхъ постепенно, по мѣрѣ дѣйствительной въ этомъ потребности и при существованіи достаточныхъ средствъ для содержанія причта, причемъ назначать на открывающіяся, діаконовскія вакансіи лишь при наличности кандидатовъ и всякаго инаго діаконскаго мѣста, если они изъ не окончившихъ курсъ семинарскихъ наукъ, непремѣнно подвергать экзамену и строго исполнять, въ этомъ случаѣ, указъ Святѣйшаго Синода, отъ 3 марта 1886 года, за № 1, о введеніи въ діаконовскій санъ только такихъ лицъ, которыя, по благодѣтельной жизни, и образованію достойны служенія въ священномъ санѣ и надлежаще подготовлены къ учительству въ церковно-приходскихъ школахъ; 10) возобновленіе приходовъ, бывшихъ прежде самостоятельными, и назначеніе діаконовъ въ приходы, имѣющіе болѣе 700 душъ мужескаго пола, зависитъ, отъ непосредственнаго усмотрѣнія епархіальнаго начальства, и на это не требуется разрѣшеніе Святѣйшаго Синода; 11) подъ вновь открываемые приходы слѣдуетъ разумѣть, такіе приходы, которые, по день изданія положенія о приходяхъ и причтахъ, 16 апрѣля 1869 года, не были самостоятельными. Штатнымъ же причтомъ считается тотъ, который установленъ указомъ Святѣйшаго Синода, 4 марта 1885 года, за № 3, и 12) по точному смыслу Высочайше утвержденныхъ 16 февраля 1885 года, новыхъ правилъ, изложенныхъ въ указѣ Святѣйшаго Синода, отъ 4 марта того же года, о запованіи церковнымъ причтамъ, впредь до пересмотра правилъ штатнаго содержанія духовенства, должно быть производимо на будущее время въ томъ же для каждаго члена причта и преемниковъ ихъ размѣрѣ, въ какомъ оно производилось ими, въ день Высочайшаго утвержденія означенныхъ правилъ, т. е. съ тѣми добавками до установленной нормы, которыя были уже отдѣланы, по распоряженію епархіальныхъ начальствъ, на счетъ суммъ, оставшихся свободными отъ закрытія сверхштатныхъ причтовыхъ вакансій, и что на будущее время распределеніе такихъ суммъ между членами причтовъ, тѣми же Высочайше утвержденными правилами, изъята изъ вѣдѣнія епархіальныхъ преосвященныхъ и предоставлено усмотрѣнію Святѣйшаго Синода. Вслѣдствіе сего, содержаніе нынѣ существующимъ членамъ церковныхъ причтовъ и преемникамъ ихъ должно быть и впредь выдаваемо въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ таковое производилось ими до 16 февраля 1885 года. Если же, по какимъ-либо причинамъ потребуются распределить между наличнымъ причтомъ суммы, освобождающіяся отъ закрытія цѣлыхъ причтовъ или отдѣльныхъ вакансій въ ихъ составѣ, то объ этомъ епархіальные преосвященные представляютъ Святѣйшему Синоду, съ указаніемъ какъ тѣхъ причтовъ, между которыми предполагается распределить названныя суммы, такъ и получаемаго ими причтами оклада и размѣра до-

бавки, съ соблюденіемъ, при семъ, чтобы размѣръ суммы, получаемой каждымъ членомъ причта, вмѣстѣ съ назначаемою добавкою, ни въ какомъ случаѣ не превышалъ установленныхъ нормальныхъ окладовъ содержанія. О таковыхъ указахъ и разъясненіяхъ дать знать всѣмъ епархіальнымъ преосвященнымъ циркулярными указами и напечатать въ „Церковномъ Вѣстникѣ“.

II. Отъ 25 ноября—10 декабря 1886 года, за № 2572, о воспрещеніи воспитанникамъ духовно-учебныхъ заведеній отлучекъ изъ училищныхъ общежитій въ учебные дни.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 8 ноября сего года, за № 959, о воспрещеніи воспитанникамъ духовно-учебныхъ заведеній отлучекъ изъ училищныхъ общежитій въ учебные дни. Приказали: Изъ настоящаго предложенія усматривается, что въ одной изъ духовныхъ семинарій до послѣдняго времени существовалъ обычай, по которому воспитанники, живущіе въ семинарскомъ общежитіи, ежедневно, въ послѣобѣденное время, могли отлучаться изъ общежитія на нѣсколько часовъ, безъ разрѣшенія инспектора. Находя, что свободныя отлучки учениковъ изъ училищныхъ общежитій въ учебные дни, безъ особаго на каждый случай разрѣшенія и контроля инспекціи, могутъ причудать воспитанниковъ учебныхъ заведеній къ празднопатаяю и распушенности, вреднымъ во всѣхъ отношеніяхъ для обучающагося юношества, особенно-же духовнаго, Святѣйшій Синодъ, согласно настоящему предложенію, опредѣляетъ: поручить епархіальнымъ преосвященнымъ строжайше подтвердить начальствамъ духовно-учебныхъ заведеній, чтобы отлучки воспитанниковъ изъ казенныхъ общежитій въ учебные дни, хотя-бы во время свободное отъ учебныхъ занятій, отнюдь не были допускаемы безъ особо уважительныхъ причинъ и безъ особаго каждый разъ разрѣшенія инспекціи; о чемъ, для надлежащихъ къ исполненію сего распоряженій, дать знать епархіальнымъ преосвященнымъ чрезъ „Церковный Вѣстникъ“, редакціи котораго передать выписку изъ настоящаго опредѣленія.

III. Отъ 12 июня—12 декабря 1885—1886 года, за № 1137, о порядкѣ выдачи аттестатовъ и свидѣтельствъ окончившимъ курсъ воспитанникамъ духовныхъ семинарій и надзорѣ за ихъ поведеніемъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, 25 апрѣля 1885 года, за № 286, журналъ Учебнаго Комитета, № 141, по представленію одного изъ епархіальныхъ преосвященныхъ объ измѣненіи существующаго порядка выдачи аттестатовъ и свидѣтельствъ окончившимъ курсъ воспитанникамъ духовныхъ семинарій и объ установленіи надзора за ихъ поведеніемъ впредь до поступленія ихъ на епархіальныя должности,

или выхода изъ духовнаго вѣдомства. Приказали: Одинъ изъ епархіальныхъ преосвященныхъ, въ представленіи Святѣйшему Синоду, ходатайствуетъ объ отмѣнѣ установленнаго съ давняго времени обычая выдавать воспитанникамъ духовныхъ семинарій аттестаты непосредственно по окончаніи ими курса. По заявленію преосвященнаго воспитанники, по полученіи аттестатовъ, проживаютъ, въ большинствѣ случаевъ, безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій, или дома, на родинѣ, или даже неизвѣстно гдѣ, не подчиняясь никакому начальственному надзору, кромѣ полицейскаго. Между тѣмъ: а) въ случаѣ неодобрительныхъ поступковъ, воспитанники эти навлекаютъ нареканіе на духовное вѣдомство, б) при неизвѣстности ихъ мѣстожителъствъ ни семинарскому правленію, ни епархіальной консисторіи, возникаютъ затрудненія къ точному выполненію §§ 13 и 169 Высочайше утвержденнаго 22 августа 1884 года устава духовныхъ семинарій относительно распредѣленія воспитанниковъ на соответственныя ихъ способностямъ и поведенію должности и относительно взысканія съ бывшихъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ, въ случаѣ выхода ихъ изъ духовнаго вѣдомства, суммы, причитающейся за ихъ содержаніе въ семинаріи; в) при перепискѣ съ военнымъ вѣдомствомъ объ отбываніи воинской повинности кончившими курсъ воспитанниками семинарій, консисторія нерѣдко ставится въ затрудненіе отвѣчать на дѣлаемые ей запросы, не потерялъ ли тотъ или другой изъ воспитанниковъ льготныхъ правъ по исполненію воинской повинности, за непоступленіемъ въ теченіе года на службу по духовному вѣдомству, или же въ должностъ народнаго учителя. Въ виду вышеизъясненныхъ данныхъ, признавая ходатайство преосвященнаго заслуживающимъ уваженія и принимая во вниманіе, что окончившіе курсъ воспитанники духовныхъ семинарій, до опредѣленія ихъ на епархіальную или духовно-училищную службу, если не заявятъ желанія перейти въ какое-либо другое вѣдомство, должны почитаться состоящими въ духовномъ вѣдомствѣ, въ качествѣ кандидатовъ на священно-церковно-служительскія и учительскія должности въ епархіи, для цѣлей же епархіальной службы необходимо, чтобы епархіальные преосвященные имѣли всегда подъ руками точныя свѣдѣнія не только о числѣ кандидатовъ на означенныя должности, находящихся въ ихъ распоряженіи, но и объ образѣ жизни и поведеніи ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ усматривая изъ производившихся въ Святѣйшемъ Синодѣ дѣлъ, что затрудненія относительно кончившихъ курсъ семинарскихъ воспитанниковъ, подобныя изложеннымъ, встрѣчаются и по другимъ епархіямъ, Святѣйшій Синодъ, по выслушаніи заключенія Учебнаго Комитета, опредѣляетъ: 1) предписать правленіямъ духовныхъ семинарій отбирать отъ воспитанниковъ сихъ заведеній, при окончаніи ими курса ученія, письменныя заявленія о желаніи служить по духовному вѣдомству и объ избираемыхъ ими мѣстахъ жительства, по выходѣ изъ семинарій, и затѣмъ выдавать установленные аттестаты и свидѣтельства на руки только тѣмъ изъ выпускныхъ воспитанниковъ, которые пожелаютъ поступить на службу въ свѣтское вѣ-

домство, или-же продолжить свое образованіе въ высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ; аттестаты-же и свидѣтельства всѣхъ прочихъ семинарскихъ воспитанниковъ препровождать въ мѣстную духовную консисторію, для храненія впредь, до опредѣленія воспитанниковъ на епархіальныя должности; вмѣстѣ съ симъ передавать въ консисторію и заявленія воспитанниковъ о мѣстахъ жительства ихъ по окончаніи курса; 2) вмѣнить епархіальнымъ благочиннымъ въ обязанность, чтобы они дѣлали въ клировыхъ вѣдомостяхъ за каждый годъ, при аттестации подвѣдомыхъ имъ священно-церковно-служителей, отмѣтки объ образѣ жизни и поведеніи проживающихъ въ ихъ благочинническихъ округахъ семинарскихъ воспитанниковъ; 3) предложить духовнымъ консисторіямъ не дѣлать затрудненія въ выдачѣ аттестатовъ и свидѣтельствъ и тѣмъ изъ семинарскихъ воспитанниковъ, кои, изъявивъ, при окончаніи курса, желаніе посвятить себя епархіальной службѣ, пожелали-бы впоследствии, выйти изъ духовнаго вѣдомства, или поступить въ какое-либо высшее учебное заведеніе. Для зависящихъ со стороны епархіальныхъ преосвященныхъ распоряженій и исполненія, напечатать настоящее опредѣленіе въ „Церковномъ Вѣстникѣ“.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ опредѣленія Святѣйшаго Синода, отъ 28 мая—11 іюня сего года, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 11-й день октября прошедшаго года: 1) на установленіе особыхъ, согласно составленнымъ, по распоряженію Святѣйшаго Синода, рисунку и прилагаемому при семъ, въ копіи, описанію его, нагрудныхъ знаковъ отличія для несостоящихъ въ духовномъ санѣ докторовъ и магистровъ православныхъ духовныхъ академій; 2) на предоставленіе права носить такіе знаки и тѣмъ изъ докторовъ и магистровъ богословія, которые удостоены сихъ ученыхъ степеней въ прежнее время, до установленія этихъ знаковъ, и 3) на распространеніе, соотвѣтственно сему, установленнаго Высочайше утвержденнымъ 20 апрѣля 1884 г. уставомъ православныхъ духовныхъ академій права ношенія серебряннаго креста и на тѣхъ кандидатовъ духовныхъ академій, которые удостоены сей степени и приняли духовный санъ въ прежнее время, до изданія академическаго устава 1884 года.

О П И С А Н І Е

нагрудныхъ знаковъ: 1) для доктора богословія, церковной исторіи и церковнаго права и 2) для магистра богословія.

1) На рисунокъ № 1 представлевъ докторскій знакъ въ натуральную величину, прорѣзной. Ободокъ его, равно какъ связанный съ нимъ прямо-

угольникъ и корона—золотые. Въ ободкѣ лавровый вѣнокъ золотой матовый, на полированномъ фонѣ; прямоугольникъ полированный, корона—матовая. Буква Д и три звѣздочки въ четырехъ дугахъ ободка—золотыя матовыя. Крестъ изъ блѣдно-голубой эмали съ золотыми полированными контурами и съ такимъ же сіяніемъ.

2) На рисункѣ № 2 представленъ магистерскій знакъ въ натуральную величину, прорѣзной. Ободокъ его и корона—серебряныя. Поле ободка полированное, лавровый вѣнокъ въ немъ—матовый; корона матовая. Связанный съ ободкомъ прямоугольникъ серебряный, полированный, крестъ съ сіяніемъ, заключенный въ прямоугольникъ—золотой полированный. Звѣздочки и буква М въ четырехъ дугахъ ободка—серебряныя матовыя.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Самодержца Всероссийскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Преосвященному Амвросію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. исправлявшимъ должность Синодальнаго Оберъ-Прокурора, 25 іюля сего года за № 486, журналъ учебнаго комитета, № 254, съ мнѣніемъ о 12 номерахъ газеты „Русскій рабочій“ и пятнадцати брошюрахъ. И, по справкѣ, приказали: Преосвященный Калужскій представилъ на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода пятнадцать брошюръ съ слѣдующими наименованіями: 1) „Два пути и предѣлы ихъ“, 2) „Новая русская азбука“, 3) „Исполняете ли вы волю Божию“, 4) „Пора домой“, 5) „Слѣпой Вертимеръ“, 6) „Встревожился Иерусалимъ“, 7) „Во едину отъ субботъ“, 8) „Слѣпая дѣвушка и Евангеліе“, 9) „Любезный читатель, прочти се повѣствованіе о слѣпомъ“, 10) „Голосъ времени“, 11) „Покаяніе“, 12) „Нравственно-духовныя наизданія“, 13) „Благодаришь ли ты Бога“, 14) „Изъ бесѣдъ покойнаго Преосвященнаго Михаила“ и 15) „Христосъ грѣшную душу къ себѣ призывающій, и воздыханія грѣшныя души ко Христу Сыну Божию“. Вмѣстѣ съ поименованными брошюрами представлены Преосвященнымъ Калужскимъ и 12 №№ газеты „Русскій рабочій“, изд. М. Пейкеръ. Означенныя изданія были переданы, по распоряженію Святѣйшаго Синода, на разсмотрѣніе Учебнаго Комитета, который призналъ: 1) журналъ „Русскій рабочій“ изд. М. Пейкеръ и брошюры: а) „Новая русская азбука для всѣхъ“ М. Е. К., б) „Два пути и предѣлы ихъ“, в) „Пора домой“, г) „Исполняете ли вы волю Божию“ и д) „Голосъ времени“—произведеніями

съ явно сектантскимъ направлєніемъ и потому подлежащими изъятію изъ народнаго обращенія; II) брошюры-же: а) „Благодарись ли ты Бога“, б) „Любезный читатель, прочти сіе повѣствованіе о слѣпомъ“, в) „Слѣпая дѣвушка и Евангеліе“ и г) „Встревожился Іерусалимъ“ (изд. журн. „Русскій рабочій“) — сочиненіями непротивными православному ученію, но по своей скрытой тенденціозности неспособствующими раскрытію этого ученія и потому незаслуживающими не только одобренія, но и допущенія для народа къ употребленію; III) брошюры: а) „Слѣпой Вертимей“, б) стихотвореніе „Во едину отъ субботъ“ и в) изъ бесѣдъ Михаила, Митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго, о томъ: могли-ли законъ, пророки и жертвы спасти челоуѣка, и для чего оныѣ установлены и даны были отъ Бога? — заслуживающими допущенія, для употребленія въ народѣ, и IV) брошюры: а) „Христось, грѣшную душу къ себѣ призывающій“, б) „Покаяніе“ и в) „Нравственно-духовныя назиданія,“ какъ извлеченныя изъ творенія Св. Тихона, Епископа Воронежскаго, — достойными одобренія для народнаго чтенія. Признавая изъясненныи отзывъ Учебнаго Комитета основательнымъ и находя поименованныя въ п.п. I и II брошюры и газету „Русскій рабочій“, изд. М. Пейверъ, непригодными для обращенія въ народѣ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) поставить въ извѣстность Духовныя Цензурныя Комитеты, чтобы они на будущее время не разрѣшали къ печатанію ни одной изъ ниже поименованныхъ брошюръ: а) „Новая Русская азбука для всѣхъ“ М. Е. К., б) „Два пути и предѣлы ихъ“, в) „Пора домой“, г) „Исполняете-ли вы волю Божію“, д) „Голось времени“, е) „Благодарись ли ты Бога“, ж) „Любезный читатель, прочти сіе повѣствованіе о слѣпомъ“, з) „Слѣпая дѣвушка и Евангеліе“ и і) „Встревожился Іерусалимъ“; 2) поручить Епархіальнымъ Преосвященнымъ имѣть наблюденіе, чтобы означенныя брошюры, равно и газета „Русскій рабочій“ не были распространяемы въ народѣ и 3) предоставить Г. Синодальному Оберъ-Прокурору сообщить Министру Внутреннихъ дѣлъ о настоящемъ опредѣленіи Святѣйшаго Синода, и просить зависящихъ съ его стороны распоряженій къ прекращенію распространенія вышепоименованныхъ брошюръ и газеты „Русскій рабочій“. Для исполненія по сему опредѣленію послать всѣмъ Епархіальнымъ Преосвященнымъ и Духовнымъ Цензурнымъ Комитетамъ циркулярныя указы. Ноября 26 дня 1886 года Подлинный указъ подписали: Оберъ-Секретарь Т. Барсовъ. Секретарь Л. Руцинскій. На подлинномъ указѣ резолюція

Его Преосвященства 13 декабря послѣдовала такая. „Въ Консistoriю. Сообщить копію съ сего указа въ редакцію для напечатанія въ Листкѣ“.

ЕПАРХИАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Сверхштатный священникъ Николаевской ц., с. Гіевки, Харьковскаго уѣзда, *Евгеній Чекаловъ* опредѣленъ штатнымъ священникомъ при той-же церкви.

— Заштатный діаконовъ Вознесенской церкви с. Песокъ, Купянскаго у., *Петръ Лукашевъ* умеръ.

— На праздно мѣсто штатнаго діакона къ Іосифо-Обручницкой церкви слоб. Мечебиловой, Изюмскаго уѣзда, опредѣленъ псаломщикъ-діаконовъ Христорождественской церкви села Береки, Зміевскаго уѣзда, *Іоаннъ Поповъ*.

— Псаломщикъ слоб. Вѣлоцерковки, Купянскаго уѣзда, *Тимошей Вѣлоцерковскій* умеръ.

— На псаломщицкое мѣсто къ Покровской церкви г. Ново-Млииска, Купянскаго уѣзда, опредѣленъ *Мисаилъ Дзюбановъ*.

— На псаломщицкое мѣсто къ Ковачковской, церкви, Харьковскаго уѣзда, опредѣленъ *Евгеній Бородяевскій*.

— Въ сл. Свистуновку, Купянскаго уѣзда, перемѣщенъ, по прошенію, псаломщикъ с. Приволья, Изюмскаго уѣзда, *Захарій Макаровскій*.

— На праздно псаломщицкое мѣсто въ Ахтыреко-Богородичной церкви слоб. Михайловки, Изюмскаго уѣзда, опредѣленъ священнической сынъ *Николай Дашневскій*.

— На праздно псаломщицкое мѣсто къ Архангело-Михайловской церкви слоб. Приволья, Изюмскаго уѣзда, опредѣленъ безмѣстный псаломщикъ *Александръ Черняевъ*.

Утверждены въ должности церковныхъ старостъ къ церквамъ: Изюмскаго уѣзда на второе трехлѣтіе: Благовѣщенской—села Богуславскаго крестьянинъ *Яковъ Блакотный* и Архангело-Михайловской—села Ольховаго Рога крестьянинъ *Василій Николенко*; Зміевскаго уѣзда, Успенской—слободы Соколова крестьянинъ *Іоаннъ Руденко* и Дмитріевской—села Ефремовки отставной солдатъ *Алексій Жуковъ*; церковный староста Петро-Павловской церкви въ г. Харьковѣ (на Журавлевкѣ) *Іванъ Евтушенко* уволенъ отъ сей должности по прошенію.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Газета „Южный Край“.—Предстоящій выборъ Константинопольскаго патріарха.—Дѣятельность антиохійскаго патріарха Герасима.—Къ вопросу объ отысканіи средствъ для поддержки церковно-училищнаго дѣла.—Число богомольцевъ въ Кіевѣ за прошедшій годъ.—Обращеніе штундиста въ православіе.—Запрещеніе духовенству Митовской епархіи принимать водку, приносимую прихожанами при требосправленіяхъ.—Всероссійскій кустарный музей.—Тиражъ выигранной 1-го внутренняго займа, произведенный 2 Января 1887 года.

Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ извѣстно, что нѣкоторые изъ ея подписчиковъ, преимущественно изъ духовенства Харьковской епархіи, желающіе слѣдить за событіями текущей жизни, за трудняются въ выборѣ органа, который удовлетворялъ бы ихъ желанію по полнотѣ свѣдѣній и основательности сужденій о явленіяхъ жизни политической, общественной и бытовой. Почему редакція, въ интересахъ своихъ подписчиковъ, считаетъ не излишнимъ обратить ихъ вниманіе на издающуюся въ Харьковѣ ежедневную газету подъ названіемъ „Южный Край“, которая по полнотѣ свѣдѣній о текущихъ событіяхъ церковной и общественной жизни, по основательности сужденій и благонамѣренности не уступаетъ въ настоящее время многимъ столичнымъ газетамъ. Для жителей же южной Россіи эта газета можетъ представлять особенный интересъ. Она вполне оправдываетъ свое названіе „Южный Край“ по обилію свѣдѣній, сообщаемыхъ собственными корреспондентами изъ всѣхъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ въ томъ или другомъ отношеніи мѣстностей южной Россіи.

— Изъ Константинополя сообщаютъ „Слб. Вѣд.“, что бывшій патріархъ Іоакимъ IV отправился, 2 декабря, на свой родной островъ Хіосъ, для поправленія разстроеннаго здоровья. Его провожали митрополиты, члены патріаршаго собранія и многіе представители греческой колоніи. Судтанъ издалъ указъ о назначеніи временно управляющимъ патріаршими дѣлами избраннаго для этого синодомъ и совѣтомъ преосвященнаго Іоанна, архіепископа кесарійскаго. На дняхъ состоялось чрезвычайное засѣданіе членовъ синода и совѣта, въ которомъ обсуждались нѣкоторые предварительные вопросы относительно выбора будущаго патріарха. Рѣшено послать приглашительныя письма къ епархіальнымъ митрополитамъ для того, чтобы они въ 40-дневный срокъ прислали свои закрытые бюллетени. Народное собраніе, долженствующее избрать новаго патріарха, состоитъ изъ 86 членовъ, между которыми только 18 духовныхъ, остальные же міряне. Митрополитъ ираклійскій, который, по пра-

виламъ и по обычаю, долженъ вручить новоизбранному патриаршій жезлъ, приглашенъ особымъ письмомъ. Кандидатами на патриаршій престолъ считаютъ пока троихъ: бывшего патриарха Іоакима III адрианопольскаго митрополита Діонисія и дерканскаго Каллиника.

— Обращаетъ на себя вниманіе дѣятельность патриарха антиохійскаго Герасима, задавшася цѣлью строго блюсти интересы православія въ Сиріи и вести энергичную борьбу съ католическою и протестантскою пропагандою, которая все болѣе и болѣе расширяетъ кругъ своихъ дѣйствій и не щадитъ средствъ для упроченія своего вліянія въ краѣ. Блаженный патриархъ Герасимъ не въ силахъ, однакъ, поддерживать неравную борьбу вслѣдствіе бѣдственнаго положенія своей патриархіи и съ соболѣзнованіемъ долженъ взирать на разрушеніе дѣла православія въ своей паствѣ. Поэтому министерство иностранныхъ дѣлъ, по сообщенію газеты „Свѣтъ“, вошло съ представленіемъ объ оказаніи и въ котораго пособія антиохійской патриархіи въ томъ смыслѣ, чтобы допустить для нея такое же распредѣленіе доходовъ съ ея монастырскаго имѣнія въ Бессарабіи, какое допущено въ 1881 году для имѣній гроба Господня, т. е. что въ пользу патриархіи будетъ поступать не двѣ пятыхъ части дохода, которая она получала до сихъ поръ, а четыре пятыхъ части. Какъ извѣстно, одна пятая часть дохода съ бессарабскихъ имѣній гроба Господня отдѣляется на покрытіе расходовъ по управленію имѣніями и на разныя слѣдующія съ нихъ платежи.

— Епархіальныя начальства заботятся объ отысканіи средствъ для поддержанія церковно-училищнаго дѣла. Архангелъская духовная консисторія опредѣлила: „Ежегодно въ день пятидесятницы, во время утрени и литургии, въ обычное время производить сборъ пожертвованій на содержаніе церковно-приходскихъ школъ; въ нынѣшнемъ же году сборъ этотъ произвести въ день празднованія памяти святителя и чудотворца Николая 6 декабря; вмѣстѣ съ симъ, для усиленія средствъ къ учрежденію и содержанію церковно-приходскихъ школъ, отчислять изъ остатковъ отъ кошелевой, кружечной и свѣчной прибыли ежегодно по каждой церкви по 3 р., а съ болѣе достаточныхъ церквей и до 5 р., при чемъ постановить нормою для церквей для обязательнаго взноса на церковно-приходскія школы сумму остатка указанныхъ прибылей въ 100 р., — т. е. если остатокъ этотъ выразится менѣе 100 р., то взносъ на школы долженъ быть слѣланъ въ 3 р., а гдѣ остатокъ выше 100, то церковь должна уплатить на этотъ предметъ 5 р. Къ такому

же пожертвованію пригласить настоятелей и настоятельницъ монастырей съ тѣмъ, чтобы деньги эти къ концу каждаго года благотворными при рапортахъ представлялись въ консисторію для отсылки по принадлежности, и чтобы въ рапортахъ поясняли, сколько отъ какой церкви представляется взноса, — отдѣльно собраннаго въ назначенный день, высыпано изъ кружки и отчислено изъ церковныхъ прибылей“.

— Подобные сборы уже существуютъ въ нѣсколькихъ епархіяхъ и они даютъ удовлетворительный результатъ. Такъ, изъ Костромы сообщаютъ, что въ мѣстномъ городскомъ соборѣ, благодаря многочисленному стеченію богомольцевъ и назидательной проповѣди ректора семинаріи, сборъ, произведенный 6 декабря, получился уопѣшный, и епархіальный училищный совѣтъ остался доволенъ такимъ сочувствіемъ къ дѣлу устроенія и поддержанія церковно-приходскихъ школъ.

— Нѣсколько времени назадъ нѣкоторыми газетами, умысленно или неумысленно, было сообщено, что число богомольцевъ, посѣщающихъ Кіево-Печерскую лавру, прогрессивно уменьшается изъ года въ годъ и въ послѣдніе годы выражается въ самой незначительной цифрѣ. Сообщение это совершенно невѣрно. По полученнымъ „Кіевляниномъ“ точнымъ свѣдѣніямъ, число богомольцевъ, посѣтившихъ лавру въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ текущаго года значительно превысило прошлогоднее количество богомольцевъ и выразилось въ цифрѣ 876,261. Изъ этого числа лицъ духовнаго званія было 1,256, дворянъ—2,194, купцовъ—1,924, лицъ простаго класса—870,890. Такимъ образомъ, великая русская святыня продолжаетъ стягивать къ себѣ многочисленныхъ поклонниковъ, черпающихъ въ ней великія религіозно-нравственныя силы, разливающіяся по всѣмъ направленіямъ нашего обширнаго отечества.

— Великимъ утѣшеніемъ для одесскаго братства было то, что мѣстные штундисты мало по-малу начали сознавать свои заблужденія и съ должнымъ раскаяніемъ возвращаются въ лоно св. Церкви. Между прочимъ, искреннее раскаяніе принесъ одесскій мѣщанинъ В. Ав. Комаровъ, бывшій въ штундизмѣ 25 лѣтъ. Въ своемъ письменномъ заявленіи, напечатанномъ въ „Херс. Епарх. Вѣд.“, онъ, между прочимъ, такъ говоритъ о своемъ состояніи въ штундѣ и о самой штундѣ: По омраченію ума моего сатаною, по ослѣпленію и прельщенію всѣхъ моихъ чувствъ иностранными лжеучителями, антихристами, слугами сатанинскими и всезлбнѣйшими врагами всего истинно христіанскаго православнаго отечества Россіи,

я сдѣлался было врагомъ, палъ въ глубочайшую душевагубную ересь штундо-анабаптизма, которая есть лютейшій врагъ государству, Самому Господу, Пресвятой Богородицѣ и всѣмъ святымъ; она открыто дерзаетъ безъ всякаго страха называть святыя образы, т. е. иконы памяти Христовой и всѣхъ святыхъ Его—идолами, крестъ Его честный—проклятымъ, церковь святую—капищемъ, священство—фарисеями; она отстранила отъ себя всѣ слова Божіи ветхаго и новаго завѣта и только для одного вида держать у себя псалтырь и новый завѣтъ, все извращая по своему мнимому толкованію; она совершенно отреклась отъ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа тѣмъ, что не признаетъ Его Богомъ пришедшимъ во плоти и только еще изъ-за одного правительственнаго страха лицемерно называетъ себя вѣрующею во Христа; она отказалась отъ святаго крещенія и причастія святыхъ Таинъ Христовыхъ, дарованныхъ для вѣчной жизни въ него вѣрующимъ, и только для одного призрака прилѣпилась къ кощунственно самовыдуманному примѣрамъ тѣхъ святыхъ страшныхъ неизмѣнныхъ таинствъ; она совершенно оставила всѣ святыя праздники и посты Богомъ установленныя и всечестныя Богомъ, постановленные браки разрушила и свои самовыдуманныя установила, и тѣмъ предалась въ безстыдное блудодѣяніе, любодѣяніе и дрелюбодѣяніе.

Въ „Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ напечатано къ непремѣнному исполненію духовенствомъ распоряженіе епархіальнаго начальства, запрещающее духовенству принимать водку, приносимую прихожанами, по издавна заведенному обычаю, при требоисправленіяхъ. Въ виду того, что обычай приносить водку священникамъ при крещеніи младенцевъ, бракосочетаніи и погребеніи ничѣмъ не оправдывается, а только служитъ въ распространенію и поддержанію пьянства и оазывается положительно вреднымъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи, консисторія положила: воспретить священникамъ, діаконамъ и псаломщикамъ принимать приносимую имъ водку прихожанами при требоисправленіяхъ и вообще при какихъ бы то ни было случаяхъ подъ опасеніемъ строгаго взыскація за неисполненіе сего распоряженія начальства, при чемъ поставить въ непремѣнную обязанность священникамъ тѣхъ приходоу, гдѣ существуетъ такой обычай, въ продолженіи четырехъ недѣль со времени объявленія сего распоряженія произносить соотвѣтствующія поученія къ прекращенію сего безобразнаго обычая, вразумляя прихожанъ стремиться къ воздержанію и трезвости для собственнаго ихъ блага. Поводомъ къ изданію вышеизложеннаго

распоряженія послужило донесеніе одного благочиннаго объ обычѣ приносить водку при требоисправленіяхъ и проистекающихъ отъ того вредныхъ послѣдствіяхъ.—Сколько намъ извѣстно, обычай этотъ весьма распространенъ и во многихъ другихъ епархіяхъ.

— „Новое Время“ сообщаетъ: Въ настоящее время разрабатываются правила и проектъ по учрежденію Всероссийскаго торгово-промышленнаго музея кустарныхъ издѣлій. Музей предполагаютъ открыть въ Петербургѣ. Программа его будетъ слѣдующая: ознакомленіе публики съ положеніемъ и издѣліями кустарныхъ промысловъ; содѣйствіе сбыту произведеній этихъ промысловъ: подъемъ производительности и улучшеніе техники кустарнаго производства. Такъ какъ главною цѣлью музея будетъ содѣйствіе сбыту издѣлій, то со стороны администраціи музея для достиженія этой цѣли будутъ принимаемы слѣдующія мѣры: оповѣщеніе кустарей всей Россіи о коммисіонной дѣятельности музея, розничная торговля доставляемыми ему товарами (товары будутъ приниматься на комиссію и покупаться на счетъ музея); выставка издѣлій съ обозначеніемъ на нихъ всѣхъ нужныхъ для покупателей и заказчиковъ свѣдѣній; совѣщанія кустарей съ заказчиками и проч. Съ цѣлью подъема уровня производства со стороны музея будутъ предоставлены кустарямъ образцовые рисунки, формы, модели со всѣхъ предметовъ кустарнаго производства. Кромѣ того, съ этою цѣлью предполагается также открыть большую художественно-промышленную бібліотеку при музеѣ.

Въ произведенный 2 января 1887 года въ С.-Петербургѣ тиражъ выигрышей 1-го внутренняго съ выигрышами займа главные выигрыши пали на слѣдующіе №№ билетовъ:

№ серіи.	№ билета.	Выигр. рашь.	№ серіи.	№ билета.	Выигр. рашь.	№ серіи.	№ билета.	Выигр. рашь.	№ серіи.	№ билета.	Выигр. рашь.
3199	20	200000	18504	32	8000	4379	17	1000	3517	44	1000
8853	13	75000	12300	18	8000	12728	18	1000	13711	33	1000
10330	9	40000	7759	5	5000	7832	21	1000	13189	22	1000
1845	44	25000	14696	31	5000	12600	47	1000	19076	40	1000
4671	9	10000	13206	17	5000	16991	40	1000	8386	47	1000
493	41	10000	3384	9	5000	11654	14	1000	15476	39	1000
9418	22	10000	5304	20	5000	7589	46	1000	9015	13	1000
1492	32	8000	9524	28	5000	9333	6	1000	14860	12	1000
11836	46	8000	11113	15	5000	10915	16	1000	15553	1	1000
4522	26	8000	19554	29	5000	15861	41	1000	4814	33	1000

Выигрыши въ ПЯТЬСОТЪ РУБЛЕЙ пали на слѣдующіе билеты:

№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.
2863	1	8382	6	15304	14	17680	21	18864	27	8845	34	17803	39	8283	45
3434	1	9532	6	17992	14	1361	22	1953	28	9672	34	1036	40	9400	45
4148	1	16606	6	6850	15	1740	22	4073	28	11277	34	5221	40	14533	45
7146	1	704	7	9355	15	1918	22	8559	28	19759	34	6227	40	18173	45
7298	1	12107	7	16878	15	3003	22	12866	28	5502	35	11493	40	18647	45
7454	1	343	8	17574	15	4620	22	316	29	8431	35	17388	40	18824	45
12393	1	571	8	1234	16	11222	22	4271	29	8881	35	6905	41	2138	46
12539	1	2402	8	338	17	14169	22	5120	29	16709	35	12703	41	5843	46
16418	1	4560	8	3850	17	17010	22	7898	29	17439	35	14557	41	6679	46
7550	2	9078	8	4993	17	7804	23	11483	29	8584	36	17811	41	7706	46
9431	2	13157	8	14081	17	4710	24	13284	29	12045	36	1387	42	11317	46
11333	2	13766	8	2079	18	6411	24	18006	30	16812	36	4554	42	1439	46
12639	2	15222	8	10994	18	13295	24	2812	31	264	37	5694	42	3970	47
12886	2	17945	8	11612	18	15098	24	9066	31	1845	37	8988	42	4134	47
16234	2	18381	8	14857	18	15477	24	11094	31	5746	37	13938	42	6455	47
19974	2	2225	9	3489	19	1940	25	15994	31	11470	37	14895	42	8990	47
2054	3	6335	9	4800	19	11268	25	17287	31	18619	37	15163	42	2637	48
3956	3	12824	9	5928	19	18414	25	17477	31	6720	38	15481	42	4800	48
8011	3	17983	9	8080	19	5825	26	19854	31	79492	38	16141	42	7225	48
8586	3	1154	10	10757	19	10949	26	2712	32	11734	38	1394	43	12070	48
11576	3	2831	10	17052	19	11100	26	3540	32	15833	38	4872	43	2965	49
12938	3	3558	10	19264	19	13224	26	5971	32	16949	38	8700	43	3725	49
13440	3	16405	10	3118	20	17862	26	7694	32	18215	38	10640	43	4836	49
15368	3	12815	11	4840	20	18629	26	13887	32	19147	38	11616	43	5018	49
10843	4	14208	11	9138	20	19026	26	1839	33	1898	39	14729	43	8048	49
11904	4	8699	12	9955	20	302	27	3637	33	1948	39	16176	43	10963	49
14572	4	9537	12	15583	20	2756	27	7855	33	6496	39	6343	44	11106	49
16468	4	11156	12	18795	20	4740	27	9610	33	6575	39	11671	44	5854	50
19658	4	14867	12	5315	21	12448	27	264	34	6700	39	13748	44	6771	50
4058	5	19388	12	5791	21	12958	27	1403	34	7272	39	123	45	11755	50
5004	5	18432	13	11725	21	15097	27	6124	34	14933	39	701	45	18752	50
9713	5	3002	14	14439	21	15985	27	7718	34	16683	39	4193	45	19336	50
14205	5	5913	14	15733	21	18230	27								

Удѣла выигрышей будетъ производиться исключительно въ банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1 апрѣля 1887 года.

Таблица серій билетовъ 1-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1864 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ правленіи Государственнаго Банка, 2 января 1887 г.

Нумера серій.

216	1985	6877	7277	1570	4617	3347	6710	1659	15087
14600	9317	5938	17483	5468	16954	1808	903	1892	19783
945	8035	14036	7773	15475	17390	14444	3505	17347	9089
9888	2217	714	18891	16658	13092	1662	19813	14773	2190
4627	4719	18776	11780	1933	15586	2499	1093	17324	2478
1239	7964	18317	3036	14383	16808	11380	1921	16926	18336
19568	8418	16881	1988	17741	19346	4290	10400	5233	8564
19468	4996	18327	19539	9554	3718	19148	8601	13205	7690
			10292	17880	12176	11617			

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части - изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: Въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

~~Р~~ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.